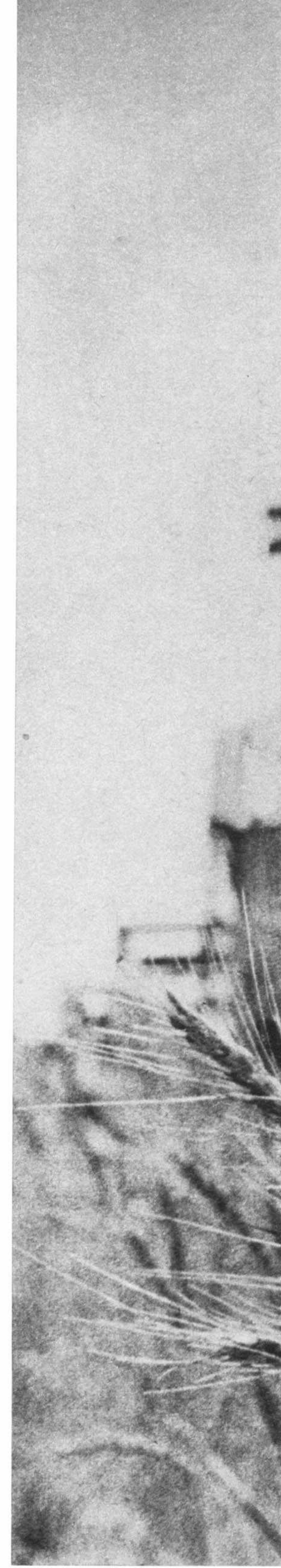

ОГОНЁК
№ 26 ИЮНЬ 1969
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ж

ОГОНЁК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 26 (2191)

Основан 1 апреля 1923 года

28 ИЮНЯ 1969

АТВА

...Лето. Страда. Вот и пришла наконец самая хлопотная, самая напряженная, но и самая желанная для земледельца пора. В южных районах страны началась косовица озимых культур.

Перед вами две фотографии, сделанные нашим фотокорреспондентом Алексеем ГОСТЕВЫМ 18 июня в Туркмении, в Тедженском районе: на поливных землях колхоза «Победа» идет уборка ячменя и озимой пшеницы. И вот один из героев первых дней страды — комсомолец, помощник комбайнера Худаирберды Овезбердыев.

В Тедженский район фотокорреспондент приехал не случайно: за выполнение плана сельскохозяйственных заготовок 1968 года району было вручено Красное знамя Совета Министров СССР и ВЦСПС. А как теперь обстоят здесь дела? Урожай ожидается хороший. Колхоз-миллионер «Победа», например, обещал вдвое перевыполнить план заготовок сельскохозяйственных продуктов. Колхоз получит ныне по 15—18 центнеров озимой пшеницы с гектара, а пшеница здесь отменная — высокоурожайный сорт «Турцикум-57», выведенный в Туркмении для засушливых районов, показал себя наилучшим образом.

...Колосится золотое море пшеницы, зашумели на полях комбайны. Большого вам успеха, отличной жатвы, хлеборобы!

После завершения работы международного Совещания коммунистических и рабочих партий корреспондент «Огонька» Александр Сербин встретился с членом Политбюро, секретарем ЦК Французской коммунистической партии товарищем Жоржем МАРШЕ, принимавшим участие в Совещании в составе делегации ФКП, и попросил его ответить на несколько вопросов.

К ЕДИНСТВУ В БОРЬБЕ

Вопрос. Как вы оцениваете итоги и значение международного Совещания коммунистических и рабочих партий?

Ответ. Прежде всего я хочу подчеркнуть, что наша партия в течение последних лет последовательно и настойчиво выступала за созыв Совещания. Последнее совещание такого рода состоялось в 1960 году, то есть девять лет назад. За эти годы произошли большие события, и перед мировым коммунистическим движением встала необходимость провести совместный анализ происшедшего.

Я сказал — необходимость и не случайно употребил это слово. Для борьбы против империализма требуется сплоченность всех антиимпериалистических сил, и коммунистические партии должны играть в этом решающую роль. Именно поэтому нам было так важно совместно проанализировать обстановку и определить важнейшие цели. Товарищ Вальдек Роше говорил на Совещании, что мы никогда не уступим тем, кто хотел бы ослабить роль и значение коммунистических партий.

Такова первая причина, почему мы боролись за созыв Совещания.

Вторая причина состоит в том, что, как известно, в международном коммунистическом движении появился ряд разногласий по некоторым вопросам. Маоистские руководители ведут раскольническую деятельность, что ослабляет борьбу против империализма. В этих условиях Совещание должно было явиться этапом в сплочении рядов коммунистического движения.

Из сказанного вытекает значение международного Совещания коммунистов.

Теперь об итогах. Наша партия считает, что Совещание является крупным успехом коммунистического движения и всех народов мира. Этот успех определен следующими моментами: во-первых, в Совещании приняли участие 75 компартий, работающих на всех континентах, борющихся в различных условиях. Во-вторых, документы, которые мы приняли, дали программу действий, которая будет способствовать подъему борьбы коммунистов и всех трудящихся. В-третьих, во время подготовки Совещания и в ходе его были применены новые методы работы, и они будут иметь огромное значение для коммунистического движения в будущем.

Действительно, ни одно Совещание не готовилось так коллективно и демократически, как это. Все компартии могли высказать свою точку зрения по поставленным вопросам и на всех этапах могли принять участие в подготовке документов. В освещении работы коммунистического форума существовала широкая гласность, все документы публиковались широко и быстро. Каждая партия имела возможность проводить пресс-конференции, если она этого хотела.

Дискуссия на Совещании проходила в духе товарищества. Должен отметить, что в создании этой обстановки большая роль принадлежит Коммунистической партии Советского Союза.

Как известно, Совещание приняло ряд документов — Основной документ «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил», призыв достойно отметить 100-летие В. И. Ленина и другие. В Основном документе дан глубокий анализ современной международной обстановки — как сил империализма и его политики, так и трех основных сил мирового революционного движения — мировой социалистической системы, международного рабочего класса и национально-освободительного движения. Из этого анализа следует

ВСЕМИРНАЯ АССАМБЛЕЯ МИРА

В столице Германской Демократической Республики завершила свою работу Всемирная Ассамблея мира, в которой участвовали представители многих стран и народов, массовых движений и общественных организаций. Ассамблея обсудила актуальные проблемы нашего времени, связанные с борьбой за упрочение всеобщего мира и устранение угрозы мировой ракетно-ядерной войны.

В послании участникам ассамблеи Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнев и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин заверяют «всех, кто дорожит интересами мира и свободы, что они могут вполне положиться на Советский Союз. Симпатии советских людей — на стороне народов, дающих отпор агрессивным проискам империализма, утверждающих свой суверенитет и национальную независимость».

Всемирная Ассамблея мира горячо откликнулась на «Воззвание в защиту мира», принятое Московским Совещанием коммунистических и рабочих партий, и продемонстрировала дух единства и сплоченности людей доброй воли, для которых борьба за мир неразрывно связана с антиимпериалистической борьбой.

Участники Берлинской Ассамблеи решительно осудили американскую агрессию во Вьетнаме и выразили полную поддержку борющемуся героическому вьетнамскому народу, высказались за неотложные меры по укреплению европейской безопасности, осудили израильских агрессоров и потребовали вывода их войск с оккупированных территорий арабских стран. Большое внимание Ассамблея уделила вопросам нераспространения ядерного оружия, сотрудничеству всех миролюбивых сил в борьбе за всеобщую безопасность.

Всемирная Ассамблея мира еще раз убедительно показала, что в наше время в решении проблем войны и мира огромная роль принадлежит народам, их активным и совместным действиям.

Н. ПАСТУХОВ

На снимке: летчик-космонавт СССР К. П. Феоктистов и советская киноактриса Лариса Лужина во время заседаний Ассамблеи.

(Телефото АДН — ТАСС)

вывод, что империализм хотя и становится слабее, тем не менее остается еще достаточно сильным, а его агрессивность возросла. Поэтому для коммунистических партий и всех антиимпериалистических сил требуется укреплять свое единство в борьбе за мир, демократию, прогресс и социализм.

Анализ, данный в Основном документе, полностью отвечает точке зрения ФКП. Мы считаем, что соотношение сил в мире меняется в пользу социализма и что единство наших сил и расширение нашей борьбы является решающим для ускорения этого процесса.

Очень важно, что Основной документ определяет общие цели борьбы для всех коммунистических и рабочих партий. Я бы хотел подчеркнуть три задачи, которые имеют особое значение для французских коммунистов.

Мы намерены усилить нашу деятельность за укрепление солидарности с вьетнамским народом вплоть до его окончательной победы.

Нам предстоит шире развертывать борьбу за политическое решение проблем Ближнего Востока, чтобы заставить израильских агрессоров выполнить известное решение Совета Безопасности, которое требует возвращения захваченных территорий и признания права на существование всех государств этого района.

Одна из наших важнейших задач — борьба за коллективную безопасность в Европе. Основная опасность на европейском континенте проистекает из агрессивной политики правящих кругов ФРГ. Они отказываются признать право на существование ГДР, не хотят согласиться с послевоенными границами и мечтают о ядерном оружии для осуществления своих агрессивных замыслов.

Исходя из этого, наша партия борется за претворение в жизнь решений конференции коммунистических и рабочих партий европейских стран в Карловых Варах. Поэтому мы также придаем большое значение Будапештскому Обращению государств — участников Варшавского договора о созыве совещания европейских государств для обсуждения вопросов европейской безопасности и мирного сотрудничества.

Наконец, важность Совещания в Москве состоит в том, что на нем коммунистические и рабочие партии определили, как никогда глубоко и верно, принципы отношений между собой. В Основном документе подчеркивается, что каждая партия сама с учетом принципов, как общих и верных для всех, так и с учетом национальных условий и традиций, определяет свою политику и свои методы борьбы. Вместе с тем, подчеркивает Основной документ, национальные задачи партии неразрывно связаны с ее интернациональным долгом.

Мы считаем, что Основной документ Совещания поможет всем коммунистическим и рабочим партиям максимально развернуть свою деятельность за прогресс, демократию и социализм.

Вопрос. В Основном документе сказано, что в цитаделях капитализма рабочий класс является главной движущей и мобилизующей силой революционной борьбы. Как осуществляет эту роль рабочий класс Франции?

Ответ. Последние события в нашей стране полностью подтвердили решающую роль рабочего класса Франции в борьбе за демократию и социализм. За последнее время идеологи капитализма попридумывали немало теорий, рассчитанных на то, чтобы принизить мощь и значение действий рабочего класса. Факты показали полную абсурдность этих теорий. В мае 1968 года в нашей стране происходили самые крупные за последние годы классовые столкновения между трудящимися и государственно-монополистическим капитализмом. Почти десять миллионов человек приняло участие в забастовках, потому что десять лет трудящимся отказывали в удовлетворении их требований. Со своей стороны, студенты и профессора выступили за демократическую реформу образования, крестьяне встали в защиту своих прав. Все это способствовало росту антимонополистического движения. Рабочий класс был центром этого движения.

В провале правящей партии на референдуме 27 апреля рабочий класс сыграл основную роль — именно в рабочих центрах оппозиция режиму была наиболее мощной. На недавних президентских выборах рабочий класс снова убедительно продемонстрировал свою силу.

Конечно, рабочий класс не может один прийти к достижению своих целей — ему нужны союзники: трудовое крестьянство, инженерно-техническая интеллигенция, число которой растет, молодежь. Но правдой остается то, что рабочий класс является решающей силой в процессе преобразования общества.

Поэтому наша партия приветствует вступление в ее ряды десятков и сотен молодых рабочих. Нас радует, что число первичных организаций ФКП на предприятиях увеличивается. Молодые рабочие сейчас выдвигаются на руководящие посты в партии.

Вопрос. Коммунисты Франции всегда находились в первых рядах борьбы против колониализма, всегда выступали за союз с национально-освободительным движением. Как сейчас осуществляется эта линия?

Ответ. Французская коммунистическая партия полностью солидаризируется с народами, борющимися против империализма, который попрежнему стремится устанавливать прямое господство над другими странами. И здесь в первую очередь мы думаем о Вьетнаме. Во Франции все слои глубоко осуждают преступную войну американского империализма против вьетнамского народа. Мы провели кампанию по сбору средств для борющегося Вьетнама и отправили в ДРВ «корабль солидарности». Мы будем и впредь поддерживать вьетнамский народ морально и материально. В этом году в фонд Вьетнама уже собран один миллион франков.

Мы разоблачаем политику неоколониализма. От французского правительства мы требуем, чтобы оно строило свои отношения с освобожденными странами на основе равноправия и взаимной выгоды.

Вопрос. Что бы вы хотели передать советским коммунистам?

Ответ. Очень приятно подчеркнуть активное сотрудничество между КПСС и ФКП как в ходе подготовки Совещания, так и во время его работы. Для нас это важно, ибо, как говорил на последнем пленуме ЦК ФКП товарищ Вальдек Роше, мы придаем большое значение узам дружбы и солидарности между нашими партиями.

Мы выражаем признательность ЦК КПСС, советским коммунистам, всему советскому народу за создание прекрасных условий, в которых работало Совещание. Мы знаем, что это было непросто, потому что у вашей страны и у вашей партии немало других забот. Но мы также хорошо знаем, что в этом нашла отражение воля советских коммунистов, которые всегда готовы оказать поддержку народам, борющимся за свою свободу и счастье. Это новое подтверждение глубокой преданности Коммунистической партии Советского Союза принципам пролетарского интернационализма, преданности, которая всегда присуща КПСС.

«ЕСТЬ ЛИ ШАНСЫ У НОВОГО АДОЛЬФА?»

В. Б. Ломейко «Есть ли шансы у нового Адольфа?». Издательство «Международные отношения». М. 1968.

Быстрый рост неонацистской опасности в Западной Германии, резкое увеличение влияния неонацистов на сравнительно многочисленные слои избирателей Федеративной республики тревожат мировую общественность.

Вот почему книга В. Ломейко «Есть ли шансы у нового Адольфа?», которая прослеживает историю возникновения НДП, вызывает большой интерес. С тех пор, как в Ганновере в ноябре 1964 года более семисот последышей Гитлера основали новую партию, ее развитие шло весьма быстрыми темпами. Успехи на выборах в Гессене и Баварии в ноябре 1966 года наглядно показали, что зверь нацизма разбужен. В самом деле, более миллиона голосов, отданных только в двух землях за неонацистских кандидатов,— это факт, который нельзя сбрасывать со счетов.

А затем последовал штурм других земельных парламентов. Ныне главарь партии Адольф фон Тадден, или, как его называют, Адольф II, провозглашает своей целью создание в бундестаге после новых выборов фракции из нескольких десятков неонацистских депутатов.

В книге подробно рассказывается не только о том, из кого состоит верхушка партии,— это главным образом бывшие нацисты, получившие партийные билеты НСДАП еще до того, как Гитлер уселся в кресло рейхсканцлера. Говорится и о причинах, которые обусловили бурный рост неонацистской угрозы в Западной Германии. Это прежде всего деятельность основных политических партий Западной Германии — Христианско-демократического союза и Социал-демократической партии. Действительно, реваншистская программа христианских демократов исходит из тех самых принципов, которые провозглашает НДП. Это отказ признать статус-кво в Европе. Это — требование пересмотра существующих границ. Это отказ признать ответственность Германии за кровавые преступления, совершенные гитлеровцами.

«Истоки коричневой окраски наших идей надо искать в черной окраске идей ХДС»,— открыто признается бывший нацист, а ныне видный сподвижник фон Таддена Эмиль Майер-Дорн. «Нет ни одного важного пункта программы, ни одного важного политического заявления НДП, которых бы нельзя было найти также в программах боннских партий»,— констатирует западногерманский профессор Петер фон Ёрцен.

В книге В. Ломейко подчеркивается, что, повторяя лозунги ХДС и СДПГ, национал-демократы вместе с тем апеллируют к избирателям: правящие партии, говорят они, не смогли претворить эти лозунги в жизнь. Только тогда, когда у власти станут неонацисты, можно будет осуществить эти широкие планы реванша. Но вместе с тем НДП использует в своей пропаганде лозунг, который избегают поддерживать партии «большой коалиции», — антиамериканизм.

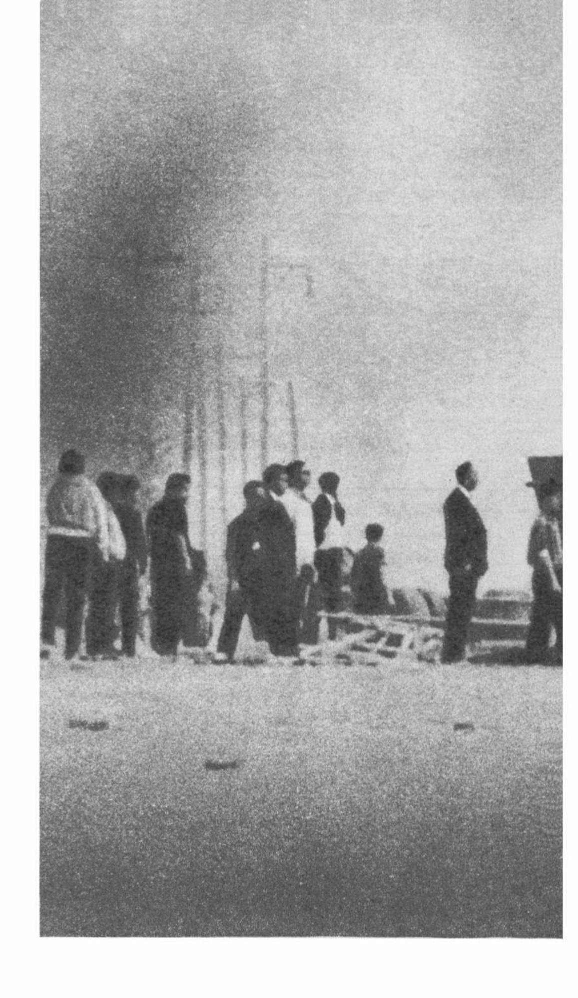
В 1967 году в Федеративной республике действовало более 1 200 американских фирм. В руках Соединенных Штатов находится 42 процента автомобильной промышленности Западной Германии, а в таких новейших отраслях, как производство электронных машин, даже 85—90 процентов. И те трудности, которые испытывают бизнесмены Западной Германии от конкуренции с более мощными американскими партнерами, НДП стремится использовать для того, чтобы привлечь бюргеров, весьма далеких от прогрессивных идей, но заинтересованных в ослаблении зависимости Западной Германии от богатого заокеанского дядюшки.

В главном — по какую сторону баррикады, то бишь линии, разделяющей военные блоки, должна стоять Западная Германия — у НДП нет колебаний. Еще в начале 1967 года тогдашний шеф пропаганды НДП Гесс, отвечая журналистам на вопрос, будет ли, по мнению национал-демократов, война против СССР на стороне Соединенных Штатов войной за иностранные интересы, безапелляционно заявил: «Конечно, нет».

Переживший кошмар ленинградской блокады Владимир Ломейко пишет: «Мрачная тень свастики заслонила от моего поколения солнце безмятежного детства. У многих из нас не было ни отрочества, ни юности. Все заменила война... И чтобы это никогда не могло повториться, мы обязаны сохранить в своем сердце неумолимую беспощадность. Беспощадность ко всему, чему позорное имя — фашизм».

А. ЕФРЕМОВ

ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА, ЗА БУДУЩЕЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

Владимир **НИКОЛАЕВ**

Пройдут века, но двадцатое столетие навсегда будет самым знаменательным в истории человечества. Возможно, в будущем именно с него начнут новое летосчисление.

А пока человечество вступило в последнюю треть двадцатого столетия. Что самое характерное для нынешнего дня? Обострение исторического противоборства сил прогресса и реакции, социализма и империализма. Какой главный вывод следует из констатации этого факта? Сложившаяся в мире обстановка требует единства действий коммунистов, всех антиимпериалистических сил, чтобы, максимально используя все новые возможности, развернуть более широкое наступление на империализм, на силы реакции и войны.

Эти самые животрепещущие вопросы современности поставило и дало на них ответы международное Совещание коммунистических и рабочих партий, проходившее с 5 по 17 июня в Москве. Совещание вписало одну из ярких страниц в революционную летопись двадцатого века.

Да, начатая в 1917 году революция продолжается. Тогда опутавшая весь мир цепь империализма была разорвана в России. Сегодня ареной противоборства социалистической революции и империализма является весь мир. Социализм уже победил на одной трети земного шара и добивается все новых успехов. Наша эпоха — эпоха перехода от капитализма к социализму. Так определило ее международное Совещание коммунистических и рабочих партий в документе — «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил».

Участники Совещания обратились к народам мира, ко всем людям независимо от их убеждений и политических взглядов с призывом к совместным действиям во имя защиты и укрепления мира. В принятом Совещанием «Воззвании в защиту мира» сказаны самые главные сегодня для всех слова: «Борьба идет за самое важное — за будущее человечества».

Свыше 70 миллионов человеческих жизней унесли первая и вторая мировые войны. Новый мировой конфликт в нынешних условиях принесет неминуемую гибель сотням миллионов людей. Эта угроза таится в политике империализма, и прежде всего американского империализма,— в наращивании гонки вооружений, усилении международной напряженности, разжигании конфликтов и локальных войн в разных уголках земного шара.

Американская агрессия во Вьетнаме, израильская агрессия на Ближнем Востоке, происки империализма против Кубы, у берегов Кореи, против многих государств Азии, Африки, Латинской Америки, возрождение западногерманского милитаризма и поднимающий голову неонацизм, агрессивный блок НАТО — вот далеко не полный перечень конкретных преступных дел империализма. В его главной цитадели, Соединенных Штатах, всю полноту власти сосредоточил в своих руках так называемый военно-промышленный комплекс, зловещий союз Пентагона и Уолл-стрита. Этот комплекс наживы и агрессии требует новых и новых финансовых приношений. Сейчас в Пентагоне поговаривают о том недалеком будущем, когда военный бюджет будет составлять сто миллиардов долларов, а то и больше (в настоящее время этот бюджет равен 82 миллиардам).

На всю планету прозвучал голос международного Совещания коммунистических и рабочих партий в защиту мира. И в те же самые дни во всю мощь своей пропагандистской машины американский империализм продолжал нагнетать напряженность, как бы пытаясь в бессильной злобе заглушить идущий из Москвы призыв. При этом американцев пытаются запугать тем, что им якобы угрожает Советский Союз. Но все больше людей на земле сознает, откуда на самом деле исходит реальная военная опасность. Ярчайшее тому свидетельство — Всемирная Ассамблея мира.

Международный форум коммунистов, проходивший в Москве, заявил, что прочный мир сегодня — это не утопия, а вполне реальная цель. Но во имя ее достижения необходимо добиться единства всех прогрессивных миролюбивых сил. И вот посланцы людей доброй воли всех континентов собрались в Берлине, чтобы подвести итоги и наметить дальнейшие шаги борцов за мир.

Много еще предстоит приложить усилий в борьбе против империализма, за мир на земле, за светлое будущее человечества. Империализм еще остается серьезным и опасным противником, но он уже бессилен вернуть утраченную им историческую инициативу, повернуть вспять развитие современного мира. Магистральный путь развития человечества определяют мировая социалистическая система, международный рабочий класс, все революционные силы. Сегодня эти силы получили боевую программу действий, в которой воплощен опыт борьбы и коллективная мудрость мирового коммунистического и рабочего движения. «Принятые Совещанием документы,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев,— дают всем нам новое оружие в нашей общей борьбе. Они помогут коммунистам и трудящимся всех стран еще яснее увидеть пути дальнейшей борьбы с империалистической агрессией и угнетением. Они прозвучат над миром как наш совместный братский призыв ко всем честным, прогрессивным силам на земле, выступающим за дело свободы, мира и счастья народов».

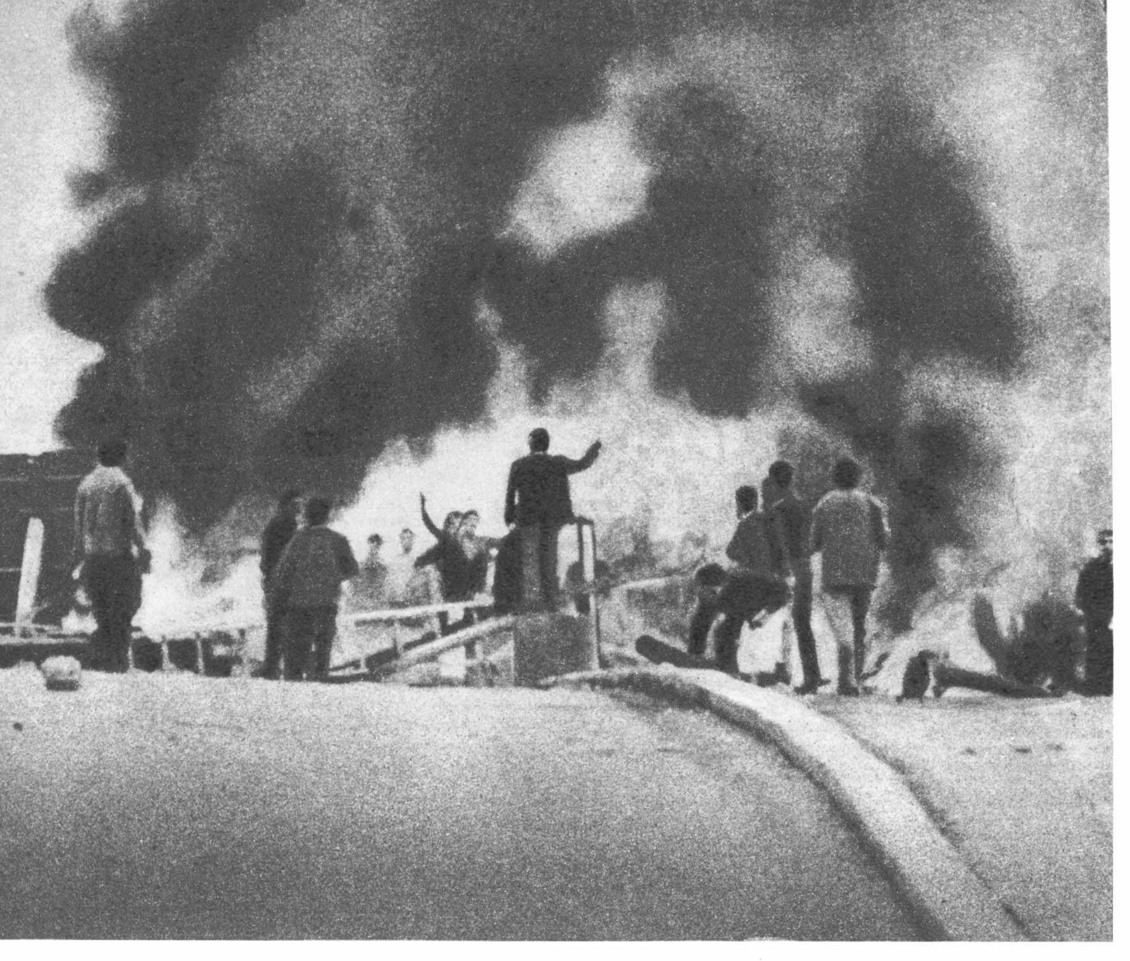
ОГОН

Взрыв огромной силы потряс Аргентину. Годами копился народный гнев против социальной несправедливости, против засилья монополий и латифундистов, против попрания демократических свобод. Возмущение вылилось на улицы аргентинских городов мощными демонстрациями, остановило работу предприятий, закрыло двери учебных заведений.

Во второй половине мая аргентинские студенты начали выступления за демократизацию высшего образования и за прекращение полицейских репрессий. Их поддержали рабочие. После городов Коррьентес и Росарио, где жертвами полиции пали четверо студентов, огонь возмущения перекинулся на Кордову, Санта-Фе, Буэнос-Айрес, Ла-Плату и другие крупные центры страны. Аргентина дрогнула от мощных выступлений во время общенациональной забастовки 30 мая. Власти ответили на действия трудящихся новыми полицейскими расправами. Но движение народных масс не прекратилось. Аргентина по-прежнему в огне классовых столкновений.

Фотографии, которые печатаются здесь, рассказывают о боях трудящихся города Кордовы против полиции и армии, которая была вызвана в поддержку местных властей.

Фотографии из аргентинской печати.

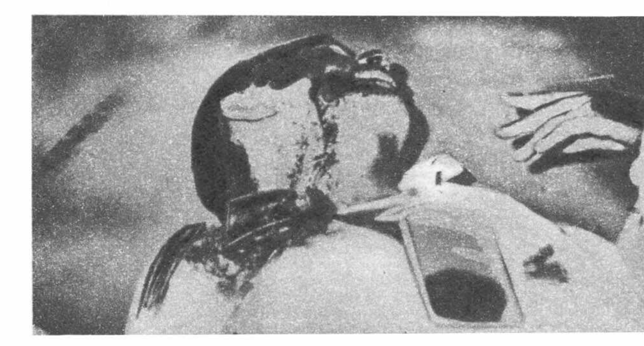

Так выглядела Кордова в те дни.

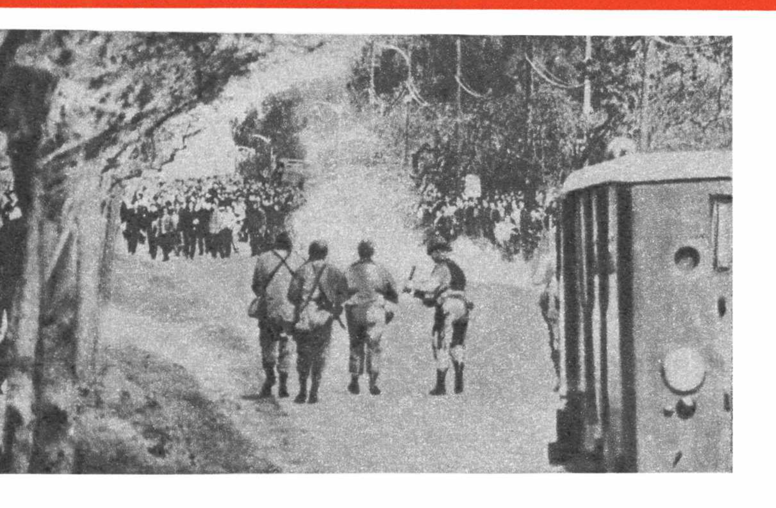

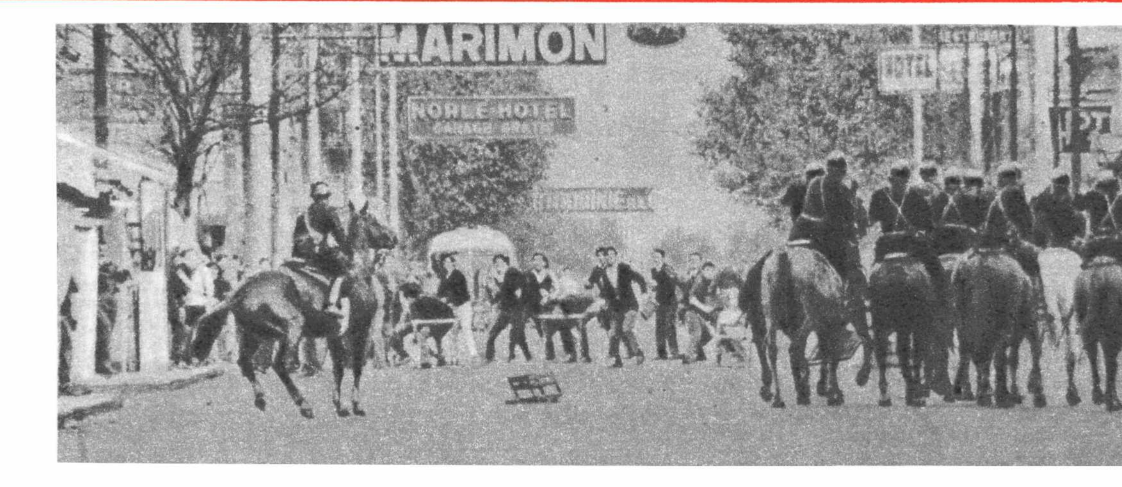
Для разгона демонстраций власти применили слезоточивые газы и...

...огнестрельное оружие. Всего за время столкновений в Кордове было убито двадцать человек.

ь КЛАССОВЫХ БОЕВ

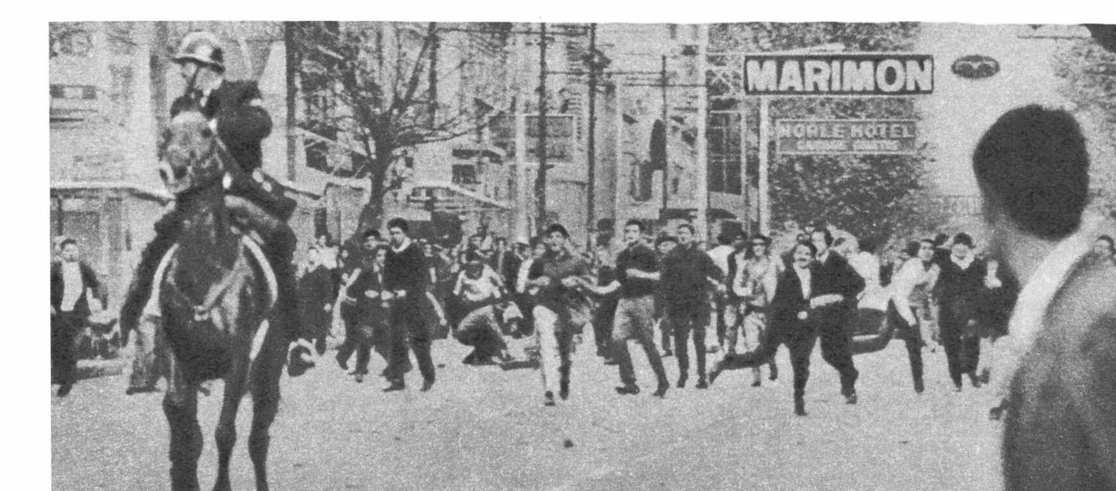
Трудящиеся Кордовы прекратили работу и вышли на улицы. Полиция была наготове.

Против рабочих и студентов власти бросили конную полицию.

На улицах стали возникать баррикады. Рабочие овладели значительной частью города.

Булыжник — оружие пролетариата. Град камней заставил полицию отступить.

Владимир Ильич Ленин с первых дней Советского государства отмечал огромное значение технического прогресса. 30 июня 1919 года В. И. Ленин подписал «Положение об изобретениях». За минувшие с той поры пятьдесят лет в нашей стране выдано около 200 тысяч авторских свидетельств. Сейчас в Комитет ежедневно поступает около 400 заявок на предполагаемые изобретения.

Интервью «Огонька»

ДЕРЗАТЬ, ИСКАТЬ...

Ю. Е. МАКСАРЕВ,
председатель Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР

В Основном документе, принятом международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве, подчеркивается, что широкое развертывание научно-технической революции стало одним из главных участков исторического соревнования между капитализмом и социализмом. Используя преимущества социалистического строя, наш народ добился серьезных успехов в развитии современной науки и техники.

Советская техника ныне неизменно вызывает пристальное внимание в самых развитых капиталистических странах. Влияние нашей инженерной мысли на развитие мировой техники становится все более и более заметным. Советские мартены признаны лучшими в мире. Они превосходят зарубежные по объему, они совершеннее конструктивно. Домна объемом 2 700 кубических метров — полностью автоматизированный агрегат с производительностью, еще не достигнутой в других странах. Это поистине рекордсмен. У нас создан и запатентован принципиально новый способ охлаждения мартеновских печей с помощью... кипятка. Лицензии на строительство доменных печей проданы в Японию, ФРГ, в другие страны.

В научно-исследовательском институте металлургического машиностроения разработаны замечательные по своим достоинствам прокатные станы. Я всегда с большим удовлетворением говорю об исследованиях, которые ведутся в украинском институте, возглавляемом академиком Б. Е. Патоном. Этот коллектив лидирует в разработке методов сварки, а также машин, приспособлений для ее осуществления. Нельзя не упомянуть о работах академика Л. Ф. Верещагина и доктора технических наук В. Н. Бакуля по созданию искусственных алмазов.

Не случайно во всем мире одним из важных показателей уровня научно-технического развития страны принято считать количество изобретений, запатентованных за рубежом. В СССР это количество растет год от года. В портфеле Министерства внешней торговли СССР находится немало предложений советских инженеров и ученых, на которые получены запросы из США, Японии, Англии, от фирм других стран. Советский Союз становится все более видным поставщиком лицензий на мировом рынке. Отмечая это обстоятельство, одно из зарубежных изданий поведало такую курьезную историю. На советский аппарат «Электросон» выдан американский патент № 3160159. Но до этого патентный поверенный в Вашингтоне решил испытать машину на своем коллеге. Через четыре минуты его партнер спал...

Невозможно представить такую область техники, ее самый малый раздел, где изобретатели не могли бы внести какую-то смелую идею, оригинальное, порой совершенно неожиданное решение трудной задачи. Пример? Ну хотя бы виброшлифование, изобретенное М. Д. Лившицем. Ранее создатели шлифовальных станков стремились избежать самой незначительной вибрации, она ухудшала чистоту шлифовки, а тут оказалось, что можно ту же вибрацию использовать для значительного повышения точности обработки деталей.

В Луганске разработан магистральный тепловоз «ТЭ-109» — новая конструкция принесла коллективу 51 авторское свидетельство на оригинальные узлы и агрегаты. Все они находятся на уровне самых современных инженерных и конструкторских представлений и дают существенную выгоду: увеличение скорости движения, сокращение эксплуатационных расходов, экономию топлива.

За время, прошедшее после XXIII съезда КПСС, у нас зарегистрировано 70 тысяч изобретений. Более 600 миллионов рублей получила страна от внедрения только части их. Каждое из этих изобретений стало новым словом в развитии отечественной и мировой техники, свидетельством новых побед. В карьерах Норильского горно-обогатительного комбината можно увидеть мощный экскаватор-богатырь, который не прекращает работу даже при 50-градусном морозе. Машина изготовлена из особой хладостойкой стали, технологию выплавки которой предложил ученый из Московского вечернего металлургического института В. Н. Полисадов. Кроме особых, неизвестных ранее достоинств и качеств этой стали, тонна нового сплава на 10—12 рублей дешевле обычной. Нелегко пришлось изобретателю: на него давил груз веков, на протяжении которых была отлично отработана технология сталеварения. И тут нельзя не обратить внимания на такое обстоятельство: свободная от догм, устоявшихся представлений прошлого мысль инженера, ученого часто развивается смелее, дерзновеннее. Примеров тому немало — посмотрите хотя бы, как стремительно движется атомная энергетика, как много нового в использовании возможностей атома вообще, какие изумительные приборы созданы на принципе квантовой электроники...

Было бы неправильно полагать, будто только такие ведущие отрасли народного хозяйства, как, скажем, металлургия, машиностроение, энергетика, открывают простор мысли изобретателя. В изобретательстве нет «мелочей». У нас, например, запатентован способ приготовления русского кваса — лицензией на него интересуется ряд зарубежных фирм. Русский квас уже известен в ФРГ, Японии. Или вот другое изобретение — пластмассовые шрифты. Десятки лет используется гарт — сплав, казавшийся незаменимым. А теперь создана пластмассовая композиция «АТ». Получаемые из нее шрифты не только дешевле, но и лучше. Тиражеустойчивость их выше, работать с ними сподручнее, они практически безвредны для здоровья. Я мог бы продолжить этот перечень. Тут и напиток «Саяны», и русский способ выделки овчины, и коптильный препарат; считается, что рыбу или, скажем, ветчину можно коптить только в печах, на дыму. Оказывается, что достаточно обработать продукт коптильной жидкостью — и все готово! При этом не ухудшаются вкусовые качества, не уменьшаются и другие достоинства продукта. Изобретены оригинальный погрузчик-стогометатель, машина для наклейки рубероидной кровли. Пустяки? Не скажите. Позвольте сослаться на едва ли не классический пример. Одна из американских фирм, использовавшая новый способ вязки чулочной пятки, получила на этом многомиллионные прибыли. Или вот еще одно, совсем недавнее изобретение, быть может, подсказанное зимними холодами, — шлифовальный инструмент из... льда. Замороженная до определенной температуры вода, к которой были примешаны частицы абразива, может шлифовать и полировать стекло, металл, пластмассу, причем делает это с высокой степенью чистоты.

Все эти примеры должны, на мой взгляд, иллюстрировать основную мысль: изобретения — это не случайные находки, а закономерный процесс обновления техники усилиями коллектива, в котором, понятно, доля и степень участия того или иного человека может быть большей или меньшей.

Цель, которую должен поставить перед собой изобретатель, — новизна и полезность предложения. Найти точный критерий полезности не простое дело. На этой почве подчас возникают конфликты, столкновения человеческих характеров. С одной стороны, автор, одержимый, как ему кажется, смелой идеей, а с другой стороны, тот, кому доверено первым высказаться по существу изобретения. Идут жаркие технические споры, дискуссии, и мы не видим в этом ничего плохого. Естественно, что автор рьяно отстаивает свое предложение. Но не всякое предлагаемое решение может быть признано изобретением. Ведь до сих пор продолжают создавать и «вечные двигатели», игнорируя основные законы физики, механики, не считаясь с ними. Начертят схему, подготовят заявки, а затем затевают тяжбу. Что же, нужно иметь терпение выслушать и доказать ошибку. К любому человеку, одержимому смелыми техническими идеями, должно быть проявлено максимум внимания.

Выдающиеся изобретения и изобретатели всегда были гордостью нашего народа. Тем выше ответственность тех, кому надлежит без проволочек внедрять новое в практику. А здесь, к сожалению,

П. Н. НИМАЕВ.

Встреча с культурой Бурятии

С Пурбожапом Нимаевичем Нимаевым, министром культуры Бурятской АССР, мы встретились в фойе филиала МХАТа СССР во время гастролей Государственного Бурятского театра драмы имени Хоца Намсараева. Это был второй день гастролей. Шел спектакль «Сэрэмпэл».

И не случайно Пурбожап Нимаев начал разговор именно с этой пьесы. Бурятия до революции была местом ссылок. Герой драмы Хоца Намсараева Сэрэмпэл — бедняк, затравленный богачами, находит поддержку и участие у русского ссыльного Василия Ивановича. Встреча с ним открывает молодому бурятскому бунтарю сознательный путь к борьбе за освобождение своего народа.

Моему собеседнику едва за сорок лет; он представляет всего лишь второе поколение Советской Бурятии. Пурбожап Нимаевич вспоминает, как пятилетним ребенком он уже самостоятельно сидел на лошади: отец его растил детей в здоровых традициях предков, но хорошо понимал, что ловкость и сила уже далеко не единственная доблесть для бурята, больше доблести в знаниях.

Пурбожап Нимаев с очевидной, нескрываемой гордостью говорит о творческих достижениях своего народа. А их действительно немало! Сейчас развернул большую творческую деятельность Союз композиторов Бурятии, в республике работают четыре крупных профессиональных театра: ордена Ленина Театр оперы и балета, Государственный драматический театр имени Намсараева, Государственный русский драматический театр и, наконец, Театр кукол. Эти коллективы пользуются огромным успехом не только в Бурятии, но и далеко за ее пределами.

Союз художников СССР постоянно устраивает свои выставки, принимает участие в республиканских и всесоюзных смотрах изобразительного искусства.

Бережно сохраняя национальные традиции бурятского народа, композиторы и поэты создают новые песни и стихи, рассказывающие о радостном труде, о жизни народа. Созданы национальные оперные и балетные спектакли. Они постоянно находятся в репертуаре театра. Большой популярностью у зрителей пользуется балет «Красавица Ангара» Б. Ямпилова и Л. Книппера. Этот спектакль прошел на сцене более 700 раз. Народных артистов СССР Лхасаран Линховоина, Ларису Сахьянову, Гомбо Цыденжапова знают и за пределами нашей Родины: они вместе со многими другими артистами не раз выезжали на гастроли в составе союзных групп, побывали в Японии, Англии, на Цейлоне, в Таиланде, Афганистане, Монголии, Чехословакии, Болгарии...

Солисты ансамбля песни и танца заслуженный артист РСФСР Баир Егоров и народная артистка Бурятской АССР Оюн Тумурова выступали во многих городах Индии, в Пакистане.

...Тяга людей Бурятии к искусству огромна! В республике открыта большая сеть музыкальных школ. Они существуют даже в таких районах, куда можно добраться только самолетом.

С каждым годом прибавляются новые народные театры, университеты культуры. Ширится культурный фронт республики. Недавно в Улан-Удэ открылся бурятский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР с двумя научно-исследовательскими институтами — естественных и общественных наук. Здесь всесторонне изучают историю Востока, подготовлено много интересных публикаций.

— Мы приехали в Москву,— продолжает Пурбожап Нимаев,— в те дни, когда здесь шла работа международного Совещания коммунистических и рабочих партий. Москва жила торжеством этого всемирного форума коммунистов, на котором лучшие люди планеты единодушно согласились твердо стоять на позициях мира и непреклонной борьбы с захватническими устремлениями империализма. У всех свежи были в памяти спокойные и убедительные слова Заявления Советского правительства правительству КНР, в котором еще раз было подчеркнуто стремление вести деловые переговоры мирным путем... Мы, буряты, недалекие соседи Китая. И оголтелые притязания маоистов не прошли мимо нашего народа. Во время событий на острове Даманском погиб Николай Петров, наш земляк. На локомотиворемонтном заводе, где работал Петров, весь коллектив хорошо знал неуемную энергию этого человека; всем был хорошо знаком и организаторский пыл и талант тележурналиста... Он погиб, защищая Родину. Сейчас в Улан-Удэ одна из улиц названа его именем.

Мы знаем, в каком тяжелом положении оказались сейчас проживающие на территории Китая монголы, казахи, тибетцы, уйгуры и другие малые национальности, как грубо нарушаются их права и свободы.

На мрачном фоне деградации культуры в Китае, варварского уничтожения многовековой культуры народа, жестокого попрания исторических ценностей и низвержения прав человеческой личности мы ощущаем сейчас с особой остротой и силой величие завоеваний Октябрьской революции. Мы чувствуем рядом с собой плечо друзей — каждого человека нашей социалистической Родины, бдительно охраняющей эти великие революционные завоевания.

Н. ЗЫБИНА

Сцена из спектакля «Пылающие джунгли» Ц. Шагжина.

Фото А. Доржиева.

еще не все ладно. Много лет назад подтвержден авторским свидетельством новый способ получения фтористого алюминия. Его тщательно проверили в производственных условиях. Один из проектных институтов произвел необходимые подсчеты: экономия от внедрения новшества обещает составить миллионы рублей. Предложенный процесс в несколько раз ускоряет производство, устраняет вредность, снижает суммы капитальных затрат, обеспечивает высокое качество алюминия, но... не внедряется. Волокита началась не сегодня и все еще продолжается. А совсем недавно мы узнали, что, располагая ценным изобретением, начали проектировать новые цехи по старой технологии.

Да, мы порой встречаемся с весьма досадными обстоятельствами. Группа ученых одного из институтов АН СССР предложила новый способ и устройство для получения необходимых стране изделий из хрупких и тугоплавких металлов и сплавов. Основные его преимущества — на работу необходим всего один цикл вместо нескольких по существующей ныне технологии. При этом материалы становятся более прочными, уменьшается процент брака, износ матриц, штампов. Изобретение патентуется в США, ФРГ, Англии и Японии. А у нас оно внедряется недопустимо медленно.

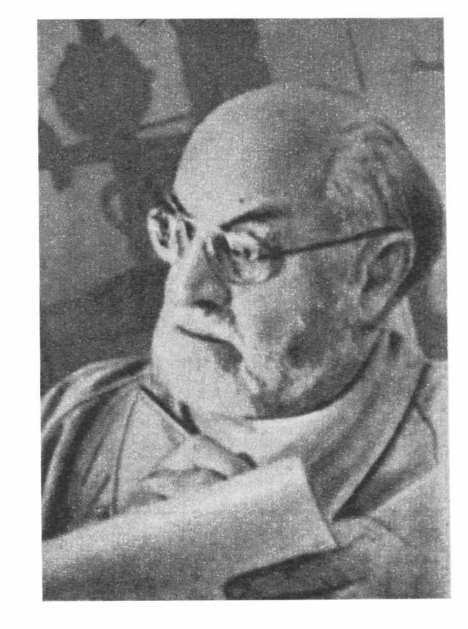
В Московском высшем техническом училище имени Н. Э. Баумана под руководством профессора доктора технических наук Г. А. Шаумяна изобретен принципиально новый, не имеющий аналогов в мире способ обработки металла методом попутного точения. Однако до сих пор изготовлено лишь несколько образцов таких станков. На основе этого способа спроектированы и изготовлены токарные полуавтоматы для производства колец, фланцев, втулок, шестерен. Станки демонстрируются на выставках, вызывают неизменный интерес, получают высокую оценку. А дальше дело не идет.

Механик одного из судов Б. Григорьев разработал и обосновал новый режим смазки двигателей внутреннего сгорания. Его предложение увеличивает межремонтный срок в 2—3 раза. Все проверено, исследовано — внедряйте! На рыбопромысловых судах так и сделали, а автотранспортники будто и не знают об этом способе. Горьковчанин Н. Беляков предложил новый способ крепления изоляторов. Министерство путей сообщения отрапортовало ЦСУ о внедрении этого способа. А вслед за этим направило нам письмо, в котором просит считать изобретение невнедренным. Это когда дело дошло до выплаты авторского вознаграждения.

Богатство страны измеряется не только тем, что произрастает на земле, добывается из недр, производится на фабриках и заводах. В немалой мере оно заключено в научно-техническом творчестве народа. Трудно представить человечество без изобретений и открытий Ломоносова, Менделеева, Яблочкова, Попова, Жуковского, Ладыгина, Циолковского!.. Или примеры сегодняшнего дня — искровая обработка металлов, непрерывная разливка стали, применение природного газа в доменном процессе, электрошлаковая сварка и переплав, жидкие самотвердеющие смеси. Эти и подобные им изобретения делают техническую революцию в своих областях техники.

Изобретательство — огромная движущая сила. Поэтому к этой области человеческой деятельности должно быть привлечено особое внимание. Изобретатель трудится, дерзает на благо нашего общества, и оно должно оказать ему всемерную поддержку. Ибо речь идет — я вновь хочу напомнить это — об одном из главных участков исторического соревнования между капитализмом и социализмом.

Анри Матисс

К 100-летию со дня рождения

М. АЛПАТОВ, действительный член Академии художеств СССР

Она в простом наряде, меж цветами,
Держа букет небрежными перстами,
Большим цветком прошла передо мной...
Ронсар.

Матиссу было уже за сорок, однако на родине его мало знали. Лишь несколько ему близких художников и друзей верили в его талант. Но общее признание долго не приходило. За свои работы, показанные им на выставке Осеннего Салона в 1905 году, он заслужил наименование дикого — фовиста. В этом явно сквозило неодобрение его живописных новшеств.

Матисс находил больше поддержки у своих заграничных поклонников. К их числу принадлежали московские коллекционеры французской живописи С. И. Щукин и И. А. Морозов. Оба они усердно приобретали его картины, внимательно следили за его творческим ростом и поддерживали с ним переписку.

По заказу Щукина Матисс выполнил для него два больших панно: «Танец» и «Музыка» — с огненно-красными обнаженными фигурами на ярком сине-зеленом фоне. После некоторых колебаний Щукин наперекор царившим в то время вкусам решился повесить оба панно в вестибюле своего московского дома.

Московские коллекционеры гордились тем, что к ним стекались любители и знатоки живописи. Многие приезжали из-за границы, чтобы полюбоваться их собраниями, и завидовали богатству и вкусу в подборе картин.

В конце октября 1911 года по приглашению Щукина Матисс приехал в Москву и провел в его гостеприимном доме несколько дней. Хозяин постарался свести иноземного гостя с представителями художественной общественности тогдашней Москвы. Матиссу устроили сердечный прием в литературном обществе «Свободной эстетики», где его приветствовал Валерий Брюсов.

Русские художники уже имели представление о Матиссе по его работам, которые появлялись тогда на выставках. Большинство признавало его недюжинный живописный талант, но многих отпугивала необычность его картин, хотя, впрочем, в России уже тогда имелись свои собственные искатели нового — Петров-Водкин, Павел Кузнецов, Сарьян.

Матисс с интересом осматривал кремлевские соборы, дивился их золотым куполам, жалел, что ему не пришлось увидать Москву заснеженной и написать зимних этюдов. Наибольшее восхищение вызвало в нем открытие в России неведомого ему искусства древней иконописи.

Иконы имелись тогда в кремлевских соборах и в других церквах, но почти все они были покрыты поздними записями и потемневшей олифой. В доме художника и собирателя И. С. Остроухова в Трубниковском переулке Матисс увидал дивную коллекцию икон, освобожденных от позднейших записей, ярко горящих чистыми и гармоничными красками. Здесь можно было оценить древнерусскую живопись — поистине великое искусство.

Матисс, как очарованный, часами стоял перед древними иконами и восторженно всматривался в них. Его подкупала не только «яркость красок», но и «проявление большой силы чувства». С редкой проницательностью он оценил древнерусскую живопись как «доподлинно народное искусство» и вместе с тем заметил, что ее художественные достижения «подкреплены традицией».

Еще до поездки в Москву Матисс познакомился с иранской миниатюрой и с восточными коврами. Пряная красочность искусства Ближнего Востока восхищала его и позднее, при посещении Танжера. Она нашла отражение в некоторых его работах. Но в Москве Матисс увидел нечто совсем другое: древнерусское искусство было особенно близко ему своей человечностью, величием, ясностью и простотой форм.

В то время во Франции было принято подающих надежды молодых художников посылать для усовершенствования в Италию. После увиденного в Москве Матисс заявил, что им следует ехать учиться истинному искусству в Россию.

Матисс был тогда уже вполне сложившимся, зрелым художником, кругозор его был на редкость широк. Нельзя сказать, что московские впечатления стали поворотным моментом в его развитии. Но он нашел в них подтверждение своим исканиям, эти впечатления он не забывал и позднее.

Эрмитажная картина Матисса «Семейный портрет» помечена художником тем самым годом, когда он посетил Москву. Быть может, он замышлял ее и даже начал писать еще до поездки в Россию. Во всяком случае, ни одно другое его произведение не обнаруживает таких заметных точек соприкосновения со стилистическими особенностями новгородских икон XV века, как эта картина.

...Сыновья художника, играющие в шашки, за рукодельем на диване его жена и рядом, с мальчиками — дочь. Скромный бытовой мотив приобрел у Матисса праздничный, величавый характер, который древние иконописцы умели придавать всему тому, что они изображали. В картине выделяются два ярко-киноварных пятна, одежда мальчиков, и черное платье стройной, как кариатида, женщины. Им противостоит мелкий, похожий на русские набивные ткани узор, покрывающий обстановку. Шашечная доска рябит, как кресчатые ризы новгородских икон.

Матисс отошел в этой картине от обычной перспективы, и потому ковер на полу кажется повешенным на стену. Впечатление пространства достигается соотношением красочных пятен. Красные пятна и черное выступают вперед, все остальное остается в глубине. На первый взгляд картина эта может напомнить детский рисунок. Между тем в слаженности ее композиции сказалось зрелое мастерство, порыв художника подчинился ясному сознанию и строгому расчету. Это придает его картине особенную силу воздействия. Валентин Серов был прав: рядом с работами Матисса многое кажется скучным.

Если судить по работам Матисса, можно подумать, что вся его жизнь была такой же безоблачной и беззаботной, как его искусство. Между тем на самом деле это было совсем не так. Огромное художественное наследие, которое он оставил потомству, создано им большим напряжением воли, упорным, неустанным трудом. Художник не забывал, что для создания подлинного искусства недостаточно одного таланта. «К состоянию вдохновенного творчества,— признавался он,— мы приходим только через сознательный труд».

Он твердо знал, что то чувство, которое в нем пробуждала жизнь, та любовь, восторг и изумление, с которыми он взирал на мир, неотделимы от художественных средств, при помощи которых все это могло быть выражено на холсте. И он прилагал все усилия к тому, чтобы выработать новые, более действенные художественные средства живописи. «Для меня нет различия между моим чувством жизни и способом, которым я его передаю». Всю жизнь он был твердо убежден, что очищение палитры художника, упрощение графических средств рисовальщика — непременное условие для того, чтобы выразить чистоту своих помыслов и чувств. Можно не разделять этой уверенности художника. Во всяком случае, его вера вдохновляла его на создание замечательных произведений.

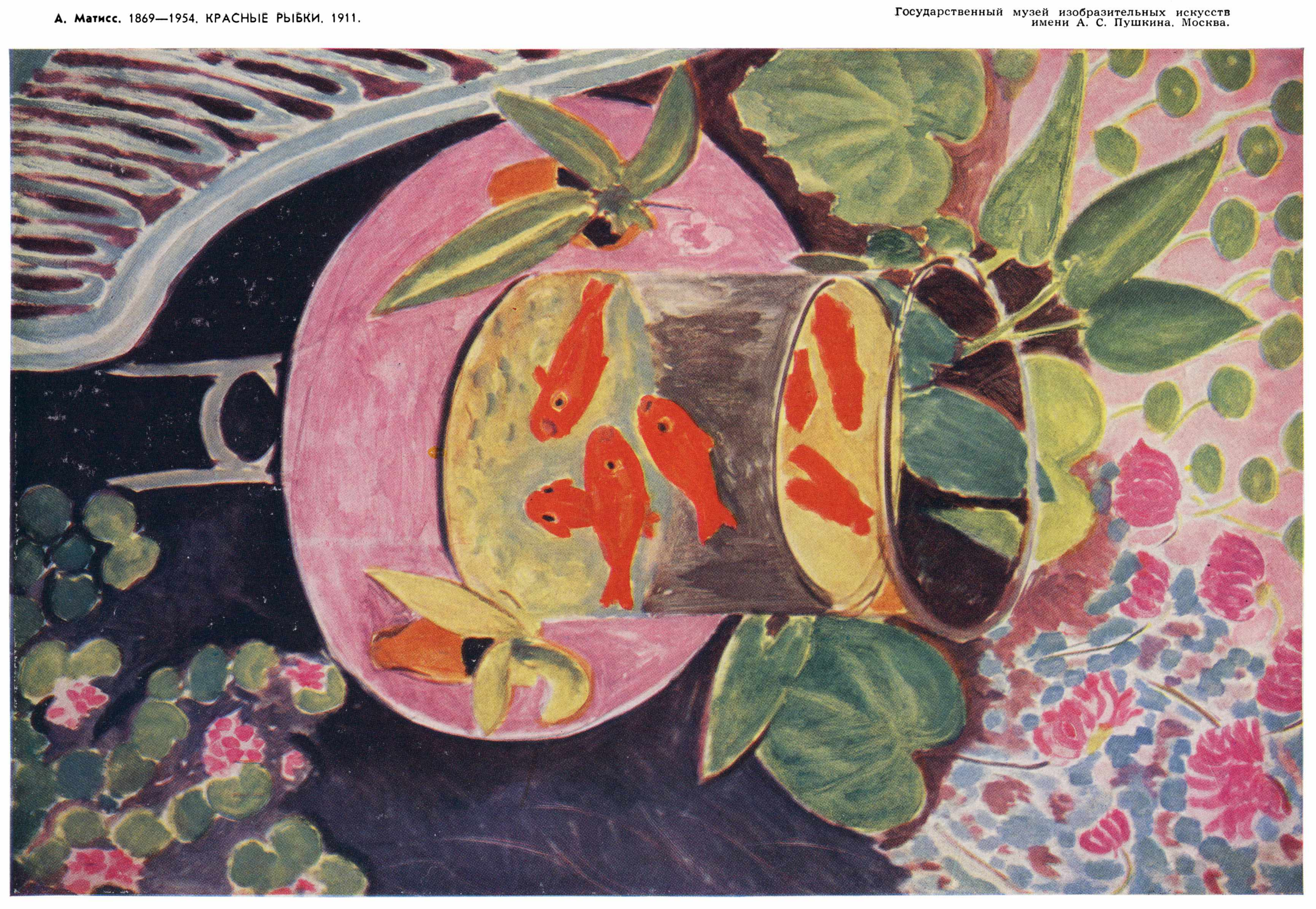
С первого взгляда картины Матисса производят наибольшее впечатление своими ничем не замутненными, чистыми и звонкими красками, обнаженной ясностью своих форм и ритмов. Легко можно поверить тому, что он, как дитя, творил безотчетно, отдаваясь порыву чувств и инстинкта. Между тем эта непосредственность и простота художественных средств добыты им в результате упорных исканий и таят в себе высокое, мудрое мастерство. В лучших своих работах ему удавалось достигнуть той цельности впечатления, при которой все элементы картины служат одной художественной цели.

В этом номере «Огонька» воспроизведено несколько работ Матисса из советских музеев. Все они относятся к раннему периоду творчества художника. В них легко узнается его темперамент, его глаз художника, его манера выполнения. И тем не менее они далеко не однородны. Сравнивая их, мы постигаем путь, по которому художник шел к совершенству.

В картине «Красная комната» женщина в черной кофточке накры-

А. Матисс. 1869—1954. КРАСНЫЕ РЫБКИ. 1911.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Москва.

А. Матисс.

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ.
1911.

Государственный
Эрмитаж. Ленинград.

СИНИЙ КУВШИН.
1899—1900.

Государственный музей
изобразительных
искусств
имени А. С. Пушкина.
Москва.

вает праздничный стол, уставленный вазами и фруктами. Но обыденный рассказ заглушается звучанием дивных красок, и мы невольно вслушиваемся в эту музыку и не слышим обращенной к нам прозаической речи. Ярко-малиновая скатерть на столе сливается с таким же малиновым ковром на задней стене. Рядом с крупными синими разводами на тканях фигурка женщины, разбросанные по столу плоды и даже вид из окна теряют значение. Вся картина превращается в яркий узорный ковер, способный украсить стену. Однако нарочитость этого замысла, жесткость узора, сжатость пространства — все это, видимо, не вполне удовлетворяло художника. Недаром почти во всех последующих своих картинах он стремился к более гармоническому соотношению между их элементами.

Знаменитые «Красные рыбы» Матисса созданы были им всего лишь через три года. По звонким и ярким краскам в ней сразу можно узнать Матисса. Но на этот раз достигнуто более целостное впечатление. В картине подчеркнут центр, к нему невольно устремляется внимание зрителя. Красные рыбки держатся в воде, как живые, и вместе с тем своим звонким киноварным цветом, особенно по контрасту к изумрудной листве, они вырываются вперед и подчиняют себе все остальное. Их красный цвет рождает как бы толчок в живописной ткани картины — художник считал, что акцент способен поднять интерес к произведению. Ему удалось в самих красках картины и в ее ритмах выразить ту радость, которую испытывает каждый человек, и особенно ребенок, когда он часами любуется на то, как пучеглазые рыбки тычутся носами в непроницаемое стекло аквариума. Перед картиной Матисса чувствуешь себя немного ребенком.

В большой картине «Мастерская художника» мы словно в отсутствие хозяина заглядываем в его мастерскую и видим, как статуи, статуэтки, картины, рисунки и декоративные ткани выходят из повиновения человеку и живут своею жизнью. И вместе с тем из этой непреднамеренности и из этого живописного беспорядка в картине Матисса рождается свой, особый порядок. Ее центр занимает тяжелая темно-синяя ткань, поддержанная изумрудно-зеленой ширмой. Этим холодным тонам противостоит почти гогеновская нежная розоватость, разлитая по всему полу пустой мастерской. Звуки этого аккорда сыплются на предметы на фоне нежно-сиреневой стены. Вся картина Матисса звучит торжественно, как могучий, красочный оркестр. Ее плоскостность едва нарушает золотистый ковер, который, как дорожка, ведет зрителя в глубь картины. Краски далеко не такие плотные, как в более ранних произведениях Матисса, как, например, в натюрморте «Фрукты и бронза». Они ложатся не на темный, а на белый холст, его незакрашенные куски просвечивают между мазками. Отсутствие теней, обилие света и воздуха придают представленному своеобразную одухотворенность. В этой безупречно гармоничной картине Матисс подошел к той задаче, которая будет его занимать всю жизнь, вплоть до последней поры, когда он, прикованный к постели, вынужден был обратиться к живописи из «цветных наклеек».

После Великой Октябрьской революции картины Матисса из собраний Щукина и Морозова вошли в состав Музея Нового Западного Искусства. В подписанном В. И. Лениным декрете о создании музея отмечается мировое значение этих коллекций, в которых творчество Матисса представлено особенно богато.

С той поры наша страна владеет таким изобилием шедевров французского мастера, какому мог бы позавидовать любой музей Европы и Америки. Ни один исследователь творчества Матисса, особенно его раннего периода, не может обойтись без его картин, которые хранятся в Москве, в Музее имени Пушкина, и в Ленинграде, в Эрмитаже.

Решением Всемирного Совета Мира юбилей Матисса будет праздноваться во всем мире. В устроенной в связи с юбилеем выставке Матисса в Москве, которая вслед за тем будет показана в Эрмитаже, зритель видит принадлежащие двум музеям картины воссоединенными вместе. Все они составляют вместе поистине прекрасную живописную сюиту. К ним примыкают поступившие позднее произведения Матисса, подарок Л. Н. Делекторской, а также ряд его рисунков и литографий.

Прошло более шестидесяти лет со времени первых выступлений Матисса. Его картины украшают в настоящее время многие музеи мира. Множество посвященных ему изданий сделали имя его широко известным повсюду. Краски Матисса, которые когда-то отпугивали своей непривычной яркостью, радуют теперь многих зрителей. Его эстетика оказала плодотворное воздействие на декоративное искусство нашего времени и вошла в каждодневность человека. Жизнеутверждающее мировосприятие художника не вызывает недоумения и протеста, как это было когда-то, но с благодарностью принимается человечеством, доставляет ему особенную отраду.

В истории мирового искусства случались длительные периоды, когда люди под гнетом испытанного отворачивались от красоты, как от соблазна и от греха. Однако человечество всегда находило в себе силы, чтобы преодолеть аскетизм как болезнь своего духовного роста. Устами своих поэтов и художников оно властно заявляло о своей потребности в плотской, земной красоте. Матисс принадлежит к числу тех художников-язычников, которые в своих творениях реабилитировали все живое, здоровое, естественное, воспевали небесную лазурь, морскую волну, пение птиц, аромат цветов, обаяние молодости, женскую красоту, радости любви. Матисс жил и творил в трудное, переходное время. Ему досталось испить немало горечи. И все же в своем искусстве он достиг желанной и животворной гармонии. За это ему будет вечная признательность потомства.

Матисс принадлежит к числу тех французских гениев, которых связывает с русской культурой множество нитей. Не только потому, что Россия была одной из первых стран, где он нашел признание и любовь, но и потому, что одним из первых художников Запада он оценил и полюбил древнерусскую живопись. Имя Фальконе, как создателя Медного Всадника, неразрывно связано с русской культурой XVIII века. Сходным образом связано с русской культурой нашего века имя Матисса.

Живет Владимир Даль

Далеко за пределами нашей Родины известно имя Владимира Ивановича Даля — составителя всемирно известного «Толкового словаря живого великорусского языка». Свыше 70 лет прожил талантливый писатель, и около двух третей жизни он посвятил составлению словаря — это, как он сам не раз отмечал, было делом его жизни. О жизни и деятельности В. И. Даля, о том, как шла работа над словарем, где ее истоки, рассказывает недавно вышедшая книга «Владимир Даль» М. Бессараб.

Большую работу проделала автор первой монографии о Дале. Эта книга основана на огромном фактическом материале, который сумела отыскать автор. Она работала в Центральном государственном архиве литературы и искусства, изучала рукописные фонды в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, встречалась с родственниками писателя; ей, в частности, в работе помогли Н. А. Александрова, предоставившая редкие фотоматериалы из семейного альбома и письма В. И. Даля, а также С. А. Журавская, которая тоже предоставила материалы из семейного архива.

Интересно и увлекательно написано о том, как с самых детских лет у В. И. Даля проявлялась любовь к живому русскому языку, как он, пытливый и любознательный мальчик, слушал рассказы бабушки о том, как происходили слова, и уже с тех пор у него появилась мечта докопаться до значений слов могучего и великого русского языка.

До конца своих дней В. И. Даль продолжал дело своей жизни — работал над словарем. Теперь «Толковый словарь» уже выдержал семь изданий, последние шестое и седьмое издания с перерывом всего в два года быстро разошлись, хотя были изданы тиражом в сто тысяч экземпляров. Сейчас идет подготовка к печати восьмого издания.

К сожалению, отмечает автор книги, современному читателю почти не известен В. И. Даль как автор многих рассказов, повестей, сказок; давно пора познакомить с ними наших современников, издать сочинения писателя.

Книга М. Бессараб утверждает очень правильную мысль: Владимир Даль живет, его работа всегда нужна, и книги его интересуют и будут интересовать многие поколения.

Виктор **БЕЛЕНЬКИЙ**

М. Бессараб «Владимир Даль». Издательство «Московский рабочий», 1968.

Против конкретных носителей зла

Имя фельетониста Ильи Шатуновского уже достаточно известно. Он горячо, попартийному борется с уродливыми явлениями, которые еще пачкают нашу жизнь. Есть, на мой взгляд, в этой трудной работе отличительная черта, присущая Илье Шатуновскому. Его фельетон всегда бьет по конкретному носителю зла. Автор называет адрес, приводит точные координаты и обстоятельства. И это придает фельетону неотвратимую силу, помогает ликвидировать конкретного носителя зла.

Иной фельетонист рассыпает изящный бисер сарказмов, блещет эрудицией. Ну, прочитает эти эскапады хапуга или рвач, усмехнется: не про меня! И, следовательно, выстрел окажется впустую, кпд фельетона будет мизерным, зло не будет пресечено. А зло, как любая болезнь, конкретно. И столь же конкретным должно быть средство для его лечения.

Новые книги Ильи Шатуновского, в которых собраны лучшие фельетоны последних лет, свидетельствуют о мужественности его спокойного юмора, твердой приверженности традициям партийной журналистики, которой чуждо пустое зубоскальство и погоня за хлесткой фразой и сенсационностью. Он стремится писать так, чтобы не было нужды повторять основную мысль фельетона, так сказать, формулировать ее.

И. Шатуновскому почти в любом фельетоне удается создать типический характер, углядеть за конкретным носителем зла обобщенный образ. Вот один из примеров — фельетон «Дядя Митя всегда прав», где действуют представители племени «великих и правильных молчунов». «Они не разомкнут уст,— пишет И. Шатуновский,— пока кто-нибудь свыше не скажет своего слова. И вот тогда дяди мити обретают дар речи. Они торопятся немедленно изложить свою точку зрения. Они никогда не ошибаются, потому что их мнение портативно, удобно, как складной аршин... В этом он весь наш, проницательный молчун, решительный обличитель замедленного действия, наш хороший знакомый дядя Митя, который, не влезая ни в какую драку, хочет попасть в праведники, в ратоборцы и в правдолюбцы».

Высмеивая, бичуя, уничтожая и отрицая, Илья Шатуновский в то же время постоянно в лучших своих произведениях утверждает необоримость нового и светлого. Не случайно часто встречаешь в его фельетонах слова о радостной, красивой, честной жизни. Это его кредо. Он знает цену жизни и поэтому столь страстно оберегает ее от всякой нечисти, цинизма и скверны, метко поражая цель. Он уверен в торжестве жизни, уверен в том, что «она посмеется над всеми, кто в нашем честном обществе думает искать обходные, нечестные пути с черного хода на черной лестнице».

В. **ИЛЬИН**

Илья Шатуновский. Условная голова. Издательство «Советский писатель», 1968; Одна точка. Издательство «Правда», 1968.

Большая часть этих пленных гитлеровцев, которые

25-летие освобождения Белоруссии от фашистских захватчиков.

Победа „Багратиона“

Генерал армии П. И. БАТОВ, дважды Герой Советского Союза

Сорок третий год. Как непохож он был по характеру событий на сорок первый! Теперь наступали мы. Наступали уверенно, широко, умело. Ненависти к врагу, решимости, патриотизма нам хватало и прежде. Теперь к ним прибавилось мастерство, помноженное на многократно возросшую мощь Советской Армии, на ее боевой опыт. Мы постигли законы маневренной войны, научились организовывать взаимодействие всех родов войск, проводить операции в масштабе нескольких фронтов одновременно. И пошли на запад. Хотя, я хочу это подчеркнуть, и в сорок третьем и в сорок четвертом гитлеровские войска были еще сильны.

В начале октября 43-го года 65-я армия, которой я в то время командовал, с ходу форсировала Сож неподалеку от Гомеля. Дальше, в междуречье Днепра и Сожа, наступление приостановилось.

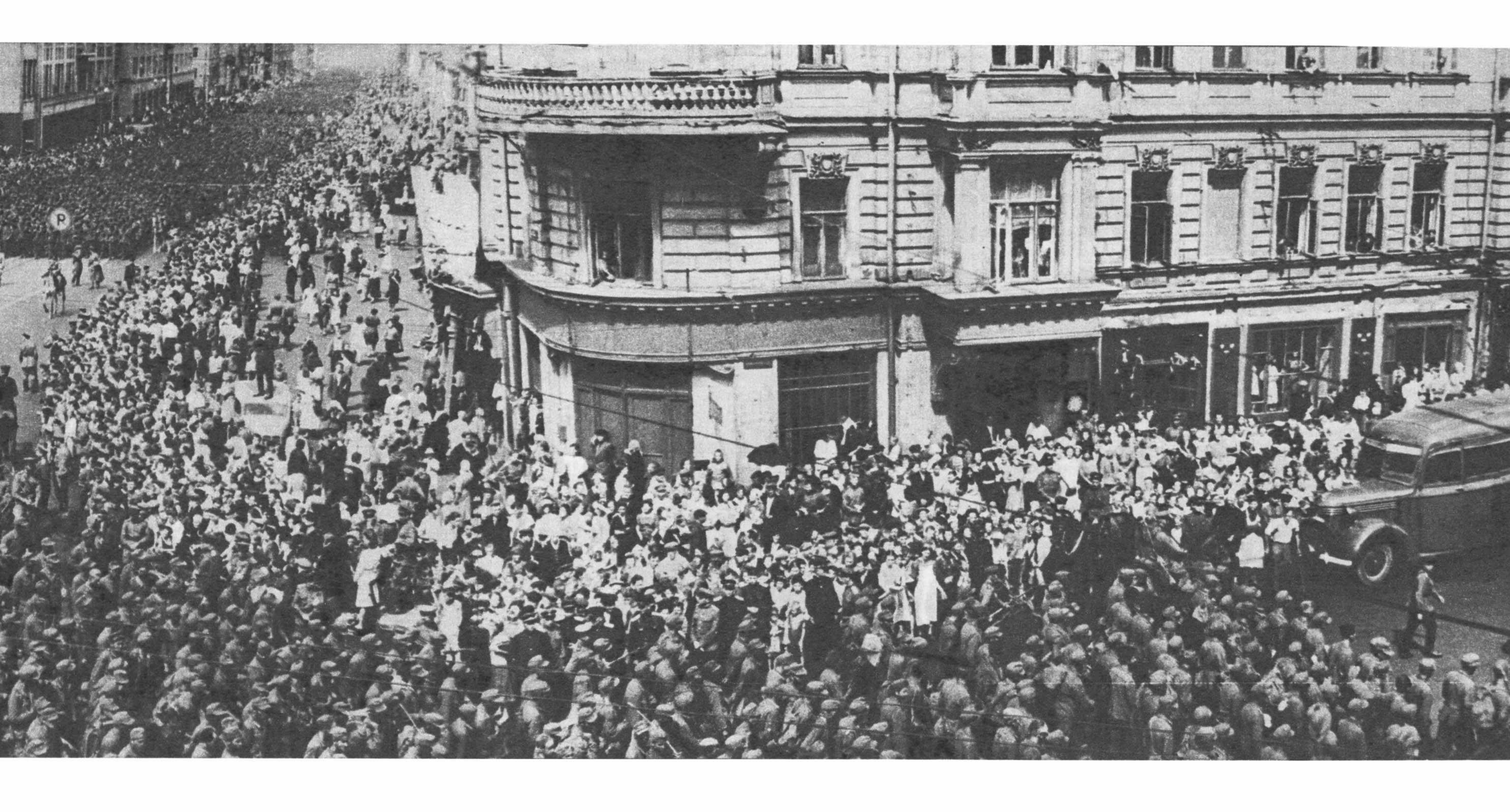
...Наблюдательный пункт на берегу Днепра. Среди большой группы генералов и офицеров генерал К. К. Рокоссовский. Я доложил:

— Два корпуса трехдивизионного состава снимаются сегодня ночью. В их полосе, на плацдарме за Сожем остается для прикрытия 246-я дивизия. Корпуса будут здесь через полтора суток. Форсируем на седьмые сутки.

К. Рокоссовский сказал:

— Противник организовал оборону. Будем действовать только наверняка. Ваша задача — форсировать Днепр в районе Лоев — Радуль, прорвать оборону на западном берегу и нанести удар в направлении Колпень—Надвин—Демехи. К исходу третьего дня наступления выйдите на этот рубеж...— Генерал показал на карте.

У гитлеровцев на реке Сож была крепкая оборона, и рациональной представлялась идея форсировать Днепр южнее Гомеля, чтобы зайти во фланг гомельской группировки врага. Но 55-й дивизии 61-й армии форсировать реку не удалось. Тогда-то и возник план: один корпус, чтоб отвлечь внимание гитлеровцев, остается в обороне на Соже, а два других — основные

летом сорок четвертого прошли по улицам Москвы, была захвачена в боях за освобождение Белоруссии. Фото Дм. Бальтерманца.

силы армии — нанесут удар там, где противник их никак не ожидает.

Мы сумели обеспечить полнейшую скрытность передвижения и подготовки к форсированию. 15 октября в 6 часов 30 минут прогремели залпы реактивных минометов. К ним подключился мощный хор артиллерийских орудий. Форсирование Днепра началось.

Я многое повидал на своем армейском веку, но самоотверженность и мужество бойцов во время Днепровской операции, их порыв буквально потрясали. Вспоминаю маленький, однако очень примечательный эпизод. В 193-й дивизии я проверял подготовку к форсированию. Спрашиваю у старшего лодки сержанта Тарасенко:

— Сколько в вашей лодке не умеют плавать?

— Трое, товарищ командующий... Научим. За три ночи научим. Люди так хотят за Днепр, что всему научатся.

Солдаты хотят за Днепр! Лучших слов и не подобрать, чтобы выразить боевое настроение тех дней.

А какие подвиги совершали!

Командир саперного взвода лейтенант Швец вспоминал после боя: «До берега осталось метров тридцать. Тут нас накрыли огнем. Пули пробивали лодки насквозь, затыкаем пробоины, гребем. Вижу: тонет лодка Рогозина. Лодка Тарасенко тоже. Не иначе придется нырять. Старшие командуют: «За мной, вперед!» — и в воду. Все доплыли».

Сержант Рогозин дрался с немцами врукопашную. Когда первую траншею одолели, Швец отозвал саперов делать свое дело: часть их обезвреживала мины, другие повели лодки обратно. Отделение Рогозина погрузило раненых. И еще раз Рогозин повез бойцов через реку и снова вернулся с ранеными. Потом новая задача: нужно натянуть через реку канат, чтобы скорей доставить пушки. Швец оглянулся, прикидывая, кто способен на это. «Натянем!» — ответил на взгляд командира Рогозин. Лодка прошла сто метров и вернулась: канат перебило осколком. Потянули запасной. На середине реки рядом с лодкой разорвался снаряд. Семеро саперов убито. Рогозин ранен. Лицо — кровавая маска. Выбит глаз. Но сержант командует теми, кто остался в живых. Полкилометра толстого каната при быстром течении — большая тяжесть. Берег близко, но канат под напором воды выгнулся крутой дугой. Саперы со своим командиром прыгнули в воду, с помощью подоспевших стрелков дотянули и закрепили. Рогозин приказал грузить раненых. В лодке он потерял сознание... Золотую Звезду Героя Федор Карпович Рогозин получил в госпитале. Добавлю, что от демобилизации Рогозин отказался, служил в тыловых частях до конца войны.

Таких, как Рогозин, в армии было много. 183 человека из нашей 65-й получили за Днепр звание Героя Советского Союза.

И еще одна деталь, важная для оценки Днепровской операции. Неоценимую помощь оказали нам тогда местные жители — потомственные рыбаки, бывшие матросы-речники, сплавщики леса. С приходом Красной Армии они вернулись из лесов и болот в свои деревни и помогали нам ремонтировать лодки, рассказывали о характере реки на местах будущих переправ, советовали, как лучше использовать прибрежную местность.

Операция по форсированию Днепра прошла блестяще. Наши войска сразу поставили в трудное положение гомельскую группировку немцев. Вскоре был освобожден Гомель — первый областной центр Белорусской Советской Республики.

10 ноября войска 65-й армии прорвали сильно укрепленные надвинские позиции и вместе с частями 48-й армии освободили город Речицу. Затем настала очередь Калинковичей и Мозыря.

Хочу отметить очень важную особенность боевых действий в Белоруссии. Я имею в виду связь и взаимодействие войск с партизанами. Они поддерживали нас активнейшим образом — принимали наших разведчиков, давали свои разведданные, парализовали жизнь гитлеровских тыловых частей, уничтожали двигавшиеся к фронту резервы, перерезали пути отхода врага.

Летом 1944 года войска четырех фронтов подготовили операцию «Багратион», имевшую целью освободить Белоруссию и выбросить оккупантов с советской земли. Операция предстояла трудная. Белорусский выступ занимала сильная немецкая группа армий «Центр». В нее входили: 57 пехотных, 4 танковых, 3 моторизованных дивизии и 3 бригады — всего более миллиона двухсот тысяч человек. Наземные войска поддерживал 6-й немецкий воздушный флот, который насчитывал почти 1 400 самолетов. Гитлеровцы придавали белорусскому выступу большое значение, он прикрывал подступы к Восточной Пруссии и путь через Польшу на Берлин. Правда, гитлеровское командование допустило просчет, оно полагало, что в предстоящем наступлении советских войск главный удар последует на юге, и держало около 80 процентов своих танковых соединений против 1-го Украинского фронта. Группа армий «Центр» имела в четыре раза меньше танков, чем противостоящие ей наши армии.

23 июня перешли в наступление войска 1-го Прибалтийского под командованием генерала И. Х. Баграмяна и 3-го Белорусского под командованием генерала И. Д. Черняховского. В 7 часов утра 24-го после 125-минутной артиллерийской подготовки двинулись вперед и мы. Двинулись успешно, потому что хорошо подготовились к ответственнейшему сражению.

Войска 1-го Белорусского фронта по плану должны были нанести два мощных удара по обороне гитлеровцев — один в направлении Рогачева, другой в направлении Паричей. 65-я армия действовала против паричской группировки. Мы решили перехитрить врага. Он рассчитывал, что последует прорыв на Паричи — там хорошие возможности для продвижения войск,— и ждал нас, укрепил господствующие высоты, возвел сильные инженерные сооружения, обеспечил большую плотность огня. Мы же планировали там лишь отвлекающий удар,

а главный — южнее, где леса и болотные топи.

Пленный показал, что на болотах нас не ждут, здесь враг держит лишь слабое прикрытие...

Наступление через болото куда перспективнее. Без больших потерь мы опрокинем вражеские заслоны, зайдем в тыл врагу, поставим его в безвыходное положение. Но как одолеть болото? Выручили местные жители — белорусы. Они показали места, где пехота может одолеть топь. Инженерная разведка подтвердила: топь проходима для пехоты, а ежели сделать гати, то и для танков...

Легко сказать: построить гати! Это и в мирное время дело нелегкое. А тут построить ночью, скрытно от врага, под самым его носом! И не просто гати, а целые мосты, способные выдержать танки. Два месяца из ночи в ночь строили саперы гати. Перед утром тщательно маскировали свою работу, чтобы следующим вечером вновь взяться за дело. На отдельных участках глубина болот доходила до полутора метров, тогда бревна укладывали в несколько слоев. Саперы скинули сапоги, обули лапти: в них было легче работать в болотной жиже.

Армейский инженер-генерал Швыдкой понимал, какую ответственность берет на себя, оборудуя танкам проходы по болотам. Подобные инженерные сооружения не предусматривались никакими наставлениями. Но генерал действовал с полной уверенностью в успехе.

Помню, осматривали первые десятки метров гатей. Бревна перекатывались под ногами. Инженер объяснил:

— Пока скобами не крепили. Начнем забивать — фрицы засекут по стуку и накроют. Планируем забивку скоб на период артиллерийской подготовки.

— Сколько потребуется времени?

— Полтора часа.

Все удалось сохранить в тайне. Немцы ожидали всего, чего угодно, только не танков из болотной топи. А они появились именно оттуда. Уже через четыре часа после начала наступления вошел в прорыв танковый корпус, хотя обычно это делалось на вторые сутки наступления. Стрелковые дивизии 105-го корпуса перекрыли паричской группировке все дороги на запад. А на Березине врага блокировала Днепровская флотилия под командованием контр-адмирала В. В. Григорьева.

К концу третьего дня наступления Донской танковый корпус генерала М. Ф. Панова уже вел бой на западной окраине Бобруйска. 354-я и 356-я дивизии обтекали город с запада. Ближайшая цель 1-го Белорусского фронта в операции «Багратион» была достигнута. По плану ставки Верховного Главнокомандования предполагалось окружить бобруйскую группировку на восьмой день наступления. А войска решили эту задачу уже через трое суток.

27 июня 9-й танковый корпус замкнул бобруйское кольцо, с севера подошла 3-я армия генерала Горбатова, с востока — 48-я армия генерала Романенко. В бобруйском котле оказалось около 40 тысяч немецких солдат и офицеров.

Тем временем успешно наступали другие фронты. Были освобождены Могилев и Витебск, Орша, Борисов. 3 июля советские люди праздновали вызволение из-под фашистского ига столицы Белоруссии — Минска. В Москве прогремели артиллерийские салюты.

65-я армия преследовала гитлеровцев без передышки. 28 июня взяты Осиповичи, за ними Слуцк, Барановичи и, наконец, пограничный Брест, героическая Брестская крепость...

В конце июля с территории Белорусской Советской Социалистической Республики был выброшен последний оккупант.

Группа армий «Центр» была разгромлена за 20 дней. Только перед нашим фронтом немцы потеряли более 120 тысяч убитыми, ранеными и пленными.

За успешные боевые действия приказом Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина частям и соединениям, принимавшим участие в освобождении Белоруссии, присвоены наименования «Минских», «Могилевских», «Калинковичских», «Бобруйских», «Осиповичских», «Брестских»...

Битва за Белоруссию, ее освобождение — выдающаяся страница летописи Великой Отечественной войны.

НЕПОКОР РЕСПУ

В. ЛОБАНОК,

Первый заместитель Председателя Совета Министров Белорусской ССР, бывший командир Лепельско-Полоцкого партизанского соединения, Герой Советского Союза

Враг — наглый, жестокий и беспощадный — ворвался к нам по-разбойничьи, ночью. С 22 июня 1941 года он начал порабощать Белоруссию. Казнями и посулами, лагерями смерти и каторгой пытались гитлеровцы подавить попытки наших людей к сопротивлению. Не получалось!

...Наши войска с тяжелыми боями отступают. Эвакуируются учреждения районного центра Сураж. В райкоме партии собралось бюро. На повестке дня один вопрос: организация партизанского движения в тылу врага. Принимается решение: поручить поднять народ в районе партизану гражданской войны, директору Пудотьской картонной фабрики Минаю Филипповичу Шмыреву. И 9 июля 1941 года один из первых в Белоруссии партизанских отрядов был сформирован. 25 человек, потом 90, потом за сотню... 25 июля боевое крещение. Около хутора на берегу речки Туровки расположились на отдых немецкие кавалеристы. Партизаны незаметно подползли, раздалась команда: «Огонь!» Командир отряда Шмырев лежал у пулемета. Отряд «Батьки Миная» открыл боевой счет.

За август — сентябрь 1941 года этот отряд провел 27 операций, уничтожил около 200 вражеских солдат и офицеров, сжег 14 автомашин и 18 цистерн с горючим, захватил большие трофеи. А за зиму Батька Минай со своими соратниками освободили от гитлеровцев территорию пятнадцати сельсоветов; партизаны сумели переправить через фронт в Советскую Армию до пяти тысяч человек. Фашисты арестовали детей Миная Шмырева, держали их как заложников, потом расстреляли. Однако партизанский вожак не покинул строя до полного изгнания немцев с Витебщины. Он командовал 1-й Белорусской партизанской бригадой, войну окончил Героем Советского Союза.

Бурным, неудержимым половодьем разлилась партизанская война. В Полесье и под Минском, в западных районах республики и в Могилевской области, под Витебском, возле Гомеля создавались отряды, вооружались, готовились к боям. Все чаще и чаще звучали на лесных полянах слова партизанской присяги:

«Я, гражданин Великого Советского Союза, верный сын героического белорусского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока на нашей белорусской земле не будет уничтожен последний фашистский гад...

...Я клянусь, что скорее умру в жестоком бою с врагом, чем отдам себя, свою семью и весь белорусский народ в рабство фашизма...»

Уже в сорок первом стало ясно, что оккупанты бессильны одолеть партизан, потому что партизанское движение находило в массах всемерную, день ото дня растущую поддержку. Помню, мы договорились провести предоктябрьское праздничное собрание в деревне Губино, Лепельского района. Часам к семи утра в школу собрался народ. Я рассказал о событиях на фронте, о трудовом подвиге советского тыла. Задали вопрос: «Москва устоит?» «Непременно»,— ответил я. Потом говорили о том, как нам встретить праздник в тылу врага. Все согласились, что необходимо всеми силами наносить гитлеровцам урон.

Огромную роль сыграли в те дни кадровые командиры и бойцы Советской Армии, попавшие в окружение или бежавшие из плена и влившиеся в партизанские отряды, или сами организовавшие их. Грамотные в военном отношении, знающие цену дисциплине, уже видевшие врага в бою, они вносили в наши ряды организованность, армейскую четкость, а многие из них, такие, как В. Воронянский под Минском, А. Данукалов и Д. Короленко на Витебщине, О. Касаев на Могилевщине, прославились как командиры боевых партизанских частей.

...В Белоруссии не существовало, пожалуй, района, который можно

ЕННАЯ
БЛИКА

В освобожденном Минске.

Фото С. Короткова.

бы назвать тылом. Всюду проходил фронт. Партизаны громили немецкие и полицейские гарнизоны, устраивали засады на дорогах, взрывали эшелоны, жгли мосты. Оккупанты буквально не знали ни сна, ни отдыха.

Нервозность и страх охватили ставку немецкого верховного командования. Из Берлина одна за другой шли директивы, требовавшие усилить борьбу с партизанами. Многие участки железных дорог стали охраняться регулярными воинскими подразделениями, вокруг станций и мостов возвели дзоты и блиндажи, подходы оплели колючей проволокой, заминировали, вдоль дорог вырубались леса. Но партизаны делали свое дело. Для характеристики тех дней любопытно привести выдержку из приказа начальника штаба тыловой комендатуры полковника Коппа:

«Езда отдельными машинами ночью допускается лишь в случаях, вызванных особой необходимостью, и только с письменного разрешения командира полка. Находящиеся в машинах должны быть распределены таким образом, чтобы можно было стрелять во все стороны. Нужно упражняться в быстром соскакивании с машины и посадке в нее...»

...А границы партизанской республики все расширялись и расширялись. Центром большого партизанского края стали в 42-м году Ушачи, полностью были очищены от гитлеровской нечисти Россонский и Освейский районы, почти целиком Ветринский. В этих районах восстановили Советскую власть, работали предприятия, колхозы.

А сколько подвигов совершили тогда мужественные бойцы-патриоты! Легендой ходил по краю рассказ о комсомольце Михаиле Сильницком. Командир отряда Даниил Райцев вспоминает его последний бой:

«Незаметный в дни затишья, Сильницкий в схватках с врагом всегда был впереди с трофейным пулеметом. С заданий часто приводил языка... Доведенные до бешенства гитлеровцы решили покончить с партизанами. Они бросили против нашего небольшого еще отряда карателей-эсэсовцев. Их — 500, нас — 105. У нас — несколько пулеметов, несколько автоматов, винтовки. Они наступали двумя группами. Одна из них нарвалась в деревне Плоты на нашу засаду.

Стоял сильный мороз. Гитлеровцы двигались на 72 подводах и ничего не подозревали. Партизаны расположились так, чтобы отрезать им пути отхода. Михаил Сильницкий с пулеметом укрылся на чердаке крайнего дома. Каратели попробовали отходить, но с тыла ударил пулемет Федора Зайцева. Враг заметался в огненном кольце. Пулемет Сильницкого бил без промаха. После пятичасового боя вся дорога чернела трупами немцев. Огонь утихал. Однако в это время от деревни Костовичи на нас двинулась другая группа карателей. У Сильницкого кончились патроны как раз тогда, когда фашисты вступали в село. Он слез с чердака, чтобы принести боеприпасы. Враги заметили партизанского пулеметчика, окружили его. Он отбивался ножом, пока не упал с простреленной грудью».

Белорусская земля навечно сохранит память о школьнице-пионерке Зине Портновой, железнодорожнике Константине Заслонове, учительнице Татьяне Мариненко... Я не могу не вспомнить о доблести подпольщиков. В Минске, Витебске, Могилеве, Полоцке, Орше, Жлобине, Калинковичах, Лепеле они срывали попытки оккупантов насадить «новый порядок», вели разведку, добывали для партизан оружие, медикаменты, боеприпасы, осуществляли диверсии, террористические акты, занимались пропагандистской работой. В нашей общей победе есть весомая доля подпольщиков, особенно людей, подобных Вере Хоружей, Владимиру Омельянюку, Сергею Барановскому, матери и дочери Карпинским.

...1943 год — год заката немецкой армии. Блистательные победы наших войск под Сталинградом, на Кавказе, на Курской дуге заставили гитлеровцев отступать. И тут еще больше активизировалась партизанская сила. Центральный штаб партизанского движения разработал план разгрома железнодорожных коммуникаций врага. Началась рельсовая война. Проходящие через Белоруссию важные в военно-стратегическом отношении магистрали оказались под постоянным ударом партизан. Первый этап рельсовой войны длился с 3 по 15 августа. Движение на дорогах то и дело прекращалось. Так продолжалось вплоть до 1944 года. Естественно, ни о каких плановых перевозках фронтовых грузов гитлеровцы не могли и думать.

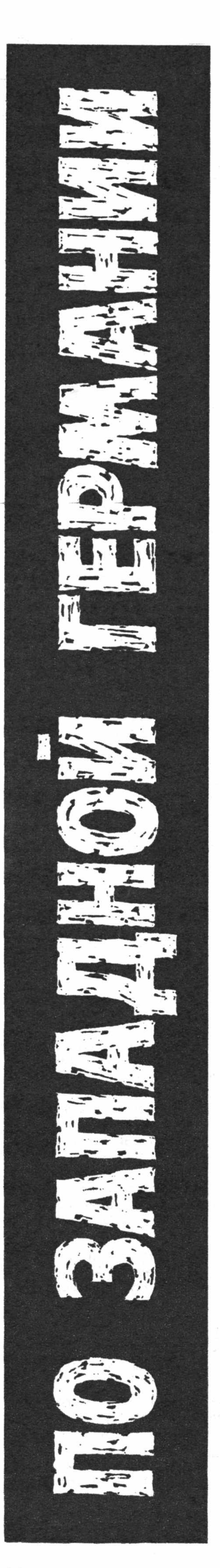
Подчеркну, что деятельность партизан носила не только военный характер. Мы заботились о людях, думали о будущем. Одной из самых важных операций я считаю операцию по спасению детей из Полоцкого детдома весной 1944 года. Его директор Михаил Степанович Форинко сумел добиться, чтобы оккупанты не закрыли детдом, но ребята жили впроголодь, а потом вдобавок выяснилось, что немцы замышляют использовать ребятишек как доноров для своих раненых. Работники детдома, объединившиеся в подпольную группу «Бесстрашные», задались целью во что бы то ни стало спасти детей! Они установили связь с партизанской бригадой имени Чапаева: удалось перевести детдом в деревню Бельчицы. Положение улучшилось, но угроза оставалась. Над тем, как вызволить 190 мальчиков и девочек из лап оккупантов, думали и мы в штабе соединения. Нашли единственный выход: увезти в партизанскую зону. Операцию предполагали осуществить без боя, но на всякий случай два отряда заняли опушку леса возле Бельчиц. Подготовили 30 подвод. Члены группы «Бесстрашные» изучили тем временем движение патрулей в деревне, наметили ближайший путь к лесу. Маленьких и больных детей прикрепили к старшим, которые смогли бы нести их на руках. Для малышей, у которых не было теплой одежды, подготовили одеяла, лохмотья.

Операция прошла успешно. Вскоре из партизанской зоны ребят переправили самолетами в советский тыл. Вот тут совершил подвиг летчик Александр Мамкин. Он вез детвору, и над линией фронта его самолет атаковали немецкие истребители. Машина загорелась. Напрягая последние силы, теряя сознание, Мамкин все же посадил ее неподалеку от аэродрома. Все, кроме летчика, остались живы. Александр Мамкин умер от ожогов и ран.

...Три года бесчинствовали и зверствовали на белорусской земле завоеватели из третьего рейха. Неисчислим урон, нанесенный ими. Только городов и районных центров они уничтожили 209, а деревень — 9 200, причем десятки деревень сожгли вместе с жителями. Все три года вели с врагом беспощадную войну партизаны и подпольщики. 1 108 отрядов, 1 003 из них объединенных в 199 бригад, 105 отдельных отрядов — вот какой была наша сила, направляемая десятью подпольными обкомами и 185 районными, межрайонными и городскими комитетами партии.

Не могу не отметить, что в партизанской борьбе нам помогали все народы Советского Союза и друзья — интернационалисты из разных стран. Нам не забыть ратных подвигов граждан Германии Героя Советского Союза Фрица Шменкеля, Феликса Шеффлера, Гуго Барса, Герберта Генчке, гражданина Чехословакии Героя Советского Союза Яна Налепки, испанца Хуана Иглесиаса, граждан Польши и Франции, Венгрии и Бельгии, Австрии, Болгарии, Италии, Голландии...

Отполыхали, отгремели военные годы. Поднялась из пепелищ Белоруссия, стала богаче и краше, чем прежде. А память о минувших испытаниях и подвигах жива. И будет жить вечно.

Арк. **ВАСИЛЬЕВ**

Экспресс «Кельн — Мюнхен» споро бежал берегом Рейна. Мелькали рекламы заправочных станций: «Эссо», «Шелл», «Тексако»...

Мои соседи по купе, два солидных немца, как вошли, уселись, уткнулись в газеты, так и не сказав ни единого слова.

В Бонне вошла молодая женщина, села, развернула журнал, впилась в его красочные страницы. Когда она перед Кобленцем положила журнал на столик, я понял, чем так была увлечена фрау: тридцатилетний Иозеф Краус, воспылав любовью к пятнадцатилетней фрейлейн Венгенмаур и желая стать свободным, отвез свою жену и трех дочерей в лес и прикончил всех из пистолета...

Проехали Кобленц, Майнц. Мои спутники молчали, и я, соблюдая правило — в чужой монастырь со своим уставом не ходят, тоже молчал, размышляя о том, что если бы я, допустим, ехал из Москвы в Ленинград, то уже под Клином я бы много знал о соседях по купе, и они бы знали обо мне. Кто-то бы уже предложил пирожков, кто-то бы уже записывал адрес нового знакомого, сыпались бы советы, сколько в день надо употреблять сахара и сколько яиц...

Тишину в купе изредка нарушал женский голос, сообщавший по радио об очередной станции.

Поезд катил берегом Рейна. Пробегала мимо окон чистая, омытая ночным дождем земля.

По радио раздалось: «Ахтунг!», «Ахтунг!». Через секунду передали сообщение о том, что «герра Васильева из Москвы просят пройти к телефону...».

Решив, что в экспрессе вряд ли найдется другой «герр Васильев из Москвы», я поспешил к телефону, который, как оказалось, находился в последнем вагоне.

Говорил сотрудник книготорговой фирмы Отто Загнера, объяснивший мне, что открытие выставки советской книги, организованной нашей «Международной книгой» и фирмой Загнера, назначено на 17 часов, а экспресс прибывает в Мюнхен в 17 часов 11 минут и что мне, следовательно, прямо с вокзала надо проехать на выставку, а так как меня в Мюнхене никто не знает в лицо и я никого не знаю, то мне надо идти к электровозу, около которого меня будет ждать человек с «Известиями» в руке. Он и доставит меня на выставку...

Я бы не уделял этому дорожному эпизоду столько внимания, если бы по возвращении в купе не заметил перемены в моих молчаливых спутниках.

В сторону были отброшены газеты и журналы. Фрау, оказавшаяся учительницей, забыла про убийцу: ее очень интересовало, сколько стоит в Москве молоко, какая плата за трамвай и метро, правда ли, что в России есть специальные школы, где особое внимание уделено изучению языков, есть ли безработные учителя, разрешено ли носить обручальные кольца...

Солидный герр, оказавшийся юристом, специалистом по разводам, узнав о нашем новом кодексе о семье, пошутил, что он бы у нас окончательно разорился: «У вас мне нечего делать». Второй господин, инженер с «Оппеля», сообщил, что от фирмы «Оппель» осталось только название да руки немецких рабочих: «Все куплено американцами...»

Вопросы так и сыпались... Я понял одно: трое западногерманских интеллигентов о нашей стране не имеют ни малейшего представления, а хотят знать многое.

Юрист, правда, кое-что знал — рассказал анекдот из серии «Армянское радио сообщает».

К человеку с «Известиями» в руке мы подошли группой. Герр инженер тащил мой чемодан: «Вы же наш гость...»

Не хочу приписывать интереса ко мне какими-либо моими личными свойствами. У меня было главное: «герр из Москвы».

* * *

В ФРГ есть озлобленные реваншисты, продажные журналисты, выдумывающие небылицы о Советском Союзе, есть неофашисты из НДП во главе с Адольфом-вторым.

В моих заметках речь не о них. За две недели работы на выставке советских книг, в поездах, на улицах, в театрах, музеях я встречался не с чиновниками из Бонна, не с биржевиками и финансистами, а с обыкновенными гражданами — с рабочими, студентами, школьниками, с водителями такси, кондукторами поездов...

Я побывал в Кельне, Мюнхене, Берхтесгадене, в небольших городках и деревнях Баварии и пришел к выводу: люди труда в отличие от боннских чинуш с уважением относятся к нашей стране, хотят знать о ней гораздо больше того, что преподносят им печать, радио и телевидение, хотят знать о нас правду.

* * *

Две недели из окон Кюнстлерхауса — дома искусств, расположенного на Ленбахплац, одной из самых шумных площадей Мюнхена, доносилась русская и советская музыка. Чайковского сменял Дунаевский, слышался голос Людмилы Зыкиной: «...течет река Волга, а мне семнадцать лет...» Никита Михалков распевал: «А я иду, шагаю по Москве...»

...Советник нашего посольства Александр Павлович Бондаренко, открывший выставку советской книги, пригласил гостей к осмотру.

Первой посетительницей, шагнувшей в зал после официальных лиц, оказалась Ирена Керн, работница автомобильного завода. На груди у Ирены пламенел комсомольский значок. Керн с гордостью сообщила, что она член коммунистической партии и прямо с выставки пойдет на заседание.

— Через три дня — 1 мая. Готовим выступление против НДП.

Выяснилось, что у Ирены сегодня день рождения — ей исполнилось двадцать пять лет.

— Значит, вы не помните войну?

— Родные помнят... Помнят и проклинают.

* * *

С вице-президентом сената Баварии, господином Линдером, мы познакомились около стенда с произведениями В. И. Ленина.

Под большим портретом Ильича стояла ваза с красными гвоздиками. Рядом с портретом фотографии «Ленин в Мюнхене». Дом на Кайзерштрассе, 46 (когда-то это был дом 53), первая квартира В. И. Ленина в Мюнхене.

Забегу немного вперед. Я побывал у этого дома. На фасаде барельеф Ильича и мраморная доска с надписью: «В этом доме жил с сентября 1900 года по апрель 1901 Владимир Ленин-Ульянов, основатель Советского государства».

Возле лежали свежие цветы.

Женщины, стоявшие около дома, с гордостью рассказали мне, что барельеф Ленина и мемориальная доска установлены по желанию жильцов.

Побывал я и у дома, где когда-то находилась типография Максима Эрнеста, в которой печаталась «Искра».

Возвращаюсь к беседе с господином Линдером. Он, рассматривая снимки, сказал:

— Смотрите, сколько в столице Баварии мест, связанных с памятью о Ленине... А теперь к нам прибыли его труды... Было бы очень хорошо, если бы мы относились друг к другу без предубеждений. Это поможет улучшить отношения между нашими странами.

— Вероятно, этого не хотят в Бонне...

— Мы не Бонн!.. Мы Бавария...

* * *

Трудно сказать, какой раздел выставки советских книг пользовался наибольшим успехом. На выставке побывало много тысяч посетителей. Люди подолгу стояли около стендов детской литературы, поэзии, прозы. Все дни много посетителей толпилось около стенда «Искусство». Многие часами рассматривали монографии о Репине, Саврасове, Куинджи. Приходили целыми семьями. Подолгу выбирали книги для покупки. (Ежедневно продавалось на две-три тысячи марок.) Ходко шли наши пластинки, спрашивали почтовые марки.

На третий день журналист Франц Шёнхубер организовал о выставке телевизионную передачу, и посетителей стало еще больше. Выставка открывалась в девять, но уже за полчаса у дверей стояла молодежь. Вечером перед закрытием приходилось несколько раз гасить свет: гости не хотели уходить.

Несколько слов о тех, кто охотно называл свои фамилии.

— Я Рита Пфлейдерер... Я люблю Россию. Как вы записали? Пожалуйста, запишите точнее. Я люблю Советскую Россию... Почему? Долго рассказывать. Люблю... Мне нравится ваш народ...

— Меня зовут Иоганн Рихтер... Красивая выставка. Как вы думаете, книгу маршала Жукова до завтра не продадут?.. Хочу купить, а сегодня не взял с собой денег... Мне интересно знать, что пишет маршал Жуков... Меня взяли в плен ваши солдаты под Минском. Когда? В июле 1944 года. Случайно попал в плен? Случайно может попасть один человек. Я не случайно, нас было человек сорок, все, что осталось от наше-

го полка... До свидания. Завтра приду за книгой маршала Жукова...

Я снял с полки и отнес в служебное помещение книгу Г. К. Жукова. Она шла ходко, и была опасность, что Иоганн Рихтер может не узнать, что написал маршал Жуков.

У стола, где оформляли покупку книг, я увидел юношу лет двадцати. Он платил деньги — шестьдесят три марки. Сделка, так сказать, солидная.

— Извините, я бы хотел знать, кто вы?

— Студент...

— Можно узнать ваше имя?

— Лучше не надо... Отец не знает, что я на выставке.

— Но он может увидеть русские книги?

— Не увидит... Я их буду хранить у приятеля...

Случались и такие встречи.

— Вы из Москвы? Разрешите представиться. Профессор.— Человек называет фамилию, имя, отчество.

У господина профессора странные глаза, узенькие щелочки, смотрят не на собеседника, а в сторону. Вид неряшливый. Седая щетина трехдневного срока.

— Вы русский?

— Разве не видите... Работал в Ленинграде, в Москве.

— Давно в Мюнхене? Как попали сюда?

— Это все неважно...

— Что же важно?

И посыпались жалобы, оценки жизни в Мюнхене, одна другой хлестче. И это плохо, и это не так..

— Что же вы, господин профессор, всем недовольны? Из Советского Союза, извиняюсь, сбежали, а теперь вам и тут плохо...

— А мне везде будет плохо, поскольку я личность мыслящая, а не стандартная.

«Нестандартная» личность отошла, шаркая поношенными туфлями. Остановилась у входа, погрозила пальцем.

— Вы и сюда добрались... Мы еще посмотрим.

Мне удалось позднее узнать, что этот господин «пристал» к гитлеровской части в 1943 году.

Еще одна личность: в поношенном костюме, лицо багровое, букет такой, что невольно вспоминаешь про соленый огурец. Встал в дверях, рявкнул:

— Я Орешкин! Поняли? Орешкин...

— Что вам угодно, господин Орешкин?

— Желаю поглядеть на соотечественников...

— Пожалуйста, проходите.

Пробежал по залу и исчез. Через час снова появился.

— Я Орехов!

— Вы же были «Орешкин»?

— А не все ли равно...

Сел около радиолы, уткнул лицо в ладони. Передавали «Оренбургский платок». Пела Людмила Зыкина. Орехов-Орешкин (на другой день он назвался Зотовым) плакал, плакал со всхлипами, весь дергаясь.

— Домой хочу... У меня на Тверской мама жила... Жизнь моя подлая...

Много их приходило, так называемых «перемещенных лиц». Жаловались на горькую судьбу, просили совета: как бы, дорогой товарищ, домой вернуться... Плакали. Один все совал мне в руки фотографию девочки лет двух, пухленькой, с большим бантом на голове.

— Доченька моя... Настенька... Поди, выросла, а так и не знает, где ее отец...

И неожиданная просьба:

— Биром угостили бы... Сейчас самое время хорошую кружечку... Холодненького...

Получил две марки, попытался пожать руку и исчез.

Подошел еще один, скорчил презрительную гримасу.

— И все врет. И про девчонку врет. Просто разжалобить хочет... А сволота страшная, власовец...

* * *

Книг на выставке было много.

Владелец книготорговой фирмы Отто Загнер, невысокий, худощавый, хорошо говорящий по-русски, появлялся на выставке ежедневно.

Он, безусловно, тот, кого можно определить одним словом: «делец». Деловит, организован, любит свое дело, хорошо знает и рынок сбыта, своего поставщика— «Международную книгу».

Загнер торгует только советскими книгами и лишь за последнее время стал, как он говорит, работать с изданиями социалистических стран.

О размахе фирмы говорит одна цифра: за прошлый год фирма продала в Западной Германии, Голландии, Дании и Швейцарии книги, газеты, журналы 78 тысяч названий.

* * *

Утром 1 мая я на машине отправился в Берхтесгаден. Название этого курортного городка на юге Баварии связано с Гитлером — неподалеку от Берхтесгадена, в Альпах в Оберзальцберге, находилась одна из резиденций главаря нацистов.

Несмотря на раннее время, улицы Мюнхена были забиты машинами, пробиравшимися в одном направлении — к автостраде.

Возле Кёнигплац мы простояли полчаса — на площади собирался первомайский митинг. Играли духовые оркестры, под ярким солнцем отчетливо виднелись красные транспаранты — трудовой Мюнхен отмечал Первомай.

Я вышел из машины, чтобы лучше рассмотреть демонстрантов. Ко мне немедленно подошли две девушки. Одна, дружелюбно улыбаясь, воткнула в петлицу красную гвоздику. Я поблагодарил ее по-русски.

— Спасибо!

Меня окружила молодежь.

— Русский? Москва?

Мне уже не хотелось ехать в Берхтесгаден.

Но подошла машина, мой спутник показывал на часы:

— Пора!..

* * *

На пути из Мюнхена в Берхтесгаден, неподалеку от самого большого озера Хим, которое баварцы называют «Баварским морем», есть город Траунштейн.

Город, как все небольшие города Баварии, зеленый, чистенький, с заправочными станциями «Эссо» и «Шелл». Шумит в узком каменном ложе река Траун. Только она да шелест покрышек на автобане нарушают сонную тишину.

Я бы не остановился в Траунштейне, если бы мой спутник, сотрудник фирмы Загнера Хельмут Шенер, рассказывая о достопримечательностях Траунштейна, не упомянул, что в нем с давних пор живет «русский поэт».

Мы отправились на розыски. Оказалось, что «русский поэт» живет в городке много лет. Происходили события мирового значения, началась и закончилась разгромом гитлеровской Германии вторая мировая война, а «русский поэт», когда-то в первые годы Советской власти печатавший свои стихи в петроградских газетах и журналах, все жил и жил в сонном городке, сочинял лирические стихи. Сочинял, правда, немного. Почти за полсотню лет выпустил шесть крохотных сборников, в том числе «Прикосновение» и «Уходящие паруса». Последний сборник, «Распознанная тайна», вышел пять лет назад. Стихи ученические, слабые.

Потом, уже в Мюнхене, в солидном томе «Русская литература», вышедшем в штутгартском «Унион-Ферлаг», я прочел о нем сочувственные строки: «Он был бы окружен читателями и почитателями, если бы жил в родной стране».

Я не знаю, какие причины толкнули этого человека в эмиграцию, что заставило его уехать из Советской России. Сейчас ему семьдесят семь лет, больной, задыхающийся, доживает век всеми позабытый в чужой стране, в доме престарелых.

Иногда он вспоминает Невский проспект, Адмиралтейскую иглу— такое все далекое, невозвратимое, чего он никогда больше не увидит.

До окон его комнаты долетает шелест покрышек по автобану, запах цветов из крохотного скверика смешивается с запахом бензина.

Жизнь прошла мимо.

* * *

От Берхтесгадена до Оберзальцберга дорога все время идет круто в гору. Примерно через полчаса от Берхтесгадена Хельмут Шенер остановил машину.

— Здесь был первый пост. Тут стояли офицеры СС и дальше никого без пропуска не пускали. За неповиновение расстрел...

Снова в гору. Внизу, в долине, Берхтесгаден, справа, между двумя горами, виднеется австрийский город Зальцбург.

И вот мы в Оберзальцберге. Подъехали к отелю «Тюркен».

Вхожу в маленький магазин, где продают сувениры — крохотные фарфоровые кружки с изображением эдельвейса, открытки.

Седая фрау за одну марку любезно открыла узенькую дверь.

— Проходите...

Винтовая лестница ведет вниз, метров на десять. Затем узкий коридор. Все: пол, стены, сводчатый потолок — из бетона.

Шаги гулко отдаются в побеленном подземелье. Где-то монотонно падают капли воды. Коридор заканчивается лестницей. Ступенек много, больше сотни. Площадка узкая, метра полтора, не больше. В стене три пулеметных гнезда. Тут никто не мог пройти незамеченным...

Бункеры. На дверях номера. Первый для Бормана, четвертый для собак, затем помещение для доктора... В апартаменты Гитлера и Евы Браун хода нет — замурован.

Ориентируясь по плану, предложенному фрау в магазине, выбираемся на чистый воздух.

Мой спутник вооружился вторым планом — всего Оберзальцберга.

— Вот это развалины дома Геринга. Видите, остатки бассейна. А это место, где стоял «Гитлерхаус». Его остатки взорваны в 1952 году. Левее казармы СС...

Я стоял на развалинах дома Геринга. Это сюда он примчался в апреле 1945 года, надеясь спастись от справедливого гнева Советской Армии, штурмовавшей Берлин. Отсюда слал телеграммы фюреру, загнанному в свое последнее подземелье. Здесь Геринг жег бумаги. Пепел, рассказывают, долетал до Берхтесгадена.

* * *

Было уже темно, в полупустом вагоне поезда, который шел в Мюнхен, кондуктор включил свет.

Двое пожилых немцев тихо беседовали о налогах, дороговизне...

Где бы я ни был — в Мюнхене, Кельне,— всюду лейтмотивом разговоров становились сетования на большие налоги, дороговизну квартир и питания.

Если человек с семьей из трех человек зарабатывает 1 500 марок (а это высокая зарплата), то у него больше тысячи уходит на оплату квартиры, на питание и на налоги. Налогов много, сорок пять видов: подоходный, пивной, церковный... Верите вы в бога или нет, до этого никому нет дела, а церковный налог платите.

Особенно растет плата за квартиры. Однокомнатная квартира, обходившаяся в прошлом году двести марок, в этом стоит около трехсот... Дешевы только изделия из синтетики.

Одна из моих собеседниц по этому поводу резонно заявила:

— Я их приобретаю редко, а мужа и детей кормить надо ежедневно...

* * *

В Мюнхене я побывал в Старой Пинакотеке, полюбовался полотнами Дюрера, Тициана, Рубенса, затем в церкви Санкт-Михаэль, в Маттеоскирхе. В Кельне нельзя пройти мимо собора. Кстати, он особенно впечатляющ ночью, умело подсвеченный «под седину».

И все же закончить свои заметки мне хочется рассказом о «Бюргер — Брой — Келлер».

В огромном, на 1 900 мест зале этой пивной когда-то раздавался голос Адольфа Гитлера. Здесь же он случайно избежал смерти — адская машина, заложенная в одну из колонн, сработала после того, как Гитлер ушел.

Я попал в пивную днем. Работал лишь самый малый зал на восемьдесят мест, да и он был почти пустой. Официантка по имени Маргоша, узнав, что я из Москвы, показала мне все залы.

— Вот тут, на этой сцене, он бесновался и визжал...

— А если к вам сейчас заглянет новый Адольф?

— Кто, Тадден? Нет, ему у нас не поздоровится. Видели наши кружки? Двойные! Полетят в его голову...

И громко пристукнула тяжелой кружкой по столу.

Кайсын КУЛИЕВ

Я говорю: пребудут пусть вовеки
На свете и слоны и мотыльки,
И оттого, что есть моря и реки,
В горах пусть не иссякнут ручейки.

Пусть зной не жжет, пусть их мороз не студит,
Склонясь, пусть песню им поют стволы,
Пусть дарят ручейки прохладу людям,
Пусть пьют их воду мулы и волы!

Разумны на земле и зной и стужа,
Ручей и море равно я люблю.
Ручей в горах волу и мулу нужен
Не менее, чем море кораблю!

В природе мира все закономерно,
Все нужно на земле, где мы живем.
Зеленый холм Казбеку не соперник,
Нет спора между морем и ручьем.

Без ручейков и океану горе,
И повторю я всуе: дай нам бог,
Чтоб морем навсегда осталось море,
Чтоб ручейком остался ручеек.

●

Подсолнух хочет только солнца вволю,
Пчела к цветку стремится весь свой век.
О мире молит вспаханное поле,
Об исцеленье — хворый человек.

Подсолнух солнца не искать не может,
Пчела не может не искать цветка.
О том, что в жизни нам всего дороже,
Мечтаем мы, и так во все века.

Больной скорее стать здоровым хочет
И молит поле, чтоб не грянул гром,
Над цветником весь век пчела хлопочет,
А я о чем мечтаю?
О своем:

Пусть обретет подсолнух солнца вволю,
Пчела найдет цветок заветный свой,
Пусть не сожжет огонь посевы в поле,
Пусть исцелится человек больной.

Перевел с балкарского
Н. Гребнев.

Голубой проспект

К. БАРЫКИН

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Есть на Волге много дорогих русскому сердцу мест. Прославленный Горький и скромные Кимры, древний Углич и поэтический Плес.

...Река у Плеса спокойная, добрая, доверчивая. И трудно поверить, что такая же вода, как эта, давным-давно сумела разорвать каменную гряду, пробить в ней русло, отвоевав такое пространство, какое потребно для главного водного проспекта России — для Волги.

Эти места известны даже тем, кто никогда не бывал здесь. Все знакомо — и уходящая по круче улочка, и пруд, и церковные купола. Знакомством этим мы обязаны И. Левитану, своей кистью обессмертившему Плес, оставившему нам и его золото, и его дождь, и старенькую церквушку. Церквушки той давно уже нет, но ее все равно ищешь, словно ждешь, что она вернется сюда с левитановского полотна... Плес одарил вдохновением многих художников. Тут жил Федор Шаляпин, здесь бывали и бывают многие деятели искусства.

Такая во всем прелесть, такое приволье — не устаешь любоваться. День сегодня отменный — светлый, подернутый легкой дымкой, отличный день. Потом, не через неделю или месяц, а много позже вдруг вспомнишь такой вот день на Волге — и станет тебе теплее и лучше...

И опять распахнулся перед нами простор реки, и вырос на пути город Горький. Он стоит на слиянии Волги и Оки. Смотришь сверху, и не разберешь сразу, где какая река. Так вольно текут они, так необозримы дали, а над ними, над всем — «царственно поставленный», как писал И. Репин, город. Один из крупнейших речных портов, бойкий речной перекресток, которому не занимать деловитости.

Идут мимо Горького теплоходы, крупные речные лайнеры, трудолюбивые баржи, сухогрузы и нефтеналивные суда. Есть где разбежаться и стремительным «ракетам», успевшим освоить едва ли не каждый километр великой русской реки. Много крылатых судов встречали мы по пути, и все же больше всего «ракет» и «метеоров» — под Горьким; потому, наверное, что тут они созданы и построены, тут делали свои первые шаги по водной глади.

В грузовом порту — деловая суета. На палубу опускают автомобили — новые «Волги», подходит баржа со стальным прокатом, диспетчер объявляет посадку на трехпалубный теплоход, идущий к Астрахани. Но причалы и набережная — это еще не Горький. Во всяком случае, не весь Горький. На его улицах современность переплелась с историей; памятник Козьме Минину и гордый монумент тем, кто отстаивал честь и свободу Родины в Великой Отечественной войне.

Славна, многогранна история Горького, одного из крупнейших промышленных и культурных центров. Здесь жил Алексей Пешков. В путеводителях написано, что домик Каширина расположен на Почтовом съезде, что открыт он до 17 часов, а выходной день в музее — среда. Но летом он обычно работает без выходных да и закрывается позже. Тьма-тьмущая народа идет сюда, чтобы поклониться Горькому, чтобы увидеть его дом, который, «... прислонясь к правому откосу и начиная собою улицу», стоит неподалеку от шумных, ныне центральных магистралей. Он и сейчас вроде бы начинает собой улицу, но вокруг — белокаменные громадины новостроек. И надо же — не теснят они одноэтажную постройку, не лишают ее тех привилегий, которые дает известность. Все вокруг застроено, многое изменилось. И лишь в доме, как при Алеше Пешкове,— герань на окне, и рукомойник, и крест, тяжелый крест, под которым погиб Цыганок...

Уголок России конца прошлого столетия.

Мы плывем по Волге, читаем реку — километр за километром, как страницу за страницей. Все здесь история. Много в Поволжье знаменитых, неповторимых мест. Но запомнились мне особо и всегда будут помниться Кимры, совсем будто неприметный городок. Он и трудолюбив, как другие волжане, и привлекателен. Отличные тут работают мастера. Немало современных изделий имеют марку кимрских предприятий. И традиционные ремесла здесь чтут и бережно развивают...

И снова река. С кострами на ночном берегу, с восходами и закатами, с деловым ритмом своим. Бесконечной чередой идут по ней теплоходы, плоты, буксиры. Работает река, главная магистраль России, ее голубой проспект.

Город Горький. Во дворе домика Каширина.

С кострами на ночном берегу.

Воспетый И. Левитаном Плес.

Редкое мастерство — каменные узоры.

Над Волгой...

Широки, привольны волжские просторы.

Анатолий КАЛИНИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЦЫГАН

* * *

Николай Петрович вовсе и не намеревался при этом играть на баяне. Он просто осторожно высвободил из-под пальцев Егора клавиши и скинул с его плеча ремень баяна, когда Егор уронил на стол отягощенную хмелем голову. Но, высвобождая из пальцев Егора ряды клавишей, он невольно положил на них свои пальцы и, когда мехи баяна отозвались под ними, задержал баян в своих руках. Прислушиваясь и склонив над баяном голову, он продолжал рассеянно перебирать пальцами. Пальцы его явно не хотели слушаться. Они уже страшно давно не лежали на клавишах баяна. Еще с тех самых дней, когда впервые появились у него на груди и эти самые медали, которые теперь свесились на муаровых ленточках, касаясь ребер баяна. И Николаю Петровичу почему-то очень захотелось, чтобы пальцы все-таки послушались его. Совсем тихо, так, чтобы никто не мог услышать его, он перебирал ими по клавишам, растягивая и сжимая баян и почти положив на него голову. И никто не услышал то, что он при этом заиграл. За свадебными столами все более вразнобой пели, кричали «горько», а в квадрате столов продолжались под радиолу танцы. И никто не мог услышать Николая Петровича и не слушал его, пока он, подыгрывая себе на баяне и незаметно для себя, не начал петь, а скорее негромко выговаривать давно зачерствевшим голосом:

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Это была совсем неподходящая к случаю, не свадебная песня, и Макарьевна, посаженая Настина мать, ревниво следившая за неукоснительным соблюдением всех правил обряда, услышав ее, сразу же поманила к себе одного из своих вестовых — комсомольцев, чтобы передать с ним Николаю Петровичу распоряжение немедленно прекратить, но тут вдруг ее сосед по столу и дружок, посаженый отец Насти, глянул на нее такими глазами, что она так и застыла на полуслове, потеряв дар речи. Оказывается, рано она перестала его бояться.

И с этой секунды, чуть отодвинувшись от него, она уже неотрывно, хотя и не поднимая глаз, наблюдала за ним, пока он слушал, а Николай Петрович, ничего не замечая вокруг себя и почти прислонив к баяну ухо, пел своим надтреснутым голосом:

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

* * *

Вверху, над головой Будулая, шелестел своей листвой, начеканенной ветром и солнцем из белого серебра, тополь. И вокруг тоже было широкое поле, необозримая степь. Так, значит, это про него, про его жизнь Николай Петрович не то поет, не то рассказывает словами этой песни. И как так могло случиться, что до этого Будулаю так и не пришлось услышать ее? А скорее всего и потому, что всегда было некогда, недосуг ему за поисками этого бугорка, потерявшегося в безбрежно широком поле.

Постепенно стал убывать и глохнуть за свадебными столами веселый шум. Но раньше всех заглох он за теми столами, которые заняты были людьми постарше. Теми самыми, которые и шаровары с лампасами подоставали, снаряжаясь на свадьбу, и довоенного еще фасона кофты и юбки. Но также и по протезам их можно было бы узнать. И по той серой, пепельной бледности, которая вдруг так и осыпала их щеки, когда у Николая Петровича на мгновение как будто бы совсем пропал голос:

Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Но перед Будулаем стоял нетронутым его стакан с вином. Никто не обращал внимания на него. Даже его соседка, посаженая мать Насти, которая уже перестала сердиться на Николая Петровича за то, что он испортил свадьбу совсем неподходящей песней, и, забыв о своих обязанностях, тоже слушала его вместе со всеми.

И только лишь Настя, которая до этого за весь вечер так и не взглянула в сторону Будулая, теперь, не отрываясь, смотрела на него. Вверху шелестели тополя своей чеканной листвой. То ли от света электрических матовых фонарей, то ли еще от чего, но лицо Будулая казалось теперь совсем бледным, а бородка особенно черной. И сидел он за столом на своем месте посаженого отца, как замер.

Настя, не отрываясь, смотрела на него, а на нее смотрел ее молодой муж Михаил Солдатов и переводил взгляд на красную рубашку Будулая.

Но больше никто так ничего этого и не видел, потому что внимание всех в это время было занято совсем другим. Ну, кому в самом деле интересно наблюдать, какое могло быть лицо у одного из присутствующих на свадьбе цыган — таких здесь было много,— когда куда как интереснее было смотреть на генерала, который был здесь один.

Подыгрывая себе, Николай Петрович заканчивал уже почти шепотом:

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

Никаких признаков шума уже не осталось за свадебными столами — даже за теми, за которыми сидела одна молодежь. Только лопотали тополя вверху. И все гости, повернув головы, смотрели в одну и ту же сторону. Туда, где сидел начальник конезавода, генерал.

На груди у него тоже светились медали и ордена, а по щекам его катились слезы. И, все крепче сжимая пальцами свой стакан с вином, сквозь пелену их совсем не замечал генерал, что все давно уже смотрят только на него.

Не исключая и Егора Романова, который вдруг проснулся и поднял голову от воцарившейся за столами тишины.

Макарьевна, всхлипывая, повернулась к своему соседу.

— А я думала, что генералы никогда не...— И последнее слово так и осталось у нее на губах.

Ее соседа, посаженого Настиного отца, на своем месте и вообще на свадьбе уже не было.

Настя рванулась из-за стола. Но рука молодого мужа, сжав ее локоть, не пустила ее.

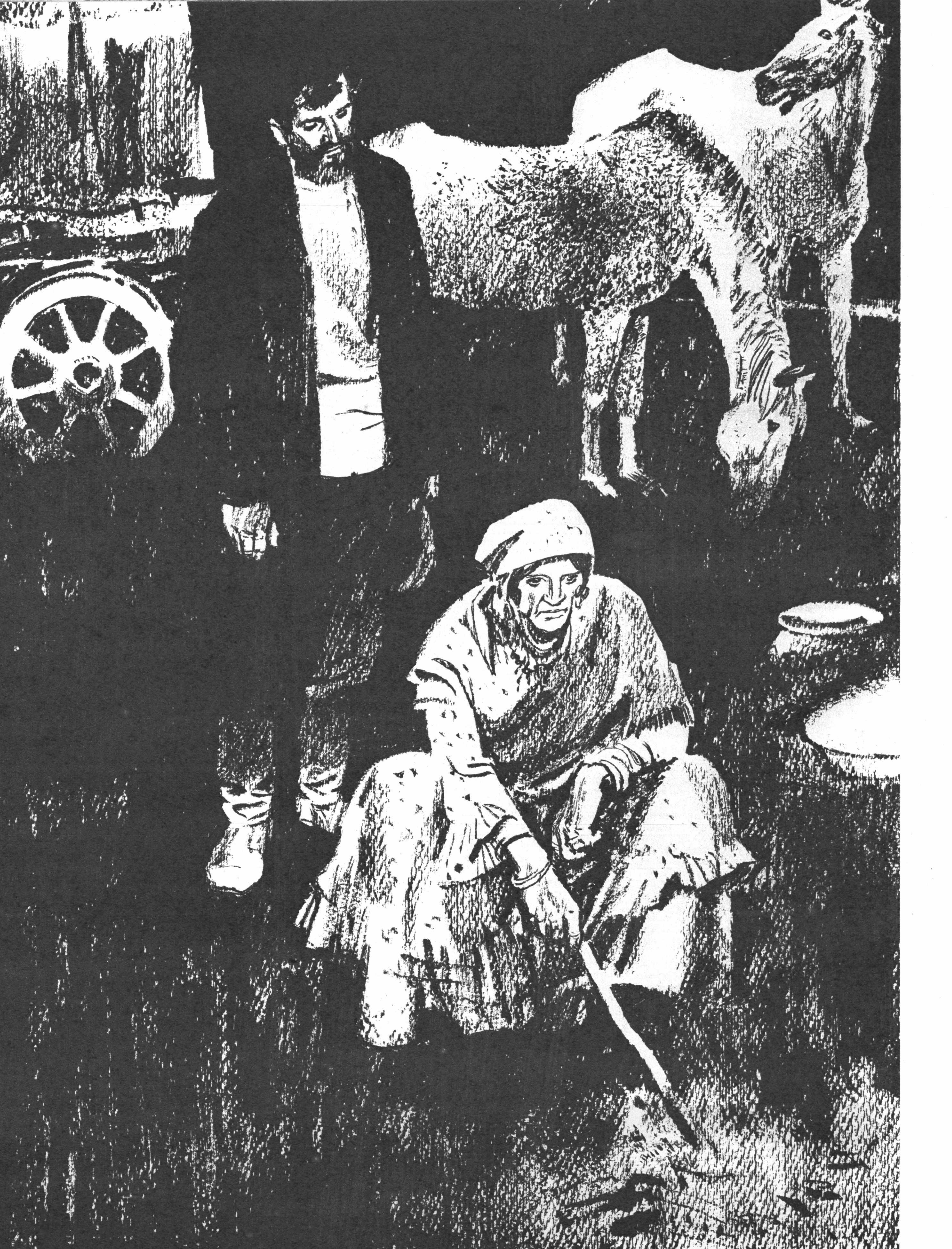
* * *

Начальник конезавода, несмотря на то, что он оставался вместе со всеми на свадьбе до конца и вернулся домой уже за полночь, проснулся по своей всегдашней привычке еще в пять часов утра, но вставать с постели на этот раз против обыкновения медлил. И в голове после всего этого шума, а может быть, и после выпитого вина оставалась тяжесть, и вообще вся эта перегрузка была ему уже не по летам.

Однако и без этого у него были основания уже с утра чувствовать себя сегодня неважно. Связано это было с намеченной им сегодня поездкой в город, в область. Приподнимая от подушки голову, он видел в окно уже дожидавшийся его под акациями «виллис».

Та часть этой предполагаемой поездки, которая, судя по всему, обещала быть приятной, приходилась на вторую половину дня, на вечер, когда должна была состояться в областном драмтеатре встреча ветеранов Первой Конной. Не только со всего Дона, но и из других смежных казачьих областей должны были съехаться его товарищи, с которыми будет что вспомнить и из времен гражданской и из времен Великой Отечественной войн. Но в том-то и дело, что предшествующая этому первая половина дня обещала для него стать куда менее приятной. И связано это было все с теми же объяснениями, которые ему опять придется давать в сельхозотделе обкома, почему во вверенном ему конезаводе и в этом году, судя по всему, кукуруза не удастся на зерно. Мало того, что пять лет назад ему приходилось врукопашную отбивать от распашки под эту королеву полей каждый гектар ничем не заменимых табунных лугов. Теперь из-за нее же еще и дер-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24 и 25.

жи каждый год ответ, как мальчик. А если он и сам не знает, почему эта королева оказывается такой бесплодной при малейшем дуновении на нее юго-восточного заволжского суховея?..

Ночью, ложась спать, генерал поставил у своего изголовья на стуле кувшин с огуречным рассолом и теперь, предаваясь невеселым размышлениям, отпивал из него глоток по глотку, освежаясь. За этим занятием и застала его жена, вошедшая сказать, что к нему пришел какой-то человек.

Из-за края кувшина он взглянул на нее сердитыми глазами:

— Что еще за человек в такую рань? Ты что же до сих пор не научилась, как надо отвечать?! Пусть ждет в конторе.

— Я ему так и сказала, а он вежливо извиняется и говорит, что не может ждать. У него срочное дело. Это какой-то цыган.

При этом слове генерал, как ужаленный, сбросил с кровати ноги:

— Цыган?!

Недостаточно, оказывается, того, что все последнее время ему от этих цыган на работе отбоя нет. Все сразу как с цепи сорвались: рассчитывай, да и только! Теперь же они и дома до него добрались. Но и всякому терпению есть предел. Этот цыган, который не постеснялся прийти к нему ни свет ни заря, раз и навсегда забудет дорогу к его дому.

Разъяренный, он, как ураган, промчался мимо отшатнувшейся жены к двери, в шлепанцах на босу ногу и в полосатой ночной пижаме, не забыв, впрочем, накинуть на плечи свой летний китель с вышитыми на погонах звездами генерал-майора. Ярость его удвоилась, когда, распахнув дверь на крыльцо, он увидел перед собой Будулая. Не кого-нибудь иного, а того самого Будулая, который заверял генерала, что лично он, не так как другие цыгане, уже не собирается ни в какие бега и, даже больше того, решил окончательно поселиться на конезаводе. Теперь же достаточно было лишь взглянуть на его виноватое лицо, чтобы тут же догадаться, зачем он пожаловал в этот ранний час к генералу на дом.

Генерал так и задохнулся:

— И ты?!

Будулай не стал отрицать:

— И я, товарищ генерал.

Но прежде чем генерал успел обрушить на его голову все то, что только и должен был ожидать от него этот цыган, он быстро сказал:

— Но вы сперва, пожалуйста, дайте мне сказать, а потом уже кричите на меня.

— У меня нет такого свободного времени, чтобы с каждым дезертиром в беседы вступать,— отчетливо отрезал генерал и круто повернулся к нему спиной, чтобы опять скрыться в доме. Но его догнали слова:

— Я, как вы знаете, товарищ генерал, никогда дезертиром не был и не могу позволить так меня называть.

Генерал, как на оси, повернулся к нему с неожиданной легкостью для его тучного тела:

— А как же ты еще прикажешь тебя называть?! Дезертир и есть. Я же сразу увидел, что ты ко мне за расчетом пришел. Или, может быть, нет?

— За расчетом, товарищ генерал.

— А раньше, ты помнишь, что мне говорил?

— Помню.

— И после этого ты еще хочешь, чтобы я с тобой здесь, на крыльце, в душеспасительную беседу вступил?

— Нет, на крыльце об этом не стоит, товарищ генерал,— серьезно ответил Будулай.

Генерал с неподдельным любопытством заглянул ему в глаза снизу вверх: уж не смеется ли над ним этот цыган? Нет, в его глазах не видно было и тени насмешки.

— Может быть, мне тебя к себе домой на утренний чай пригласить?

— Можете не беспокоиться, товарищ генерал,— с грустным сожалением, глядя на него сверху вниз, сказал Будулай.— Я уже пил чай.

И, встречаясь с его взглядом, генерал чего-то устыдился. Толкнув плечом дверь и кособоко поворачиваясь на тесном крыльце, чтобы пропустить Будулая в дом впереди себя, буркнул:

— Но только ты учти, что машина меня долго не может ждать.

Шофер «виллиса» успел и дозоревать, склонив голову на руль, и дважды прослушать по радио сводку погоды, но дверь, выходившая на крыльцо домика генерала, так и не отворялась. И посигналить под окнами, чтобы напомнить начальству о своем существовании, ни в коем случае не разрешалось. Генерал сам не любил опаздывать, и если он теперь задерживался, значит, была причина. Хотя вообще-то трудно было представить, что за причина могла заставить начальника конезавода столько времени — битых два часа — оставаться с глазу на глаз с этим цыганом, чей велосипед приткнулся сбоку крыльца к стволу клена. Солнце уже и в багровой краске успело выкупать его листву, и в оранжевой, и в желтой, а теперь перебирало ее своим перламутровым гребнем.

Наконец дверь открылась, и вслед за своим необычным гостем генерал вышел на крыльцо.

— А я было совсем уже подумал, что и тебя опять потянуло гоняться за ветром,— говорил он, грузновато спускаясь рядом с цыганом по ступенькам и застегивая на груди свой пыльник,— и совсем уже настроился развернуть тебя на все сто восемьдесят градусов, как дезертира чистейшей воды, но это же получается другое дело. И, я бы даже сказал, великодушно с твоей стороны. Может быть, и я на твоем месте поступил бы точно так же.— Генерал приостановился на последней ступеньке, на мгновение придержав Будулая рукой за плечо и тут же отпуская его.— А может, и нет.— И, уже сойдя с крыльца и останавливаясь перед ним под густой кроной клена, вздохнул: — Я всю жизнь, даже в карты, не любил оставаться в дураках. Нет, ты не обижайся, я уже сказал, что все это с твоей стороны благородно, ну и так далее, но тем не менее у тебя есть время еще раз все взвесить и перерешить. Никто же тебя отсюда в шею не гонит. — И, не дождавшись от Будулая ответа на эти слова, он догадливо заключил: — Значит, твердо?

— Твердо, товарищ генерал.

— И ты думаешь, они все это смогут оценить?

— Я об этом не думал, товарищ генерал.

— Ну что ж, как говорится, вольному воля. Откровенно говоря, не очень мне хочется в твоем лице и такого табунщика терять. Но и отговаривать тебя, как я уже сказал, не вправе. Во всяком случае, если не теперь, а потом ты передумаешь и захочешь вернуться, место для тебя на нашем конезаводе всегда найдется.

— Спасибо.

Но генерал, не хотевший, чтобы его хоть сколько-нибудь могли заподозрить в проявлении сентиментальности, тут же и пояснил:

— С табунщиками, как ты сам знаешь, у нас негусто. Так что можешь пока считать себя в долгосрочном отпуску без сохранения оклада.

— Спасибо, товарищ генерал,— повторил Будулай.

И опять начальник конезавода отвел его благодарность жестом:

— И что же ты теперь так от самого начала по этим своим картам и махнешь?

— По ним, товарищ генерал.

— А потом?

— Не знаю. Потом видно будет.

— Может быть, как твоих сородичей, опять потянет кочевать?

— Нет, я уже свое откочевал.

— Ну тогда запомни то, что я тебе сказал. И не спеши опять со своими благодарностями. Я начальник конезавода, а у нас с табунщиками дефицит.— И генерал круто повернул разговор в другое русло: — Если откровенно говорить, завидую я тебе. Я бы и сам давно уже во время отпуска вместо всяких там Цхалтубо и Сочей...— Он безнадежно махнул рукой.— Да, видно, так и не соберусь. Если бы я тоже, как ты, был один...— И он оглянулся на занавешенные зыбким, колеблющимся тюлем окна своего дома.— На чем же ты думаешь ехать?

Будулай положил смуглую руку на поблескивающий никелем руль своего велосипеда, прислоненного к стволу клена:

— Вот мой конь.

— Ну, на нем-то тебе далеко не уехать.— Генерал на секунду о чем-то задумался.— У вас, по-моему, на отделении два мотоцикла?

— Два, товарищ генерал.

— А деньги у тебя, надеюсь, есть?

— Мне их некуда тратить, товарищ генерал.

— Ну тогда вот что...— Пошарив у себя на груди под пыльником, генерал достал маленькую записную книжку и карандаш и, что-то коротко, размашисто написав на развернутой книжке прямо на весу, протянул Будулаю вырванный листок.— Внесешь в бухгалтерию все, что положено, и возьмешь мотоцикл себе.— Будулай хотел что-то сказать, но генерал не дал.— Без тебя знаю... И смотри мне, пока свой табун по акту не сдашь, не уезжай. Все поголовье пересчитать. В присутствии главного зоотехника и ветеринара. У вас за это время никаких ЧП не было? Все лошади целы?

— Все, товарищ генерал.

— А то я вас, цыган, знаю. Ну и прощай.

Но и после того, как он уже направился к своему «виллису», в котором шофер уже так и вкогтился в руль, как беркут в свою жертву перед взлетом, он еще раз оглянулся:

— А как ты все-таки думаешь насчет конницы, цыганский казак?

Будулай встретился с устремленным на него нетерпеливым взглядом и не мог ответить иначе, чем ответил:

— Жаль, товарищ генерал.

Бывший командир кавалерийской казачьей дивизии даже сделал шаг назад, к Будулаю:

— Вот и мне...— Но тут же он сурово махнул рукой и, запахивая свой пыльник, опять отвернулся к «виллису».

Из-под взревевшего «виллиса» вместе с синим дымом выпорхнула целая туча жирной черноземной пыли. И только после того, как она рассеялась, мазутными хлопьями оседая на придорожной траве, покатился по той же дороге на своем велосипеде к центру поселка и Будулай.

* * *

Сдвинулись цыгане. То по мягкой степной дороге нашептывают что-то невнятное копыта их лошадей, то вблизи городов опять выезжают на асфальт. В знойный полдень они оставляют на растопленном солнцем черном месиве дороги полукруглые чашечки следов, а зимой цокают по твердому четко и как-то даже горделиво. И опять, вынырнув из подворотен, бежит, приплясывая, вдогонку этому цокотанью начавшая было забываться людьми не очень веселая придумка о цыганах, заночевавших в морозной степи под рыбачьим бреднем: «А с чего это ты, сынок, так дрожишь?» «Ой, стужа, батя!» «Тю, а ты вот просунь палец скрозь бредень наружу. Вот где стужа».

Едут цыгане и по ночам. Над их головами созревают и осыпаются с колосьев галактики звезды, а иногда и свет спутника просверкнет в полумесяце серьги цыганки, приуснувшей под мягкий гул колес на ворохе тряпья в окружении своих детишек.

Не спит лишь цыган да его собака, не отстающая от колеса брички ни на шаг.

* * *

...Целая тьма шатров стоит по обеим сторонам веселой зеленой балки, вокруг вразброд пасутся на лугу лошади, и среди них

неразумные разномастные жеребята, а на дне балки не меньше дюжины цыган устроилось на корточках у своих маленьких дорожных наковален, и отец впервые позволил Будулаю подкачивать мех горна, и железо поет под молотками на всю степь, но это не может заглушить и той знакомой с детства песни, которую поют у большого костра цыганки.

Да, это та самая песня, которую ему когда-то часто пела Галя, а недавно напомнила и Настя. Славная девочка, но в эти годы еще нельзя до конца знать свое сердце и может показаться, что любишь, когда только хочешь любить. И он не мог поступить иначе. Если бы не это, то он бы, наверно, так и остался жить в этой табунной степи. Люди там хорошие, кругом тишина, и травы, травы...

Дайбогану очая...

Нет, это совсем не похоже на сон и не чудится ему. Глаза его давно уже открыты, вон скворец раскачивается на ветке, весь взъерошился, растопырил крылышки и закинул головку, сейчас должен затрещать, а вон удод неслышно, как призрачная тень, скользнул в листве. И совсем рядом, у щеки, красный муравей, как грузчик, ворочает втрое большую его самого личинку. А зеленая гусеница ползет к такой же зеленой кобылке.

Какой же это сон, если, кроме песни, еще так явственно потягивает и запахом дыма! И голос не Галин и не Настин, а совсем низкий, как мужской, хотя и женщина поет. Притом совсем близко, рядом.

Будулай сел и, еще не поднявшись, раздвинул ветки молодого, но уже густолистого дуба. Вдоль дубовой государственной лесополосы, которая с вечера приютила его, когда он обнаружил в своем мотоцикле небольшую поломку, тянулась грунтовая, хорошо наезженная и почищенная грейдером дорога, а через дорогу, сквозь седловину между двумя буграми, розовел далеко внизу под утренним ранним солнцем Дон и за ним почти сплошь задернутое сейчас пеленой тумана Задонье, откуда он вечером переправился на пароме. Лишь кое-где сквозь туман пробивались, расплываясь, еще не всюду погашенные по раннему времени огни левобережных станиц, полевых станов.

И вот в этой-то седловине, между двумя придонскими буграми, в падинке, и стояли три телеги с воздетыми кверху оглоблями, а посредине них курился дымок. Женщина, сидя у костра на корточках, что-то ворочала в нем палкой и вполголоса пела знакомую Будулаю цыганскую песню. Разбредшиеся вокруг лошади похрустывали травой.

Она не испугалась, когда Будулай, мягко ступая по траве, остановился у нее за спиной и по-цыгански сказал:

— Здравствуй.

Она спокойно повернула голову, и он увидел, что у нее уже лицо немолодой женщины, почти старухи, но глаза еще яркие и взгляд у них острый.

— Здравствуй, ром.— И опять продолжала ворошить палкой в костре, в котором у нее что-то пеклось.

— А где же ваши другие люди? — спросил Будулай.

— Там станица.— Коротко показала она палкой между буграми по уходившей под гору ложбине, считая излишним объяснять ему то, что он должен был и сам знать, как цыган.

И он больше ничего не спросил у нее, тоже присев против нее на корточки у костра. Выкатив из костра палкой печеное яйцо, она подкатила его Будулаю:

— Бери.

Он не стал отказываться, так как заметил, что в золе костра еще пекутся яйца, и, прежде чем очистить яйцо, стал перекатывать его, раскаленное, из ладони в ладонь. Она посоветовала:

— А ты положи его в траву. Роса.

И правда, в смоченной росой и сизой от нее траве яйцо сразу же остыло, и когда он стал очищать его, корка сама отделилась. Цыганка молча протянула ему ломоть хлеба с насыпанной на него кучкой соли и, выкатив из костра другое яйцо, для себя продолжала, хотя он ничего больше не спрашивал у нее:

— Но все равно они опять вернутся оттуда с пустыми руками. Не послушались меня.

Если бы он полюбопытствовал у нее, в чем же именно не послушались ее те, которые спустились в станицу, она бы, возможно, не стала больше откровенничать с ним, незнакомым ей цыганом. Но он, надкусывая яйцо вместе с ломтем хлеба, лишь взглянул на нее и этим, видимо, больше всего и внушил ей доверие:

— Я им говорила, что по задонским глухим хуторам можно скорее мел променять, но они же теперь старых и слушать не хотят. И моего тоже сбили.— И, отвечая на молчаливый вопрос в глазах у Будулая, пояснила: — Мы по-за Шахтами из-под Белой горы кирками мел вырубаем, мелем его и меняем по три блюдца за блюдце муки и по две цыбарки за цыбарку картошки. А если деньгами, то можно иногда за бричку мела и двадцать рублей наторговать. Но на этом берегу мы за два дня и полбрички еще не успели расторговать.— И, кивнув на подводы с мешками, туго набитыми чем-то белым, добавила: — Тут из-под придонских круч они привыкли сами какую угодно глину добывать: и желтую, и красную, и мел. А там, по-за Доном, глушь, там могут и за блюдце мела блюдце пшеничной муки дать.

После такой ее откровенности не возбранялось, пожалуй, и самому спросить:

— А как же вы теперь, так опять все время и будете с места на место переезжать?

Впервые она с сомнением и остропроницательно посмотрела на него:

— Ты или прямо с луны упал, или у тебя от цыгана одна только борода осталась. Кто же нам теперь позволит кочевать? — Она порылась рукой где-то за вырезом своей кофты и протянула Будулаю раскрытый на ладони паспорт, впрочем, не отдавая его ему в руки.— Видишь, тут штамп. Я теперь каждому могу доказать, что не где-нибудь, а в Бессергеневском совхозе живу. А это,— она кивнула в сторону бричек с мешками,— мне никто не запретит своей родной сестре для щикатурки дома отвезти... Мы, ром, в станице Бессергеневской, правда, на виноградниках работаем, а мужчины кто сторожует, а кто при лошадях.— И она с некоторой даже

„ОГОНЬКУ" СООБЩАЮТ

—САРДЭЧНА ЗАПРАШАЕМ!

В Гомеле открыт университет. Базой для него послужил один из старейших институтов республики — Гомельский педагогический. Уже сейчас для студентов первых курсов здесь читаются лекции по университетским программам.

О перспективах нового университета рассказывает его ректор, член-корреспондент АН БССР Владимир Алексеевич Белый:

— В ближайшие год-два у нас не только увеличится число студентов, но и обогатится учебная база: ее оснастят новейшей техникой, аппаратурой, приборами. При университете создаются вычислительный центр, геологический музей, ботанический сад, метеорологическая станция, музей природы Полесья... Научно-исследовательские работы будут вестись не только на кафедрах и в проблемных лабораториях, но и в самостоятельных научно-исследовательских институтах, входящих в состав университета.

Проектные организации начали разработку генерального плана строительства университета. В центре города для него отводится 80 гектаров. На Советской улице поднимется высотное здание учебного корпуса, а неподалеку вырастет студенческий городок — общежития, клуб, столовая, поликлиника, спортивные сооружения.

В ближайшие годы в стационаре нашего университета будет заниматься около 10 тысяч студентов, значительно расширится заочное отделение и аспирантура. Однако Гомельскому университету без помощи старейших вузов не обойтись. Мы надеемся, что нам во многом помогут ученые Московского, Ленинградского и Белорусского университетов. Я уверен, что в столичных городах найдутся ученые, которые охотно переедут к нам. Рекламировать Гомель, мне кажется, нет нужды. Это один из красивейших городов Белоруссии. Поэтому просто говорю своим коллегам:

— Сардэчна запрашаем!

Г. РОЗИНСКИЙ,
сотрудник газеты «Гомельская правда»

На снимке: у входа в новый учебный корпус.

Фото П. Белоуса.

С НЕБА — НА ПЛАЦ УЧИЛИЩА

На плацу Рязанского высшего воздушнодесантного командного дважды Краснознаменного училища имени Ленинского комсомола собралось много гостей. Был среди них и космонавт Алексей Архипович Леонов.

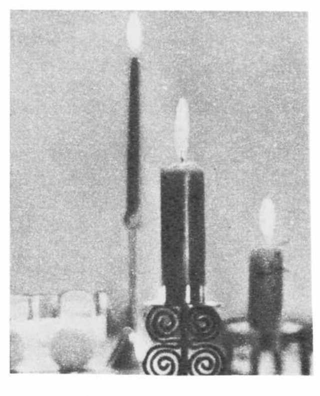
...В небе на высоте 800 метров появились серебристокрылые самолеты. И вот уже от них отделились небольшие темные точки. Среди парашютистов — неоднократные чемпионы и рекордсмены мира. И тем не менее трудно было поверить, что им удастся точно «выстрелить» в цель — маленькую площадку в центре большого города. Но почетный мастер спорта СССР Роберт Силин и его товарищи Виссарион Данилов, Борис Прохоров, Александр Дударь, Геннадий Юрко, Владимир Шилин, Валентин Муштуков и Михаил Пантелеев «шагнули» точно в цель. Их приветствуют друзья, гости, а в воздухе расцвела новая пятерка сине-бело-красных парашютов. Сейчас «в небе только девушки», те самые, которые снимались в фильме с таким же названием. Оператором фильма был Роберт Силин. Эта кинолента получила пять золотых наград на Международных конкурсах.

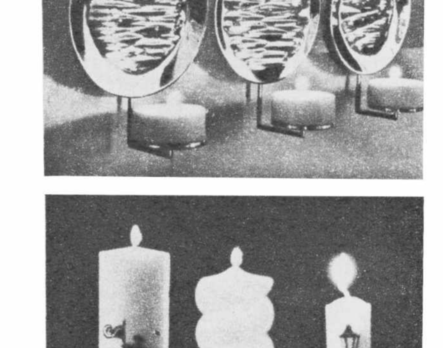
Отважные спортсменки приближаются к земле. Алексей Леонов бурно аплодирует им, жестами корректирует приземление. Все в порядке! Отличный спортивный почерк у Вии Кривини, Валентины Михайловой, Альбины Горшковой, Марии Албул, Нины Панковой. Горячо поздравляет их космонавт Алексей Архипович Леонов.

Е. ЛУТОХИН

На снимке: космонавт А. А. Леонов среди парашютисток.

Фото Ю. Черникова.

ПРИ СВЕЧАХ...

Давно установлено, что человечество возвращает моды прошлого не механически, а обогащает их новым, современным пониманием красоты. Вот так и со свечами: они снова входят в быт. Вечерами, в минуты отдыха, люди возвращаются к их живому, теплому, пахучему огню. Но делают свечи сейчас совсем по-иному. В былые времена опускали фитилек в расплавленный воск, просушивали его и снова опускали — до тех пор, пока свеча не приобретала нужную толщину. Расплавленный воск давно уже заменен химической смесью стеарина, парафина и церезина, и уж не люди, а машины опускают в эту горячую смесь фитилек.

А. Аксель и Ф. Лойт, инженеры таллинского производственного объединения бытовой химии «Флора», считают, что выпуск однообразных белых свечей в век красителей и ароматических веществ никак не оправдан. Сначала в смесь были добавлены специальные краски, и в Таллине появились красные, желтые, голубые и зеленые свечи. Потом сдобрили смесь термостойкими растворимыми душистыми веществами — корицей, гвоздикой, хвойной смолкой, и яркие свечи запахли нежно и уютно. А затем решили изменить и привычную форму. В продажу стали поступать свечи одиннадцати видов — разноцветные подобия еловых шишек и самих елок, шары, цилиндры, гладкие и витые, параллелепипеды и кубы.

А если уж появились такие свечи, значит, неизбежно должны были появиться и соответствующие подсвечники. Наверное, нет в Таллине художника-прикладника, который не придумал бы свою конструкцию подсвечника! Их делают из металла, дерева, глины. Игорь Балашов, молодой художник по металлу, разработал не меньше пятидесяти образцов подсвечников. Ему нравится полированный металл, хорошо отражающий и многократно преломляющий свет свечи. Для свечей-шариков Игорь предлагает низкие подсвечники с изогнутыми рефлекторами. Для крупных, широких, подолгу горящих свечей он придумал деревянный подвесной подсвечник с резными, блестящими, похожими на тарелки отражателями света. Неровное пламя много раз отражается в гранях, и кажется, будто и свет и отражатели все время находятся в движении. Игорь назвал этот подсвечник «летающие тарелки». Есть подсвечник «останкинская башня» — маленькое, изящное подобие знаменитого сооружения. Есть и «русский кубок».

Таллинский подсвечник с яркой свечой — сувенир, привлекательный для каждого туриста. Он напоминает о городе, славном тем, что его художники умеют со вкусом украшать свой быт.

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

Фото В. Сальмре.

гордостью добавила: — У нас в совхозе жить можно. И свое вино есть.

Нехорошо было злоупотреблять чужой доверчивостью, но цыганке, видимо, наскучило одиночество у костра, и она сама рада была приоткрыться незнакомому человеку. А вокруг от травы под лучами утреннего солнца испарялась роса. Паслись на траве цыганские лошади. Внизу, сквозь седловину между буграми, виднелся Дон. И в огне костра весело сгорал прошлогодний бурьян. Будулай спросил:

— Зачем же вы опять ездите, если там можно жить?

И снова она бросила на него свой остропроницательный взгляд из-под быстро взметнувшихся век:

— Нет, тебе пора уже и цыганскую бороду постричь. Как будто ты и сам не знаешь. Я вот трошки посидела в степи у костра, поворошила память, и мне как-то легче. Не все то лучше, что лучше.— Она вдруг мимолетно заглянула ему за борт пиджака.— Так это, значит, ты и есть Будулай?

— Откуда ты меня знаешь? Я раньше никогда не видел тебя.

— Ты еще молодой, а я уже старая цыганка.— И она загадочно улыбнулась, на миг приоткрыв еще совсем крепкие и белые зубы.

Так он и не понял, что могла означать ее улыбка. Похрустывали травой лошади. Она повернула голову:

— А вот и наши идут.

Из-под горы, куда спускалась лощинка, донеслись голоса. Цыганка прислушалась:

— И, сдается, опять на дурницу. Вон как гомонят. Грызутся, должно. А моего Мирона что-то не слышно. Это, значит, они на него всем гуртом напали, что опять не туда их повел. Сами его сбили, и он же теперь виноватый.

Голоса снизу приближались, и вот уже из-под горы на серебристо-сизом от полыни склоне показалось многоцветное пятно. Будулай встал. Не хотелось ему оказаться сейчас среди своих соплеменников в этот час раздоров между ними.

— Уходишь?

— Спасибо тебе.

— А то бы, может, остался с нами, Будулай?

— Зачем? Ты же сама сказала, что мне пора уже и цыганскую бороду постричь.

— А ты уже и обиделся.— Она задумчиво пожевала губами.— Хочешь вместо моего Мирона к нам в старшие пойти? Моего молодые давно уже не хотят понимать. Ты, говорят, дед, для нас уже не ав-то-ри-тет, теперь другое время. А с молодыми цыганками и совсем сладу нет. Им говоришь, чтобы они больше юбки не подшивали, какая же это цыганка, если у нее будут коленки сверкать, а они скалятся: вот ты, бабушка, и закрывайся, все равно тебе уже нечего показать... Может, и правда, им нужен авторитет. Такой цыган, как ты. Еще нестарый и...— она снова заглянула за борт пиджака Будулая,— при орденах. Хоть ты, говорят, и слишком честным цыганом хочешь быть.— И она снова улыбнулась, на миг обнажив свои молодые зубы.— А моему Мирону уже пора освобождение дать. И с милицией в его года уже как-то совестно дело иметь. Оставайся, Будулай!

Из-за гребешка склона сквозь кусты шиповника уже завиднелись и головы поднимающихся из-под горы цыганок и цыган. Ссора между ними, должно быть, и действительно разгорелась нешуточная. Они все сразу кричали, размахивая руками.

— Нет, прощай.

— Ну, как знаешь.

И она сердито отвернулась от него.

Окончание следует.

Кто это сказал: свои собаки грызутся, чужая не приставай?.. Никто не знает. Не знает, ну, и черт с ним! Главное — верно сказано.

Свой со своим бранится — сам помирится, а чужой встрянет — век постылым станет... Молодые они: бранятся — только тешатся, а старый Мартинас бредет сейчас по улице, и в глазах у него темно. Ровно ослеп.

Солнце только-только за полдни переступило, пекло вовсю; отдыхающие валом валили кто с пляжа, кто уже отобедал, а Мартинас плелся посреди этого многолюдья, будто в воду опущенный, или, как у нас говорят, словно землю продал...

И еще сказано: не хвали день до вечера... Кто первый сказал? Неважно. Важно, что правильно сказал!

И ведь хорошо день-то начинался. Хорошо.

Подошли они к первой ловушке (их у нас в заливе на угря ставят: мелкоячеистая сеть на шестах у дна, а по сторонам ее и в челе — три здоровенных верши: подойдет рыба, ткнется в сеть и плывет вдоль нее, прямиком в горловину. Зашла туда, и все: обратно ходу нет!).

Ну вот, значит, подошли они к первой ловушке, поплевал Пранас Нормантас на ладони, матюкнулся, будто господа помянул, и громогласно вопросил Мартинаса:

— Ну, как оно сегодня? Будет или нет?

Старик втянул носом воздух, словно принюхивался: как там нынче с рыбкой? — ухмыльнулся, вроде что-то приятное учуял, ухватился за прочно вбитый в дно залива кол и подмигнул:

— Сегодня — будет!

А он слов на ветер не бросает. Ему не к лицу: годы не те — языком-то трепать. Раз сказал «будет», значит, точно — будет.

— Твое бы слово да богу бы в уши! — выдохнул Нормантас, ровно паровоз пары выпустил, и еще разок поплевал на свои лопаты-ладони. — Много ли нам и надо-то? Сотню килограммчиков добрать — и порядок. Квартальный план в кармане. Извольте получать премии! А ведь нам, Мартинас, на этот раз жирный кусок отвалить должны. Знаешь?

— Давай, Пранук, работай! — изготовившись к подъему верши, хмыкнул старик. — Руками, а не языком действуй!

Оба перевесились через борт плоскодонки... Вода теплая, чайки налетели, кричат, кружат. Неподалеку пыхтит на холостых оборотах их бот. Лятукас, моторист, ну, прямо как на иголках: мечется, тянет шею, сам из себя выскочить хочет. Очень ему желательно знать, как там у них дела: ему главное — премия. Почти три сотни! Не шуточное дело. Словно с неба денежки валятся. Он двенадцатого июля старшую дочь замуж выдает. Усидишь тут...

Уже по одному тому, как тяжело шла верша со дна, стало ясно, что не пустую тянут.

Нормантас сверкнул зубами:

— Ну, Мартинас, кажись, твоя правда!

— Тяни, давай!..

Как немного надо человеку, чтобы почувствовал он себя счастливым, хотя бы на короткое время... Долго счастливым никто не бывает.

Счастье на крылах, несчастье на костылях... Кто это сказал? Неважно, кто, важно что...

Выбрали вершу из воды — чуть не полна! Вытряхнули в лодку — закопошились, извиваются под ногами зеленоватые канаты-угри, здоровые, крупные и помельче. Одни угри! Словно кто их силком напихал.

— Как там, мужики, есть? — орет с бота моторист: не видать ему издалека.

Обернулся Нормантас — рот до ушей, зубы сверкают, показывает Лятукасу большой палец — ноготь на нем что копыто: толстый, в мясо врос... Ого-го!..

Все три верши первой ловушки с добычей!

— Мастак у нас старик, а? В рубашке родился: как скажет, так оно и есть! — У Нормантаса зубы уже во рту не помещаются. Сияет весь... Это он Лятукасу орет — тот подвел бот, принял буксир, сейчас их к следующей ловушке потянет. А всего их семь. Если и в остальных столько возьмут, можно будет Марцинкусову звену подбросить — помочь ребятам план вытянуть... Во второй ловушке пожиже, но и тут кое-что имеется! А ведь нынче всю весну угрей негусто было.

— Сотню-то свою, пожалуй, уже взяли, а?! — ликует Лятукас: копошатся, поблескивают в лодке свадебные расходы — уже и дна не видать, одни угри.

Старик гордо вскидывает голову. Мол, знай наших!

— Везучий ты мужик, Мартинас! — орет Нормантас.

Вот и похвалил дурак день, вечера не дождавшись... А к добру ли?.. Только на этот раз старый Мартинас и сам промашку дал: охотно со словами парня согласился, распустил хвост:

— А чего мне, Пранас, не хватает? Чего недостает? Сына имею — будь здоров, сноху — первый сорт, внучка, и баба у меня не вредная... Годы мои, правда, вышли, но из рыбаков не выгнали, на пенсию не списали. Какого же мне еще рожна нужно? Все есть. Не жалуюсь. С докторами не знаюсь... Другого молодого, глядишь, еще за пояс заткну. Сам знаешь.

— Это точно, это как не знать, знаю!..

Хорошо начинался день... Эх, хорошо! Как последнюю вершу вытряхнули — плоскодонка так и села, борта лишь на пару ладоней над водой шли. Только посматривай, как бы угри через борт не зачали сигать.

Как разулыбался Нормантас в самом начале, так и сидел теперь на своей банке — щерился во весь рот... Осторожненько тянул Лятукас лодку к пристани, а Мартинас чувствовал себя героем: раскраснелся, стащил зюйдвестку, теплый ветерок сушит, перебирает седые волосы, слипшиеся от пота, ласкает худое, изборожденное мелкими морщинками лицо старого рыбака. Особенно много сбежалось их у глаз... Улыбаются глаза.

— Когда Данас-то твой в море уходит? — спросил Нормантас.

— Да скоро вроде.

— А сноха как?

— А что ей деется?

— Ну, это... Мужик все же... Муж. Как она — не против, что опять он в море-то?

— Это есть. Ворчит, конечно. Женщина... Ну, да что там — поворчит, поворчит да перестанет. А так она баба что надо. Хорошая у меня сноха. Это я тебе точно говорю: Кристе — хорошая сноха. Из воли у мужа не выходит. Как он хочет, так она и делает. А Данаса хлебом не корми — дай в дальнее плаванье уйти: не по нутру ему у бережка барахтаться.

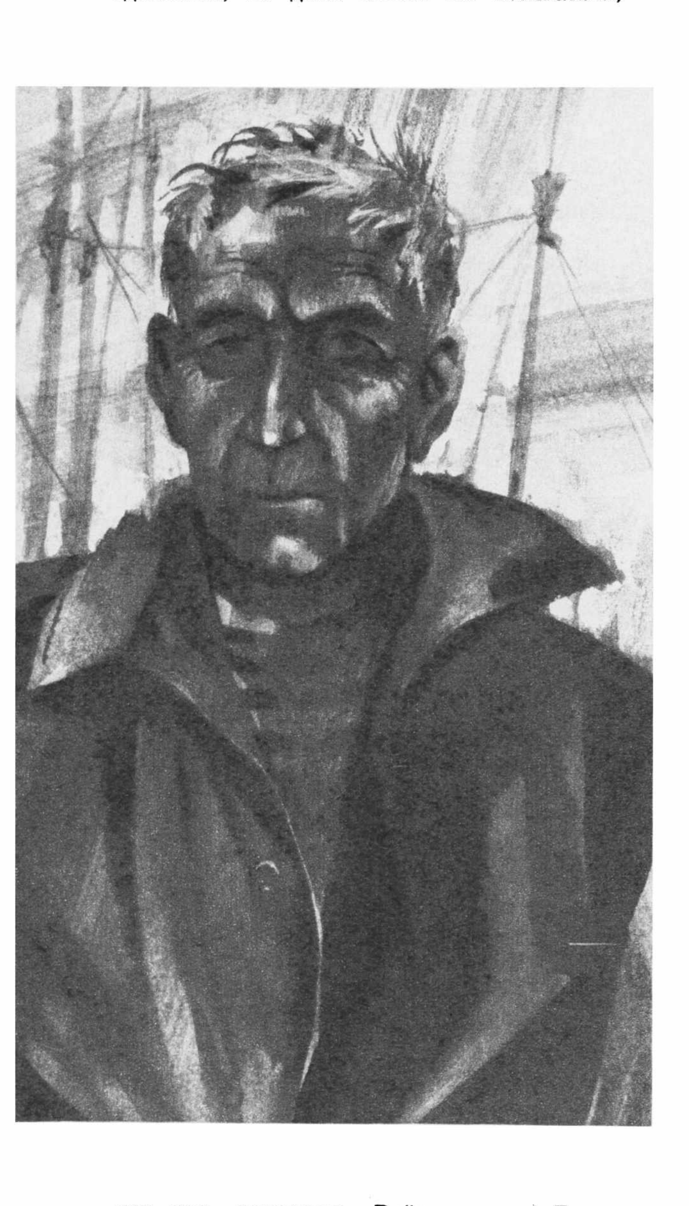
— Вот и я так считаю, что он не только из-за денег.

— Чего уж там, точно...

Кто это сказал: человек предполагает, а бог располагает? Или еще: дурак стреляет — бог пули носит? А пес его знает, кто сказал... Неважно. Важно, что верно сказал.

Стрелял старый Мартинас и не ведал, что совсем не туда, куда он целит, летели его пули...

Но пока все шло отлично. Дело к полудню. Полдня за спиною осталось, а квартальный план и премия — в кармане. Марцинкус с ребятами, у которых до плана девяноста килограммов не хватало и премия, можно сказать, накрывалась, воспрянули духом. Подбросили им недостающее. Ну, спасибо, мужики! Выручили. Вы — нам, мы — вам. Долг платежом красен. В другой раз и мы пригодимся... Обрадовался Марцин-

СНОХА СТАРОГО МАРТИНАСА

Рассказ

Викторас МИЛЮНАС

Рисунок В. КАРАСЕВА.

кус — давай, мол, мужики, все трое сразу ко мне. Такой день отметить надо. У нас уж никакой надежды не было, ясным огнем горели... А тут, пожалуйста, вам: премии на блюдечке! Так что давайте ко мне. Баба вас встретит, как наш директор гостей из Вильнюса! А чего ж? Это можно. Это дело не вредное. Непременно, мол, придем, ежели твоя нас метлой не погонит, примет как дорогих гостей... Только не корысти да не страха ради, как директор своих, а по дружбе...

Поспешал старый Мартинас домой, и радужные мысли, словно пчелы со взятком, в голове гудели: подумаешь, на седьмой десяток перешагнуло! Жить можно. Здоровье надо иметь и дело свое делать справно... Шестьдесят... Подумаешь! Главное — не сдаваться, от дела своего не отбиваться, как вон, например, Вайнаускас... Дырка у него, видите ли, в желудке... Может, никакой такой дырки вовсе и нету, задурили человеку голову, а он и поверил... Бывает. И его, Мартинаса, старого рыбака, уговаривали сразу после майских праздников на пенсию переходить. Иди, мол, какую-никакую сотню в месяц тебе положим. Явишься, значит, с книжечкой, чирк-чирк перышком — и получай на здоровье, заслужил, заработал, не жалко... Берешь это, значит, свою дармовую сотенную и заворачиваешь в магазин; себе — бутылочку, внучку — конфет шоколадных, бабе да снохе — тоже чего-нибудь, пусть знают твою доброту, пенсионер Мартинас!.. Ну нет! Не желаю я на берегу гнить, как тот дубовый баркас. Ведь что за баркас был! Идет — летит по воде, паруса под ветром трепещут, деревянный флажок на мачте далеко виден, в две краски крашен. Добротный баркас, дорогая вещь. Но пришел день — затарахтели по заливу боты — и не нужен стал баркас... Списали на пенсию. Вытащили на берег, дескать, хорошо поработал, отдыхай, старина, былые дни воспоминая... Поотдыхал пару лет — и сгнил. А ежели бы плавал, дело делал, так не скоро на дрова пошел бы. Подшпаклюют, просмолят, подкрасят... Нет, так скоро не сгнил бы!

А это кто сказал: без дела жить — только небо коптить? Никто не знает, кто сказал... Да и неважно. Главное — правильно сказал. Точно.

Такие-то вот мысли гудели у старого Мартинаса в голове, когда подходил он к своему дому. Толкнул легонько новую, свежеокрашенную темно-зеленой масляной краской калитку — вот и дома. Веселый вошел, всем довольный. Не знал еще, что его дома ждет... А ежели бы и знал... Никто не ведает, что его в следующую минуту ждет, потому-то и есть счастливые люди.

Распахнул дверь в кухню: Агне во дворе нету, значит, на кухне она. Но в кухне — пусто. Тогда, значит, в комнатах.

— Где это вы все пропали? — громко этак спросил.

Из двери, ведущей в комнату, высунула голову его Агне, растерянно поморгала белесыми ресницами, поправила выбившуюся из-под косынки седую прядь и затараторила:

— А, пришел! Ну и хорошо. Хорошо! В самый раз пришел. Иди-ка сюда скорее! — И снова скрылась в комнате.

— Чего это ты раскудахталась? Что тут у вас? — Старик стоял на пороге и недоуменно глядел на жену. Что это с ней? Всегда такая спокойная, рассудительная, а тут вдруг частит, в глазах метание. Непривычно.

— Иди, иди сюда!

В голосе ее звучали нотки нетерпения. Гм, интересно, что это ему сейчас покажут? Снова что-нибудь купила. Уж, верно, так. Женщине — хоть молодая будь, хоть старая, — а если приобрела что-то — уже событие, счастье!

В комнате, у окна, на новом диване сидела Кристина. Локтями в колени уперлась, лицо в ладони уронила. Мягкие темные волосы растрепаны, спутаны. Кофточка обтягивает плечи — виден завиток на затылке, нежная, белая шея, округлая спина. Что это с Кристиной? Вздрагивает... Мартинас разволновался. Опять плакала? Опять, значит... Успокаивается уже, только плечи вздрагивают. Дела... И Данас рядом стоит. Высокий, стройный, молодой. Нет в нем массивности, этакой мужской грузности — однако чувствуется: крепко парень сколочен. Волосы ежиком подстрижены, нижняя губа припечатывает верхнюю, торчит вперед упрямый раздвоенный подбородок — вылитый отец, когда было Мартинасу столько, сколько сейчас ему, Данасу. Завидев отца, сын кривовато усмехнулся, передернул плечом.

А мать снова рассыпала горох:

— Вот и хорошо, что пришел! Хорошо. Тут надобно порядок навести.

— Какой еще порядок? — нахмурился старик, и радужные мысли перестали гудеть в голове. И он снова спросил, потому что никто не удосужился ответить на его вопрос: — Что случилось, говорю?

И тут Кристина, словно она только и ждала этого вопроса, стремительно откинулась к спинке дивана и чуть не в крик бросила:

— Не могу я больше так, не могу, не могу!..

Красивая она, Кристина, сноха старого Мартинаса. Даже теперь, с распухшими от слез глазами, растрепанная, со злым, нет, не со злым, а с каким-то чужим, незнакомым лицом...

— Чего ты не можешь? — Старик все еще стоял на пороге, словно в карауле.

— Жить так не могу больше. Не могу, не могу!

— Как жить?

Только теперь взглянула она свекру в глаза. Несколько мгновений помолчала,

словно ждала: может, без слов поймет, почему не может она больше так жить. Но старик не понял. Тогда она, чуть сбавив тон, сказала:

— Одна! Он в свое море уходит, а я тут одна мучайся.

Агне не выдержала:

— А сын, а Гинтарелис?

— Мужа мне надо! Поймите, ради господа, мужа! Что это за жизнь? Поболтался дома один — два месяца и снова с глаз долой. На полгода, а то и поболе. Уплыл... и поминай как звали. Неужели непонятно?

— Так ведь работа у него... Зато зарабатывает-то как! — снова вступилась мать, защищая интересы сына. Всегда такая рассудительная, спокойная, но когда дело касалось ее ребенка — куда и девались все ее хваленые добродетели, готова была зубами защищать свою кровинку, родимое свое дитятко.

Кристина в ответ глухо хмыкнула — то ли усмехнулась, то ли рыдание подавила.

— Нужна мне эта куча денег, пропади они пропадом! — И, уткнув загоревшееся лицо в ладони, буркнула: — Сам он мне нужен, сам!

Тут Мартинас обратил внимание на листок, лежавший на столе.

— Получил уже? — повернул он голову к сыну.

Тот покусывал губу.

— Только что принесли.

— И когда же?

— Через три дня. В пятницу.

— А ты ж говорил — в середине июля!

— Я, что ли, корабли в плавание отправляю?

— Можешь не идти на этом?

— Я вообще могу не идти,— четко и размеренно, сдерживая накипающее раздражение, выкладывал Данас слова,— никто меня за это в тюрьму не посадит. Желающих полно! Другого на мое место найдут... Но я сам хочу плавать! — Он обогнул стол и остановился прямо напротив жены.— Ну, почему ты не желаешь понять меня? А, Кристе?

Кристина не ответила.

Мартинас внезапно ощутил усталость — ноги будто свинцом налились. Он сделал несколько шагов и опустился на стул у стола, на котором лежала телеграмма. Похлопал себя по карманам: черт его знает, куда это сигареты подевались? Попросил у сына. Закурил. Потом протянул руку, взял бланк с телеграммой и, прочитав ее, сказал:

— Хорошо...

И подумал: плохо, а не хорошо, чего это я тут ерунду горожу? Агне снова было раскрыла рот, но он махнул рукой: мол, помолчи...— Вот что, садитесь-ка все, садитесь. Поговорим спокойно, как люди. Агне, Данас! Слышите, что говорю? Сядьте! — подождал, пока жена и сын уселись. Хотел было похвастать: а мы план по угрю отхватили, но промолчал, знал, что сейчас им эта новость в одно ухо влетит, в другое вылетит: не тем голова занята... Молодые они, своя у них беда, и старик со своими успехами интересовал их не больше, чем прошлогодний снег.— Почему же ты не хочешь, Кристе, чтобы Данас в плавание ушел?

— Я же сказала.

— Почему все-таки?

— Потому, что не хочу! Сказала: не хочу одна жить.

— Одна? А родители мои?.. Гинтарелис? Не пускай в садик, дома держи!

Видимо, не в первый раз пытался образумить Данас жену этими доводами, поэтому прозвучали они бледно, основательно поостыли... Без горячности сказал:

— Наконец, у тебя и своя работа есть.

А Кристина в ответ снова чуть не криком:

— Да, да! Все у меня есть!

Мартинас спросил, хотя заранее знал ответ снохи:

— Хочешь, значит, чтобы дома Данас остался?

— Да!

— Ишь чего вдруг придумала...— ядовито протянула старуха.

— Неправда, не вдруг! — кинула ей злой взгляд невестка.— Данас-то знает, что не вдруг... Четвертый раз уходит. Я уже после первого просила: не оставляй меня одну, не покидай, Данас... Куда там, поплыл! Я беременной была — хоть такое напоминание, что есть у меня муж... А потом во второй раз уплыл, в третий... Было бы мне сорок, а не двадцать три...

Старый Мартинас подумал: мои-то, наверное, уже у Марцинкуса собрались, премию обмывают, а я тут черт знает чем занимаюсь... Скорей бы разобраться с этим делом и туда...

— Я тебя понимаю, Кристе,— покачал он головой и сам удивился: совсем не это хотел сказать, но мысли спутались, и с языка неожиданно сорвалось совсем другое... Однако слово не воробей...

Кристина оторопело уставилась на свекра, но в глазах ее постепенно загорался огонек надежды. Данас круто повернулся к отцу, вскочил со стула, будто шилом его кольнуло. Подошел вплотную, словно хотел за грудки взять и тряхнуть как следует.

— Мне море, как воздух, как хлеб, нужно! — прошипел в лицо отцу.

— А я? — бросила Кристина.— А если я тебе скажу, что ты мне, как воздух, как хлеб, нужен? Что тогда будет?

Данас ошарашенно молчал.

— Чего же молчишь? Тебя спрашивают, Данас,— сказал старик, давя в пепельнице большим пальцем окурок сигареты.

— Всегда ты за Кристе заступаешься, всегда ее сторону держишь! — упрекнула мать.

— А ты забыла, Агне, как молодой была? Кто меня в ту пору на берегу-то удерживал?

Старуха смутилась, почувствовала себя несколько неловко, заволновалась, но все-таки решила оправдаться:

— Тогда же все по-другому было. Кораблили плохонькие, да и заработки, разве как нынче?

Кристина ответила вместо старого Мартинаса:

— Я же сказала, что не нужна мне эта куча денег. Не хлебом единым жив человек!

— Ну, без денег-то тоже не проживешь,— не сдавалась свекровь.

— А что, на том море свет клином сошелся? Или у нас тут работы нет?

— Где? Какая тут работа? — бросился в наступление Данас, чувствуя поддержку матери.

— А рыбачить, как отец, не можешь? Меньше заработаешь, зато,— она подчеркнула это «зато»,— мужем и женой будем, семья будет... Не придется мне ждать да подушку по ночам грызть... Ты об этом не подумал?

Старый Мартинас глубоко вздохнул: очень ему нравилась сноха. Такой бабе цены нет! Чистое золото эта Кристина, подумалось ему... Да разве бы он?.. Что там говорить — похож Данас на отца, копия... Да только снаружи. Внутри он точно мать — спокойный, рассудительный... твердо усвоил правило: рыбка ищет, где глубже, человек — где лучше. А больше зарабатывать куда лучше, чем меньше...

— Чего молчишь? Тебя, Данас, спрашивают,— сказал отец.

— Так что ж это теперь, а? Должен я, значит, в бабью юбку вцепиться и барахтаться в заливе, как ты? Треску на крючке из моря дергать? Угрей в ловушки загонять? Разве у нас здесь плавают? Отвалили от бережка, он еще — вот он, а ты уже поворачивай назад, не ровен час — ветерок подует... Нет, отец. Что тебе годится — мне никак!

— А ты не плюй в колодец-то,— перебил отец, снова шаря по карманам в поисках сигарет, совсем забыл, что только недавно у сына брал.

— На,— протянул пачку Данас.

Отец закурил.

— Значит, ты целиком на ее стороне? — Сын стоял перед ним и ждал, чтобы отец как-то расплатился с ним за сигарету.

— Понимаю я ее,— протянул старик.

— А меня?.. Меня не понимаешь?!

Мартинас внимательно посмотрел на сына:

— А тебя нет... Или ты ей муж, или...

— Ты что? Совсем уж... Что ты, Мартинас! — ахнула старуха и прижала руку к груди, будто в сердце у нее закололо.

— Не рехнулся, не бойся. Но я понимаю Кристе.

— Ну, и понимай! Понимай! А мне на это плевать! — разошелся Данас. Он нахохлился и взъерошенный стоял перед отцом, как нашкодивший малец.— Океан мне нужен, тралы, тонны, дальние страны!..

— Разум тебе нужен!

— Не ты мне его вложишь!

— А почему не я? — Старик встал. Теперь они стояли носом к носу, как готовые к драке петухи,— одного роста, одной стати, только старый пошире, а молодой постройнее.

Кристина снова залилась слезами. Плечи ее затряслись. Сквозь стиснутые зубы сказала:

— Хорошо. Поступай, как знаешь... Только потом...— Она не договорила, что будет потом: рыдания помешали словам. Пробормотала что-то неясное, вскочила с дивана и метнулась в дверь.

— Кристе!

Оклик мужа не остановил ее. Хлопнула и кухонная дверь. В комнате повисла звенящая тишина, как после грозы.

— Дурак ты дураком, сынок,— покачивая головой, нарушил наконец эту гнетущую тишину Мартинас. Во рту стало горько от сигареты, он вмял ее в пепельницу.

— Почему это дурак? — встрепенулась мать, снова готовая в бой.

— Разве объяснишь глупцу, почему он глуп? — Отец выдохнул и снова опустился на стул. Сел и подумал: неужели не хватились меня у Марцинкуса? — Или не нужна она тебе? Хочешь, чтобы по плохой дорожке пошла? За примером-то не далеко ходить: вон Зосе у Клебавичюса...

На Данаса словно ушат холодной воды вылили, сразу остыл. Закусил губу, нахмурился и негромко, будто не отцу, а сам себе ответил:

— Кристе мне нужна.

— А нужна, так чего торчишь здесь, точно хвост приморозил?

Данас еще побарахтался в расставленной отцом сети.

— Ну, что я тут делать стану? Ведь работать надо... пни корчевать пойду? Канавы под водопровод рыть? Или вон в дом отдыха — картошку чистить?

— Рыбачить будешь.

— Так ведь у вас в звеньях полный комплект, а новых-то ботов в этом году не ждут.

— Говорю тебе — будешь рыбаком,— почти сердито ответил старик и снова начал хлопать себя по карманам.

— На вот,— протянул пачку Данас.

— Не хочу.

— Чего же ищешь-то?

— Не твоя забота! Нужна тебе Кристина? Так чего же торчишь здесь? Иди.

Кто сказал: свои собаки грызутся?.. Никто не знает, да это и неважно. Главное — правильно сказал...

Молодые-то, небось, обнимались уже, забившись куда-нибудь... Им что... Они как порох — скоро пышут, да скоро гаснут...

А старый Мартинас плелся по улице. Брел и не заметил, как миновал Марцинкусов двор. Только когда уже остался его дом далеко позади, вспомнил: разве не к Марцинкусу я, чтобы премию квартальную спрыснуть? Но даже не остановился. Ноги несли его дальше.

И уже возле конторы снова пришел ему на ум тот старый баркас. И подумалось: новые-то, моторные боты побыстрее ходят. Пора, значит, баркасу на берег.

И все-таки ему было жаль баркаса.

Авторизованный перевод с литовского Б. Залесской и Г. Герасимова.

А. Матисс. КРАСНАЯ КОМНАТА. 1908. Государственный Эрмитаж. Ленинград.

А. Матисс.

МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА. 1911

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Москва.

ФРУКТЫ И БРОНЗА. 1910.

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Москва.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Радио, телевидение, грамзапись открыли неограниченные возможности для приобщения миллионов людей к музыке. Как же практически используются средства музыкальной пропаганды для эстетического воспитания народа, особенно молодежи?

В конце прошлого года («Огонек» №№ 40, 51 и 52) наш журнал опубликовал несколько выступлений на эту тему. Признаться, мы даже не ожидали, что вызовут они такой широкий отклик. Каких только почтовых штемпелей нет на конвертах! Воинские части, села, рабочие поселки, столицы республик, города... Под одним письмом подписалась семья, под другим — группа рабочих цеха; пишут солдаты, студенты или просто друзья, которых объединяет любовь к музыке.

Особенно много читательских размышлений вызвали письма Валерия Чуприна и В. Вяткина, по мнению которых симфоническая музыка устарела, а большинство слушателей ходит на концерты из подражания. Главная же задача музыки, считают они, развлекать людей.

«Что же еще, по-вашему, человек должен получать от музыки?» — недоумевает Валерий Чуприн.

Ему ответили многие наши читатели. Письма мы печатаем с сокращениями.

ЧТО ЧЕЛОВЕК ПОЛУЧАЕТ ОТ МУЗЫКИ

...Хочется, чтобы молодежь поняла, какое счастье с ранних лет приблизиться в музыкальном и изобразительном искусстве к классике. Эта близость углубляет радостное восприятие жизни.

Для тех, кто воспринял красоту подлинного творчества в искусстве, не страшна «скука», о которой порой говорят молодые. Можно и нужно любить джаз и эстраду, но только «в меру», и не надо искать в халтурных подчас песенках «лечебного средства» для поднятия настроения, как пишет В. Вяткин. Ведь это равносильно воздействию рюмочки спиртного. Результаты не украсят «потребителя».

Пусть даже иногда человек ходит на симфонические концерты «из подражания», не разбираясь в музыке; настоящее искусство способно входить крупинками. Оно приводит слушателя в мир прекрасного, постепенно развивая вкус.

Помню, как на сэкономленные на студенческом обеде деньги мы атаковали галерку Большого театра или стоя в Колонном зале слушали Рахманинова, Скрябина... Каждая эпоха имеет бесценные сокровища в искусстве. Пусть молодежь изучает их!..

Ю. И. ВЕССЕЛИ, врач
Калуга.

Мне хочется возразить читателю В. Вяткину, утверждающему, что на концерты классической музыки люди ходят только из подражания. Классическая музыка, как и всякая другая, требует определенной душевной культуры. И то, что слушатели не могут передать словами смысла данного произведения, не означает, что оно не задело их душевные струны!

Я не умаляю достоинств эстрадной и джазовой музыки, но не надо идолопоклонства. Ведь и легкая музыка должна не только «поднимать настроение», но и пробуждать добрые чувства.

Вспомните романс Д. Шостаковича к кинофильму «Овод»! Сколько глубокого лиризма и человечности в этой мелодии! Как она увлекает и завораживает!

Василий ДАНИЛИН, рабочий Донецкого металлургического завода имени В. И. Ленина

Я не согласен с Валерием Чуприным: он пишет, что прошло время дум и сказаний, когда гусляр не развлекал людей, а передавал какое-нибудь важное событие в истории народа.

Нет, Валерий, вы не правы. Наш народ пережил очень много трагедий. Одной из них была Великая Отечественная война, которая принесла неисчислимые страдания. Многие советские композиторы глубоко отразили в музыке думы и переживания людей. Я часто вспоминаю 1943 год. Как-то вечером, после наступившего затишья, я заглянул в блиндаж. Один из приемников был настроен на Московскую радиостанцию. Впервые я услышал тогда «Вечер на рейде». Мы слушали эту песню Соловьева-Седого, и у всех нас на глазах были слезы, слезы радости и печали...

Дорогой Валерий, я привел этот пример для того, чтобы ответить на ваш вопрос: «Что должен получить человек от музыки?»

От музыки, от песни человек должен получить душевное наслаждение. Он проникнет в мир прекрасных звуков и мелодий, прочувствует их всем сердцем и осмыслит все доброе и светлое.

Юрий КРАТ
Червоноград,
Львовской области.

Почему мы сами не можем решить, какую нам музыку слушать? Я прошу редакцию «Огонька» дать слово молодежи. Ведь речь идет о ее интересах.

С уважением

Евгения МЯСНИКОВА, 18 лет
Бурятская АССР,
с. Большая речка.

Дорогая редакция! Раньше меня тоже увлекала «сверхмодная» музыка заграничных радиостанций. Я сидел перед приемником и ловил «заграницу». Потом стал искать свои песни. Именно свои, понятные миллионам людей. Песни, которые рассказывают о красоте русской природы, о величии русского человека...

Однажды я по привычке сидел и крутил приемник. Вдруг «Маяк» объявил, что будут передавать симфоническую музыку, и полились тихие, нежные звуки. Слушая их, казалось, что ты, как птица, то подымаешься высоко-высоко и плавно паришь над землей, то будто находишься в лесу и деревья доверяют тебе свои тайны...

Сейчас я служу в армии. Но и здесь с удовольствием слушаю музыку.

С горячим армейским приветом

Эдуард ХАСАНОВ

Мне 25 лет, я рабочий. Я удивляюсь, что бабушки и дедушки стремятся привить молодежи «правильные вкусы» в музыке. Наши радиостанции и так добрую часть своих программ используют для трансляции опер, симфоний...

Эстрадную музыку передают очень мало. Если и это сократить, молодежь будет слушать заграничные радиостанции. Может быть, вы считаете, что я не прав! А почему бы редакции не провести опрос с целью: какая, собственно, музыка нужна народу? И такой опрос лучше бы провести не у подъезда оперного театра, а на заводах, фабриках и широко узнать мнение рабочих, молодежи.

С уважением А. ПАПУШ
Новоазовский,
Донецкой области.

На каждом симфоническом концерте большинство в зале составляет молодежь. А ведь билеты приобретаются с большим трудом.

Во всех музыкальных учебных заведениях страны — а их очень много — ежегодно проводятся конкурсы для поступления. Это тоже указывает на большую тягу молодежи к серьезной музыке.

А В. Чуприна, который столь отрицательно относится к хорошей симфонии, можно только пожалеть. Это человек, лишенный многих радостей.

Ю. КИСЛЯК
Москва.

Я просто любитель музыки и живописи. Но мне стало жалко Валерия. Он беден душой. Он не видит и не слышит красоты, разлитой вокруг него. Признав симфоническую музыку скучной и утомительной, он заявляет, что «человек ищет в музыке развлечения». Подобное утверждение оскорбительно и для легкой музыки! Музыка утешает, музыка помогает переносить невзгоды, призывает к мужеству, даже к подвигу.

Н. КУЗОВЕНКОВА
Саранск,
Мордовская АССР.

Мне 19 лет. Служу около года в армии. Очень люблю музыку.

Некоторые читатели возмущаются, что мало внимания уделяется классической музыке, но мне это кажется закономерным. Ведь отказались же мы в архитектуре от классицизма и строим здания современные, легкие, радостные. А прекрасные здания 18—19-го веков сохраняем как памятники. Почему же в музыке должна преобладать классика? Некоторые говорят, что симфоническая музыка содержит мысли, размышления. А разве в эстрадной музыке нет таких «умственных» произведений?

Каждое поколение создавало свою музыку. Наше поколение тоже создает свою. Ведь музыка — это жизнь, радость, веселье, а все вместе — молодость!

С уважением

Александр КУЗЬМИН

Искусство будет жить вечно. Запомни это, Валерий. Эстрада то же искусство, а не прибежище для бесталанных. Музыку нужно знать и серьезную и легкую. Это — богатейшее наследство, доступное всем.

С уважением

Валерий ХАРЛАМОВ
Богородск,
Горьковская область.

В нашей семье мы все любим и классику и легкую музыку. В доме у нас много пластинок, мы посещаем концерты. Думается, все прекрасное действует сначала на слух, а потом на душу человека. Часто бывает, что сильное впечатление рождает желание больше узнать о жизни и творчестве музыканта, художника или певца.

Наш народ богат музыкальным и песенным наследством. Ему незачем идти на поводу у дешевки и безвкусицы. У нас целая плеяда замечательных композиторов, одаренных, талантливых исполнителей. Надо ценить это богатство и уметь пользоваться им.

Семья ЧУПИС
Харьков.

Человек ищет в музыке свое сокровенное. Музыка помогает жить, работать. И в том, какая музыка нужна, нельзя занимать крайние позиции. Главное — музыка нужна хорошая, а не эрзац. Музыка не только (и не столько) средство развлечения, сколько средство воспитания. Вероятно, даже в первую очередь. Вот этим критерием и нужно измерять всякое новое музыкальное произведение.

А чтобы классическую музыку не «ходили слушать просто из подражания», как думает В. Вяткин, нужно знакомство с ней начинать со школьной скамьи.

И. ДИДЕНКО
Кадиевка,
Луганской области.

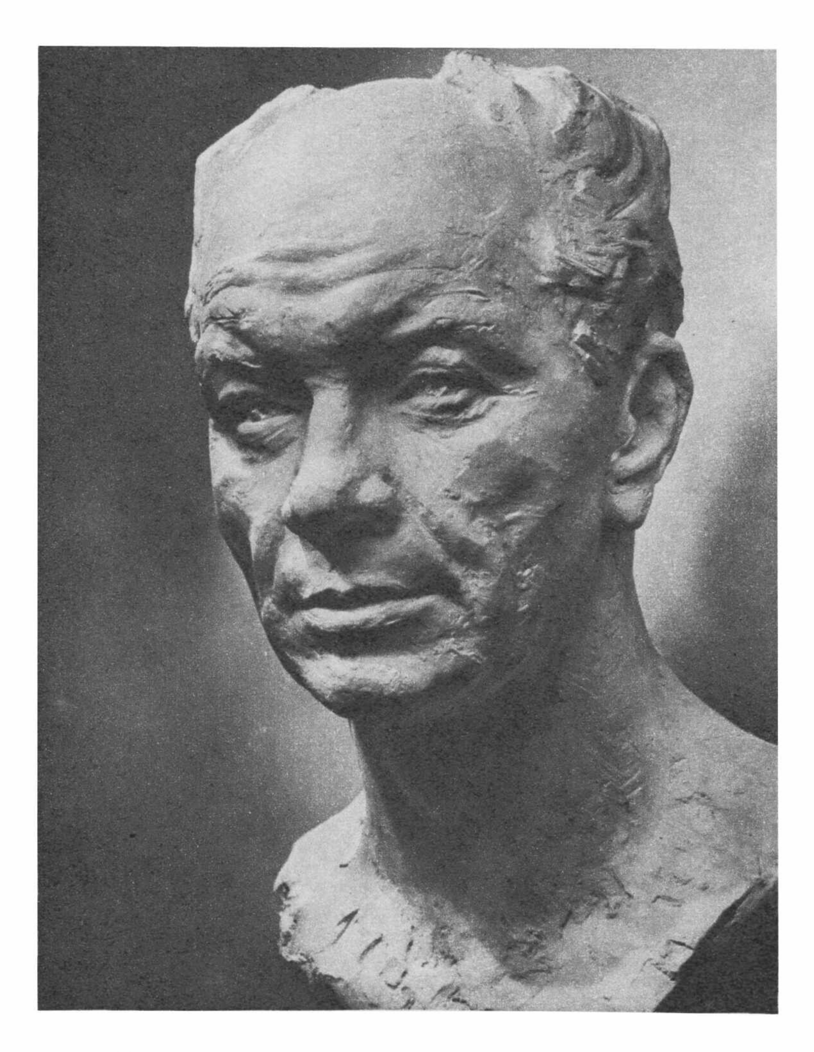

Идолопоклонники.

«Легкая» музыка.

Рисунки Ю. Черепанова.

Виктор Петрович Аманшин.

Герой Советского Союза Михаил Алексеевич Гурьянов.

Герой — рабочий человек

Ник. КРУЖКОВ

Скульптор Михаил Иванович Ласточкин — мой землян, калужанин. А калужское землячество крепкое: как только встретятся два земляка, тут и пойдут разговоры о калужских лесах и перелесках, о серебряной Оке в желтом окаймлении песков, о луговом приволье, о калужской старине, переберут по памяти общих знакомых — глядишь, и день прошел, и расставаться не хочется. Михаил Иванович сам с Полотняного Завода, от него до Калуги рукой подать, родился в деревне Булатово, с детства слыл лучшим учеником по рисованию, но живописцем не стал — увлекся объемным искусством, скульптурой, требующей не только художницкого понимания формы, но и навыков мастерового человека. А это по душе Ласточкину, по его вкусу.

У него в мастерской вы не найдете пустых подражаний, заполнена она народом сильным, крепко сшитым — кажется, что попали вы в заводской цех: главный герой Михаила Ласточкина — рабочий человек, ему он и посвящает все свое творчество.

Если задуматься над тем, что же характерного внес Ласточкин в трактовку образа рабочего, творца всех благ и ценностей, то это прежде всего показ духовного мира человека труда. Не грубая сила, не горы мускулов интересуют скульптора, а мысль, владеющая человеком, движение его души.

Я знаком с одним из героев портретной галереи Ласточкина — Виктором Петровичем Аманшиным, слесарем Калужского электромеханического завода. Это очень интересный человек, умница, великолепный и тонкий мастер своего дела, чье искусство известно всему городу. Он к тому же недюжинный художник-живописец, картины его неоднократно экспонировались на выставках самодеятельного искусства. Всматриваясь в портрет Аманшина работы Ласточкина, чувствуешь и понимаешь, как богат и сложен внутренний мир этого человека. Это новый рабочий, советский рабочий — труженик и хозяин. Лицо его тонко и изящно, лоб высок и крут, взгляд внимателен. Чуть приметная улыбка придает ему приятную ироничность, выдает склонность к доброй шутке. Печать интеллигентности лежит на всем его облике. Знакомство со скульптурным портретом Аманшина что-то очень важное добавило мне в понимании его натуры. Я смотрю на скульптуру и своими глазами и глазами Ласточкина, становясь от этого зорче. Значит, это хорошая работа. Значит, художник вложил в нее не только мастерство, но и часть души своей. Значит, он не просто лепил портрет, а делал это с любовью к своему герою. Ибо только полюбив человека, можно познать его внутренний мир. Увидел я в галерее скульптурных портретов Ласточкина человека, известного мне с юношеских лет — Василия Павловича Акимова, старого большевика-калужанина, члена партии с 1915 года. Сказать, что он предстал передо мной, как живой, недостаточно. Фотографическое сходство далеко не всегда исчерпывает внутреннюю сущность человека. Как будто и похож человек, а всмотришься, чего-то не хватает. А это «что-то» и есть, пожалуй, самое главное.

Все, что знаю об Акимове, я отбросил, силясь смотреть на него, как на совершенного незнакомца. Немолодой, но еще далеко не слабый человек, проживший большую жизнь, много видевший, много испытавший, умеющий разбираться в людях, полный внутренней силы, соединенной с добротой. На его лице, может быть, некоторая усталость, но она подавляется энергичностью всей натуры.

Да, ведь таков и есть Василий Павлович Акимов, художник ни в чем не ошибся, создавая его портрет. Самое главное — не ошибся во внутренней характеристике своего героя.

Всякий, кто посмотрит на эту скульптуру, скажет: вот старый большевик!

Не знал я знаменитого калужского партизана Михаила Гурьянова, я увидел его впервые в скульптуре Ласточкина. Вся фигура Гурьянова, наводившего ужас на немцев, дышит силой, мужеством, страстью к борьбе. Гурьянов погиб, но память о нем жива вечно.

И все говорят, кто знал Гурьянова, что скульптор Ласточкин создал его таким, каким он был в жизни. Но сила скульптуры не только в этом. В образе Гурьянова запечатлены черты великого народа-воина, ставшего на защиту Отечества.

Михаил Иванович Ласточкин создал целую галерею людей труда. Он много и долго работал в Воскресенске на химическом комбинате, в Коломне на тепловозостроительном заводе. Он, выбирая натуру, не полагался только на себя — ее отбирали для скульптора на рабочих собраниях. И шумели, и спорили, и обсуждали каждого.

Скульптор был доволен. Народ подобрался действительно превосходный. К тому же были модели терпеливы и послушны, являлись на сеансы точно в указанное время, сообразуясь не только со своей охотой: как же, ведь коллектив выбрал, коллектив поручил.

На выставке в Коломне старый производственник Михаил Михайлович Моргунов, ветеран труда, в прошлом путиловский рабочий, сказал:

— О своем портрете говорить боюсь, но товарищи считают, что похож. И другие похожи, это уж мое мнение, и не только внешностью, но и изнутри, по характеру. Для меня скульптура сильнее доходит, чем живопись. В общем, большое Ласточкину спасибо,— по-нашему, по-рабочему трудился человек, с душой...

Поделился со мной Михаил Иванович Ласточкин своей мечтой:

— Всюду на нашей земле живут хорошие, славные люди, куда ни приедешь, но почему-то мои калужские земляки мне милей всего. Вот я и хочу лучших своих калужан, героев войны и труда, изобразить в скульптуре. И чтобы в Калуге все могли их видеть — пусть стояли бы на улицах в своем городе свои герои. И мне лестно: как-никак и я калужанин, от родной земли не отвык.

— А хватит ли сил, Михаил Иванович?

— Должно хватить,— заметил он решительно...

Действительно, земля родная обладает для человека удивительным свойством — умножает его силы, раскрывает в нем еще не раскрытое, делает восприятие жизни светлым, радостным. И оторваться от нее невозможно.

Члены жюри — объективные судьи, но не равнодушные зрители.

Триумф грации и мастерства

О. САХАРОВА

Фото Е. УМНОВА.

Убраны с колонн Большого театра государственные флаги девятнадцати стран, приславших на Первый международный конкурс артистов балета в Москве лучших молодых танцовщиков. Мы знаем, что золотыми лауреатами среди солистов стали советские танцовщики Малика Сабирова и Михаил Барышников. Золотые медали получили две пары: советская — Юрий Владимиров и Нина Сорокина и французская — Франческа Зюмбо и Патрис Барт. Кубинка Лойпа Араухо, американец Хельги Томассон и японец Хидео Фукагава удостоены серебряных медалей.

Дожидаясь этих сведений, до поздней ночи стояла толпа около Большого театра; не только родные и друзья, но и поклонники тех, кто участвовал в конкурсе, ждали последнего, решающего слова жюри. В тот день, ставший кульминационным моментом волнующего соревнования молодого балета, на сцене снова торжествующе воцарилась классика. Опять и опять звучала волнующая, светлая музыка П. И. Чайковского, трогательная и наивная — Адана, жизнерадостная, искрометная — Минкуса...

Экзамен классикой — не только испытание профессиональной выученности танцовщика, его актерского дарования. Это прежде всего выявление человеческой сущности исполнителя, раскрытие его душевного мира.

Последний конкурсный день подтвердил, что в Москве выступали представители поистине большого искусства. Жизнеутверждающее творчество Малики Сабировой и Михаила Барышникова, Нины Сорокиной и Юрия Владимирова, темпераментный, благородный стиль исполнения французских актеров Франчески Зюмбо и Патриса Барта, продемонстрировавших высший уровень балетного профессионализма, еще раз доказали, что молодость классического балета неувядаема.

Удивительно целомудренная, чистая хореография Вайнонена дала возможность молодым ленинградцам Людмиле Семеняке и Николаю Ковмиру, завоевавшим бронзовые медали, раскрыть одухотворенность, жизнеутверждающую силу бессмертного «Щелкунчика». Безусловно, о молодой балерине Семеняке еще нельзя говорить как о сложившемся мастере балета; Людмила учится только еще в 7-м классе Ленинградского хореографического училища. Но то, как она заявила о себе на конкурсе, позволяет надеяться, что в будущем мы не раз встретимся с интересной балериной; очень музыкальная, грациозная, она покоряет зал. У шестнадцатилетней танцовщицы ясно прослеживается дар, без которого невозможно становление балерины: душевная мягкость и артистизм, чувство красоты.

Когда я спросила у Нины Викторовны Беликовой, педагога Л. Семеняки, какое качество она считает самым ценным в Люде, как будущей профессиональной балерине, она, не задумываясь, ответила: «Волю. Люда очень собранная девочка. В ее возрасте это редкое качество».

Триумфом ленинградского балета стало выступление на конкурсе Михаила Барышникова. Благородство его актерской манеры, которая, кстати сказать, отличает и других молодых танцовщиков, Е. Косменко и А. Богатырева, получивших третью премию,— высокий, мягкий прыжок, прекрасный шаг,— с первого же тура заставили говорить о нем, как о претенденте на золотую медаль лауреата. «Настоящий классический танцовщик!» — такой единодушной оценки удостаивается редкий актер. Но выступление Михаила на втором туре в современной программе стало открытием. Он исполнил хореографическую миниатюру Л. Якобсона «Вестрис», раскрыв настолько интересно, многогранно образ гениального французского хореографа XVIII века, что даже для тех, кто ничего не знал о Вестрисе, стала ясна незаурядность артистической натуры героя.

Соединение таких имен, как Вестрис, Якобсон и Барышников, в хореографической миниатюре не случайно. Поставив танец специально для М. Барышникова, балетмейстер Л. Якобсон еще раз продемонстрировал свое умение «увидеть» актера. Молодой солист Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова, признанный до сих пор лишь как прекрасный танцовщик, М. Барышников вдруг открылся и как талантливый драматический актер. «Вестрис» — удача не только Л. Якобсона и М. Барышникова. Эта постановка еще и еще раз дала почувствовать, как много может сказать людям танец, если в его основе лежит не просто «движенческая» фантазия, а синтез хореографии, музыки и четкой смысловой основы, глубокого содержания.

Современная хореография... Что же является сегодня ее питательной средой? В каких взаимоотношениях находится она с музыкой и сюжетом, теснейшая взаимосвязь которых и рождает балет? Какова роль исполнителя на балетной сцене середины XX века?.. Крупнейшие балетмейстеры, ведущие танцовщики, известные критики обсуждали эти вопросы не только на двухдневной конференции. Горячие диспуты разгорались тут же, в театре, сразу после просмотров... Особенно богат был ими второй тур, где впервые участники показывали, кроме классических вариаций и па-де-де, работы балетмейстеров — наших современников.

К сожалению, современная программа некоторых танцовщиков оставляет примерно то же ощущение, что хорошо составленная... шарада. С интересом следишь за отдельными неожиданными движениями, поражаешься технической виртуозности актеров и пытаешься — часто тщетно — разгадать: а что же, собственно, все это должно обозначать?!. Правда, сейчас порой «считается» как-то «не модно», чтобы все происходящее на сцене было понятно людям. Но ведь зрители-то все равно всегда — пусть в глубине души — хотят искусства понятного!

На практике «сверхусложненность» балета часто приводит к торжеству полной, казалось бы, противоположности. Приводит к примитиву. Чем иначе можно объяснить, к примеру, ту «кибернетическую» музыку, напоминающую

Молодой ленинградский танцовщик Михаил Барышников (первая премия) танцует хореографическую миниатюру «Вестрис» (балетмейстер Л. Якобсон).

Золотыми лауреатами стали французские артисты Франческа Зюмбо и Патрис Барт.

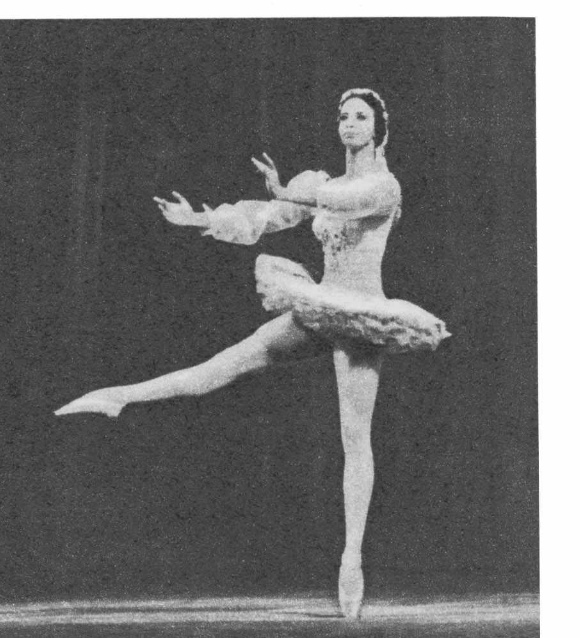
скрип автомобильных тормозов, какую выбрал для своего балета Руди Ван Данциг, балетмейстер из Нидерландов. Ведь никто не станет всерьез утверждать, что этот «скрежет» способен выразить высший строй человеческих чувств. А в данном случае музыке вполне соответствовало и пластическое решение дуэта: конвульсивные движения танцовщиков, их застывшие лица... Номер назывался: «Дуэт из балета «Памятник погибшему юноше». Но конкретное название никак себя не оправдывало. И о нем забываешь тем легче, чем абстрактней раскрывается тема. Лейтмотив танца, правда, ясен — это страх, ужас... Но чего боятся эти двое — своих ли страстей, которые то заставляют танцовщика в ужасе отшатнуться от балерины, то снова влекут их друг к другу, или некоей абстрактной жестокости, нависшей над ними... Об этом зрителю остается лишь гадать.

Впрочем, были и такие номера, которые даже не претендовали на осмысление. Блестящая кубинская балерина Лойпа Араухо и ее партнер Хорхе Эскивель в качестве современного номера выбрали па-де-де, поставленное балетмейстером М. Бежаром на музыку композитора Веберна. Названия нет, кроме номера опуса сочинений композитора. Впрочем, это, по-видимому, не обязательно, да и криминала в этом, конечно, никакого нет. Но поражает, что балетмейстер берет на вооружение такие движения, которые, безусловно, были известны и раньше, но отвергались как элементарно неэстетичные. И когда видишь, сколько сил отдают прекрасные танцовщики — Лойпа Араухо, Франческа Зюмбо, Патрис Барт,— танцуя произведения М. Бежара, становится обидно за больших, талантливых актеров, растрачивающих свое дарование на искусство, пусть интригующее, но не трогающее людей.

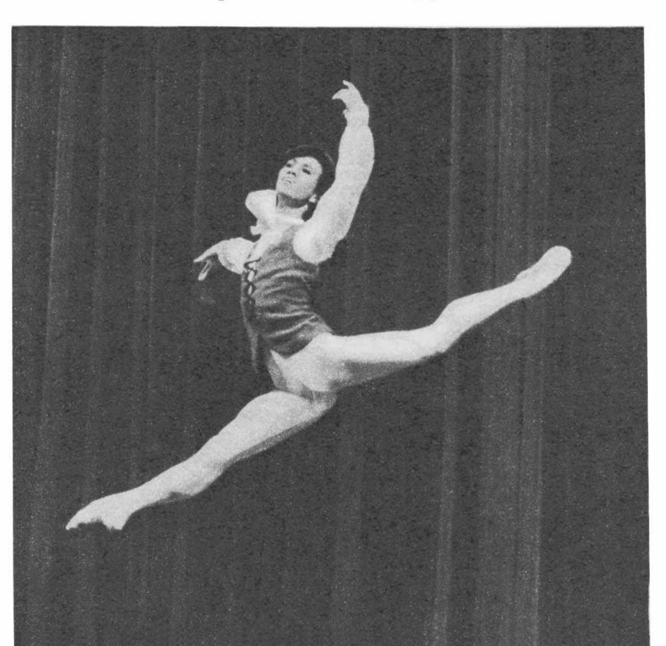
И спрашиваешь себя: неужели иссяк запас красивых движений человеческого тела, выражающих не обреченность и не эротическую озабоченность, а радость жизни, подлинную глубину человеческих страданий, пафос борьбы и победы человека?.. К огромной радости всех, кому дорог балет, это предположение было опрокинуто, когда на сцене, залитой светом, появились Л. Семеняка и Н. Ковмир, уже упомянутые мною. Юная пара из Ленинграда озорно, радостно исполнила композицию студента Ленинградской консерватории Г. Майорова «Мы».

Прекрасную картину всегда изменчивого, всегда прекрасного моря показали танцовщики из ГДР Ханнелоре Бей и Роланд Гавлик;

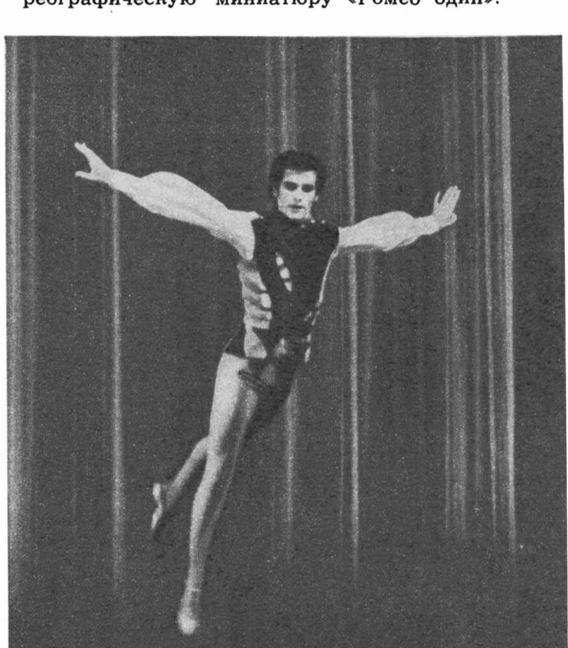
Темперамент, великолепное владение техникой танца помогли кубинской балерине Лойпе Араухо занять второе место.

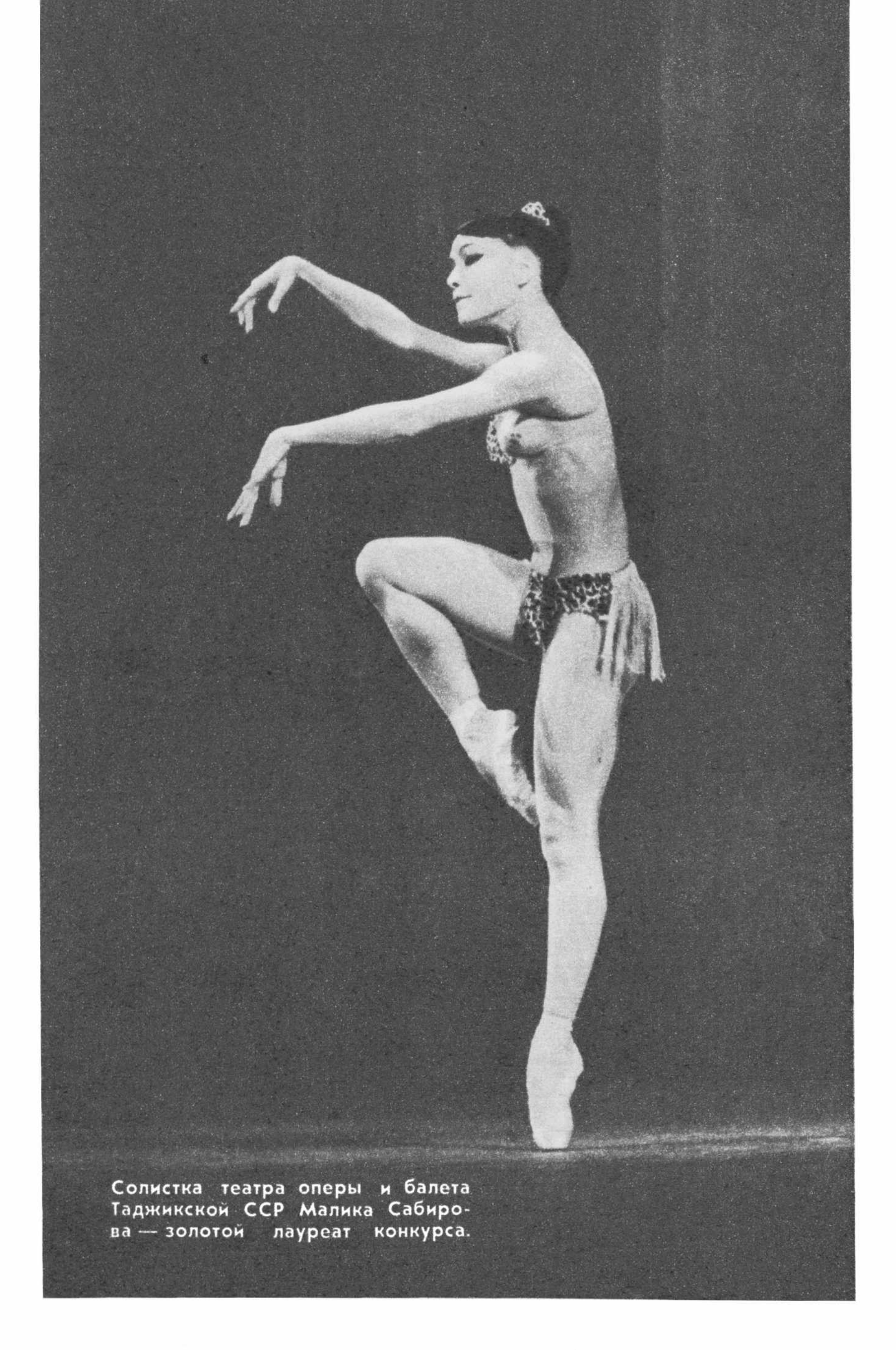

«Летающий» Фукагава — этот эпитет как нельзя более точно определяет мастерство японского танцовщика, занявшего второе место на конкурсе.

Танцовщик из США Хельги Томассон, получивший серебряную медаль, исполняет хореографическую миниатюру «Ромео один».

Солистка театра оперы и балета Таджикской ССР Малика Сабирова — золотой лауреат конкурса.

Первое место среди дуэтов заняли советские артисты Нина Сорокина и Юрий Владимиров.

балетмейстер Том Шиллинг творчески интересно использовал для этой своей работы музыку Дебюсси.

Спартак... Сколько раз уже он возрождался на балетной сцене! На конкурсе мы увидели па-де-де из балета, поставленного молодым венгерским балетмейстером Л. Шереги на музыку А. Хачатуряна. Но и по этому небольшому отрывку можно было судить о новом, глубоком решении всегда актуальной темы борьбы человека за свою свободу. Современными выразительными средствами Шереги сумел как бы материализовать полную драматического напряжения музыку; Спартак и Фригия не просто символы любящих и страдающих людей, а герои, борцы. Причем Фригия здесь не только верная подруга Спартака, она его сподвижница, в какой-то мере даже вдохновительница. Новаторское пластическое решение этих образов делает их близкими нашей современности, нашим стремлениям и чаяниям. Здесь нет ни излишней декоративности, ни усложненности. Каждое движение оправданно, позволяя исполнителям — Марии Аради и Имре Доже — подчинить свое мастерство образной выразительности.

Мария Аради, получившая на конкурсе поощрительную премию, сказала мне:

— В наше время танцовщику нельзя танцевать только классику или только современный танец. Мы должны уметь и то и другое. Я четыре года танцевала в Печском театре, где ставятся только балеты-модерн. Но та школа, которую я получила во время стажировки в Москве,— причем школа не только профессиональная, но и актерская — стала для меня основой. И теперь, работая в Будапештском театре оперы и балета над партиями классического и современного репертуара, я испытываю глубокую благодарность к прекрасному педагогу Елене Георгиевне Чхеквадзе. Она научила меня быть не просто танцовщицей, научила быть актрисой танца — балериной.

...Закончился конкурс. Старые и новые московские друзья провожают домой молодых танцоров из Токио, Ленинграда, Парижа, Будапешта, Гаваны... Быть может, теперь они встретятся только через четыре года, на будущем конкурсе, а может быть, и раньше — во время гастролей.

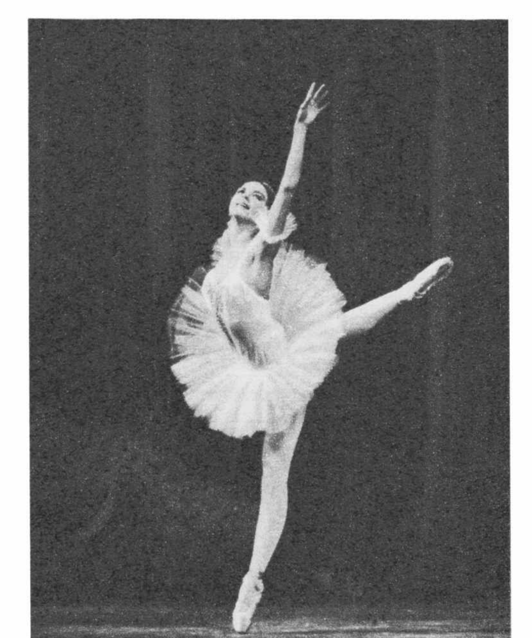
— Сцена Большого — это остров мечты для каждого артиста балета. И мы всегда будем стремиться достичь его,— сказала на прощание Мария Аради.

Мы будем рады вновь встретиться с вами, друзья! До встречи!

Молодые японские танцовщики Юкико Ясуда и Дзюн Танака — бронзовые медали — покорили зрителей легкостью и изяществом исполнения.

Самая молодая участница конкурса Людмила Семеняка завоевала бронзовую лауреатскую медаль.

Па-де-де из балета «Спартак» в постановке Ласло Шереги исполняют венгерские артисты Мария Аради и Имре Дожа.

АМАТА - 69

Когда речка Амата, незаметная летом, бурно разливается с приходом весны, на ее берега устремляются десятки тысяч людей. Жители Риги и близлежащих городков собираются на 87-м километре по дороге на Псков для того, чтобы полюбоваться азартным зрелищем водного слалома. Гребцы на байдарках, катамаранах, плотах и резиновых лодках мчатся по быстрой, порожистой реке, преодолевая на своем пути естественные и искусственные препятствия — ворота, расставленные таким образом, что спортсменам приходится плыть против бурного течения.

Лишь самым опытным и сильным удается преодолеть дистанцию, но сухими из воды Аматы никто не выходит. В этом вы можете убедиться, познакомившись со снимками, опубликованными на последней странице обложки.

Л. Бородулин

ВСЕ ПО ДОМАМ.

Памяти Николая Рыленкова

Умер Николай Рыленков, прекрасный русский поэт. Все его творчество неразрывно связано с родным народом, из среды которого он вышел. В своей автобиографии «Страницы жизни», написанной пять лет назад, поэт говорил:

«Я по-прежнему много пишу о природе, но природа для меня — зеркало, в котором отражается душа человека со всеми его мечтами и заботами, радостями и печалями. Я написал немало книг, но не сказал в них и сотой доли того, что хотел бы сказать о своем неповторимом времени, о людях, которые встречались на моем пути».

Стихи Н. Рыленкова звонки, напевны, трогательны; от них пахнет луговыми травами, спелой рожью, духом молодых листьев. Он тонко понимал вкус слова, его звучание, его весомость. Самому себе он говорил:

Умей слова ценить, как семена,
Чтоб не посеять тощего зерна,
Чтоб васильки не заглушили
злаков.

Поэтичная земля Смоленщины питала его своими животворными соками. Деревня Алексеевна, Рославльского уезда, где родился поэт, расположилась у края дремучих лесов. С самых ранних лет крестьянский сын Николай Рыленков знал нелегкий труд, слышал мудрое слово стариков сказочников, постигал вечную красоту леса, пажитей, внимал жужжанью пчелы, звону жаворонков, тетеревиному токованью, серебряной песне лесного ручья.

Вот и рождались у поэта нежные строчки:

Живым текучим серебром
Дожди июльские прольются,
Ладони вытянув, как блюдца,
Пойдем в поля, встречая гром,
Где ржи густые за бугром
Под тяжестью колосьев гнутся.

В Великую Отечественную войну Николай Рыленков добровольцем ушел на фронт, командовал взводом в саперном батальоне. По ночам писал стихи, укрывшись в какой-нибудь полуразрушенной землянке.

В дни войны, как он рассказывал сам о себе, «но мне как бы само собой пришло все то, к чему я давно стремился и что считаю главным в поэзии,— полное и органическое слияние личных и общественных мотивов, современности и истории». Его сборники «Синее вино», «Прощанье с юностью», поэма «Апрель» — живые свидетельства того, как крепчал голос поэта, набирая силу, как в его творчестве находили все больший размах темы широкого общественного звучания.

Он любил, тонко понимал и чувствовал родную историю. Блоковское «На поле Куликовом» он не мог читать без глубокого душевного волнения. Его давнишним желанием было заново перевести бессмертное «Слово о полку Игореве». Перевод Николая Рыленкова стал крупным вкладом в историю русской литературы, ибо был сделан с превеликой любовью и благоговением.

Смерть рано подкралась к нему. Еще бы жить и жить, творить и работать, радуя людей.

У поэта в сборнике «Снежница» есть запоминающиеся строчки:

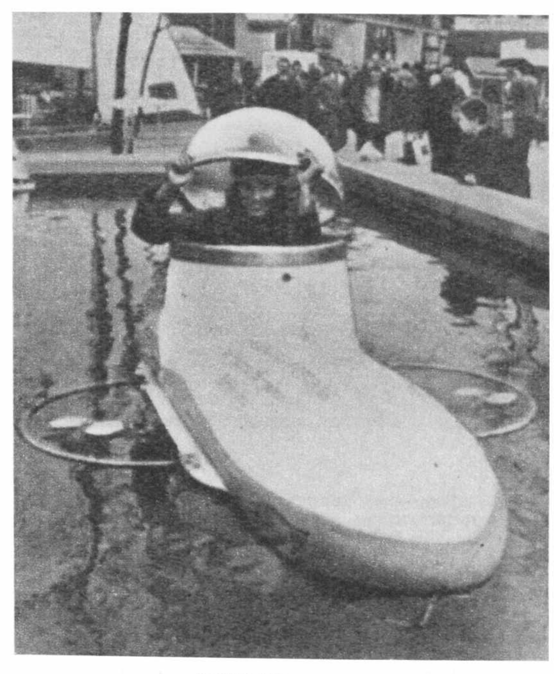
Кто говорит, что короток наш век?
Неправда, мы живем тысячелетья,
С тех пор, как высек искру человек,
И мы за все, что создал он, в
ответе.

Яркую искру высек Николай Рыленков.

И жить ему в памяти народной.

Ник. НИКОЛАЕВ

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

ОДНОМЕСТНАЯ ПОДЛОДКА

На международной выставке в Мюнхене демонстрировалась одноместная подводная лодка, сделанная из синтетического материала. Лодка погружается на глубину до 50 метров и может находиться под водой 5 часов.

ЗОНТ ИЛИ ТРОСТЬ?

Ни то, ни другое. Перед вами на снимке скрипка. Этот музыкальный инструмент XVII века был недавно обнаружен в одном из сел Тироля.

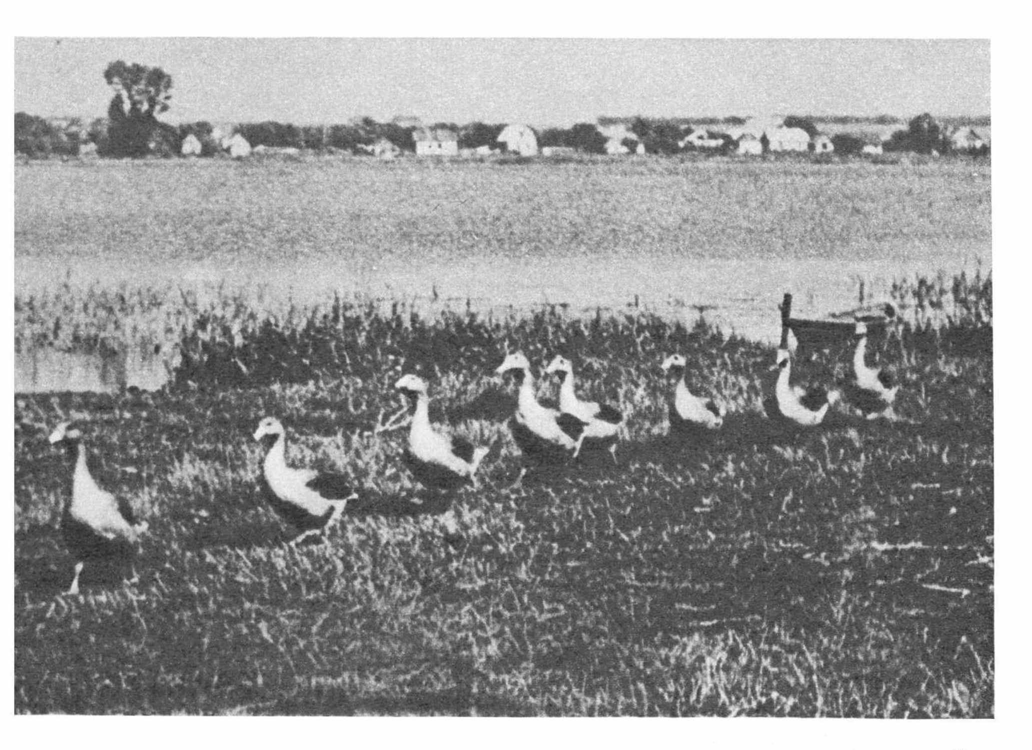
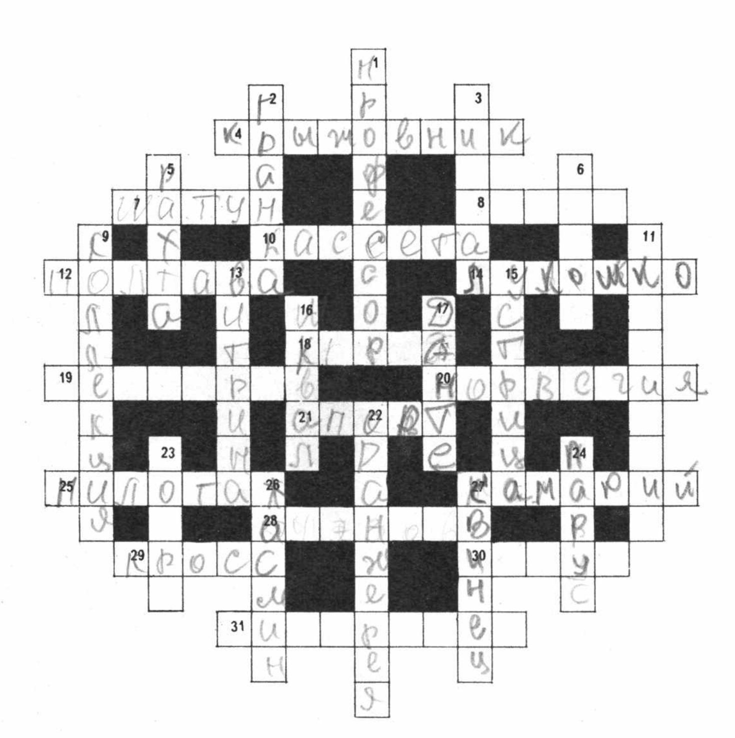

Фото М. Гопника. Киев.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Ягоды. 7. Деталь кривошипного механизма. 8. Приток Иртыша. 10. Футляр для фотографической пленки. 12. Поэма А. С. Пушкина. 14. Корзинка из лубка или прутьев. 18. Созвездие южного полушария неба. 19. Советский конструктор стрелкового оружия. 20. Государство на Скандинавском полуострове. 21. Сорт яблок. 25. Искусство управления самолетом. 27. Химический элемент. 28. Азербайджанский писатель-демократ. 29. Состязания в беге. 30. Река на Украине. 31. Русский естествоиспытатель.

По вертикали: 1. Ученое звание. 2. Столбец типографского набора. 3. Сельдяной кит. 5. Дежурство на корабле. 6. Курорт в Швейцарии. 9. Собрание однородных предметов. 11. Книжный знак, ярлык. 13. Место для рекламы товаров. 15. Морской моллюск. 16. Резкий, сильный порыв ветра. 17. Итальянский поэт. 22. Помещение для разведения растений. 23. Узбекский и таджикский бубен. 24. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 26. Кустарник с белыми цветками. 27. Металл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали: 4. Спартакиада. 7. Титовка. 9. Австрия. 11. Анкер. 13. «Орленок». 14. «Обломов». 17. Лекок. 19. Гамак. 20. Ротор. 21. Арлекин. 23. Токарев. 24. «Норма». 25. Гирлянда. 27. «Лебедянь». 28. Буревестник.

По вертикали: 1. Калина. 2. Магницкий. 3. Калька. 5. Онтарио. 6. Моркока. 8. Континент. 10. Вольтметр. 11. Аккордеон. 12. Рокировка. 15. Дендрарий. 16. Лангеланн. 18. Краковяк. 19. Геркулес. 22. Меркурьев. 26. «Аврора». 27. Латунь.

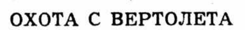
На первой странице обложки: Студентка Московского государственного музыкального училища имени Гнесиных Валентина Манина.

Фото А. Кулешова.

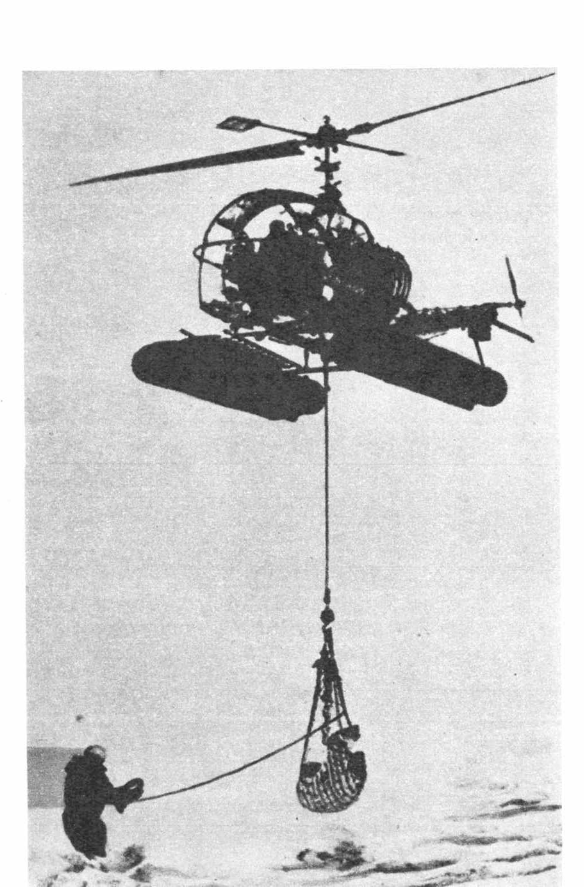
ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Подобные этому снимки хранятся в альбоме американца Гарри Фробоса — дублера, заменяющего актера при съемках опасных для жизни сцен. Во время прыжка, который изображен на фото, оба исполнителя — артист и лошадь — не получили ни одной царапины.

ОХОТА С ВЕРТОЛЕТА

Вот уже несколько лет американский биолог Джек Лентфер охотится на белых медведей с вертолета. Обнаружив зверя, он усыпляет его стрелой, смоченной быстродействующим снотворным, затем, опустившись на землю, измеряет величину животного, прикрепляет метку с номером и другими данными и отпускает с миром.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00365. Сдано в набор 10/VI-69 г. Подписано к печ. 24/VI-69 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1010. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 1760.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

1

Фото Анатолия БОЧИНИНА.

СТОКГОЛЬМСКИЕ ПЕШЕХОДЫ

Столица Швеции (фото 1). Город узких старинных улочек и широко раскинувшихся современных кварталов. Город, в котором забитые транспортом магистрали то и дело пересекаются не менее оживленными водными артериями. И идет по тротуарам, перекресткам и мостам нескончаемый поток пешеходов. О них этот фоторепортаж.

Правила уличного движения здесь довольно строгие, но когда торопишься, то порой перебегаешь улицу и на красный свет (фото 2). Если у тебя не много свободного времени или просто не хватает денег на кафе, то можно перекусить и вот так, воспользовавшись услугами старого уличного повара, торгующего сосисками (фото 3).

В Стокгольме нельзя ступить и шагу, чтобы не натолкнуться на собаку. Их здесь действительно любят. Все они ухожены, не бегают без присмотра. Четвероногие существа как бы дополняют внешний облик своих владельцев (фото 4 и 5).

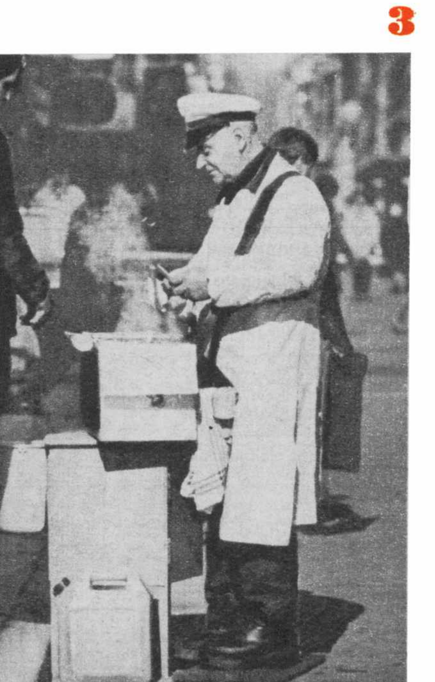
Какая городская улица обойдется без мальчишек-сорванцов и девчонок-задир! Вот они стоят тихо-мирно — возможно, потому, что руки заняты мороженым (фото 6), а эти двое уже сцепились между собой (фото 7). Еще один представитель мальчишечьего племени. Сразу видно, что он постоянно бывает на американских фильмах о разудалой ковбойской и гангстерской жизни. Что будет с ним, когда он подрастет? Облетит с него вся эта мишура или уже станет частью его натуры (фото 8)? Может быть, эти ребята, которые на несколько лет старше маленького стокгольмского ковбоя, сами начинали с таких же игрушечных нарядов? Сегодня вид у них тоже весьма экзотический, но они стараются показать, что все это не только форма, что за ней кроется и не менее оригинальное содержание (фото 9).

А этих пешеходов можно видеть, как правило, на скамейках стокгольмских скверов (фото 10 и 11).

В. Н.

2

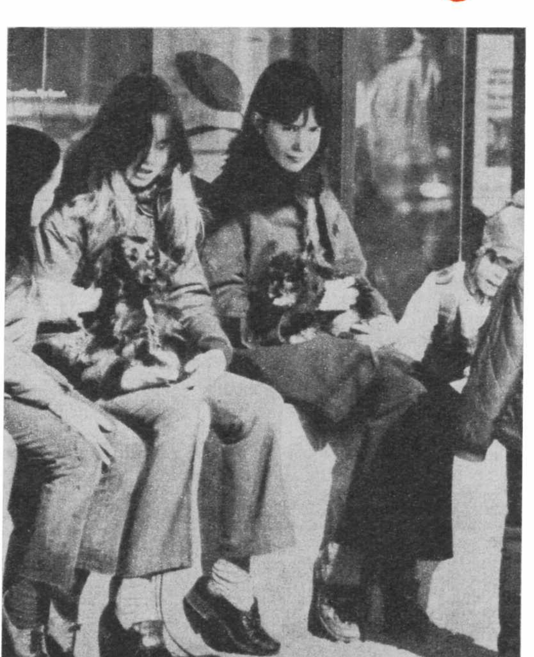
3

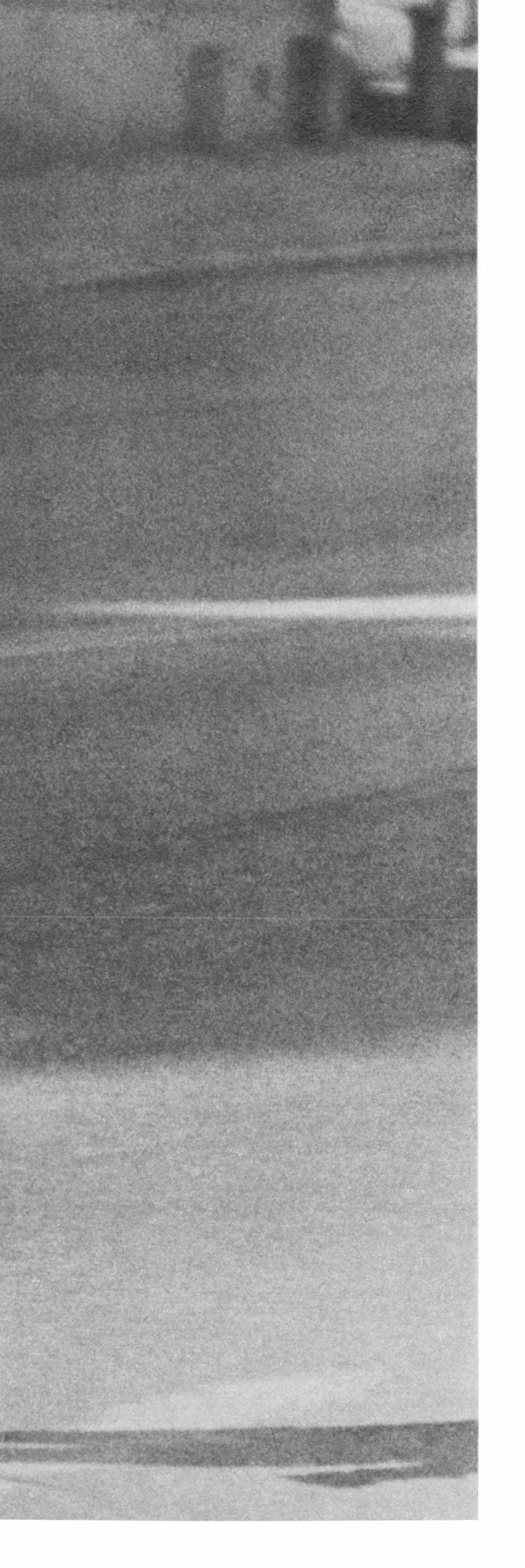
6 7 4

5

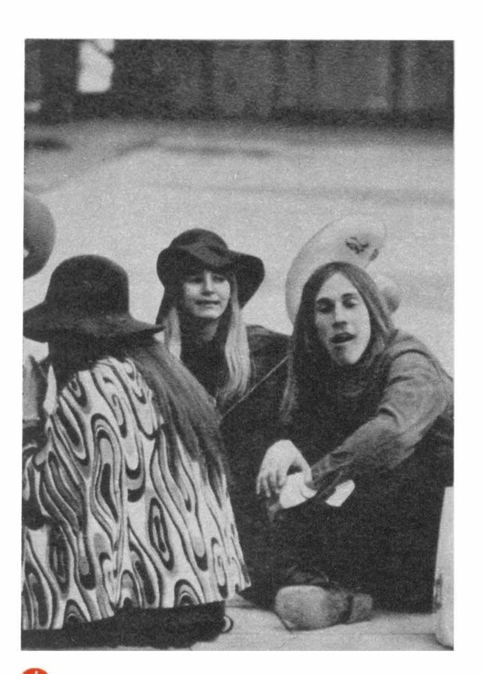

8

9

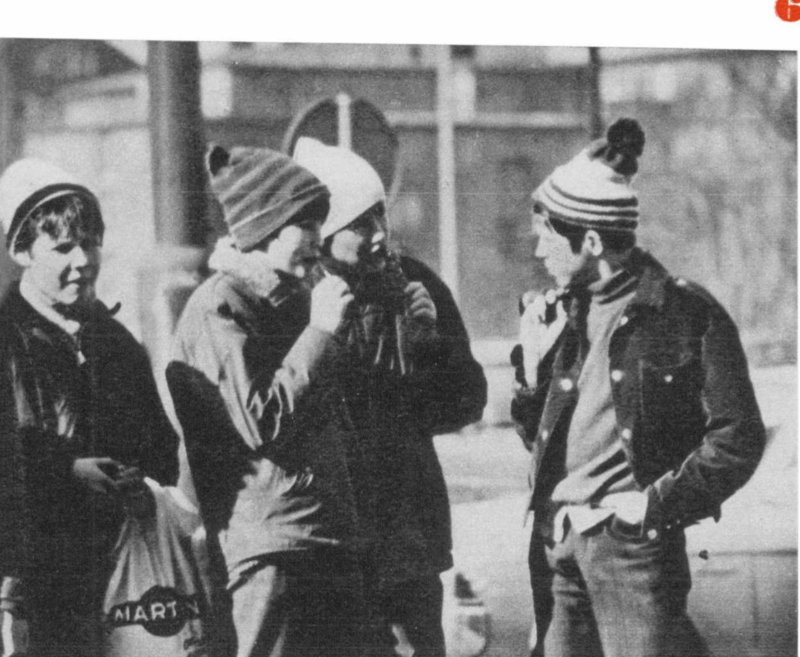
10

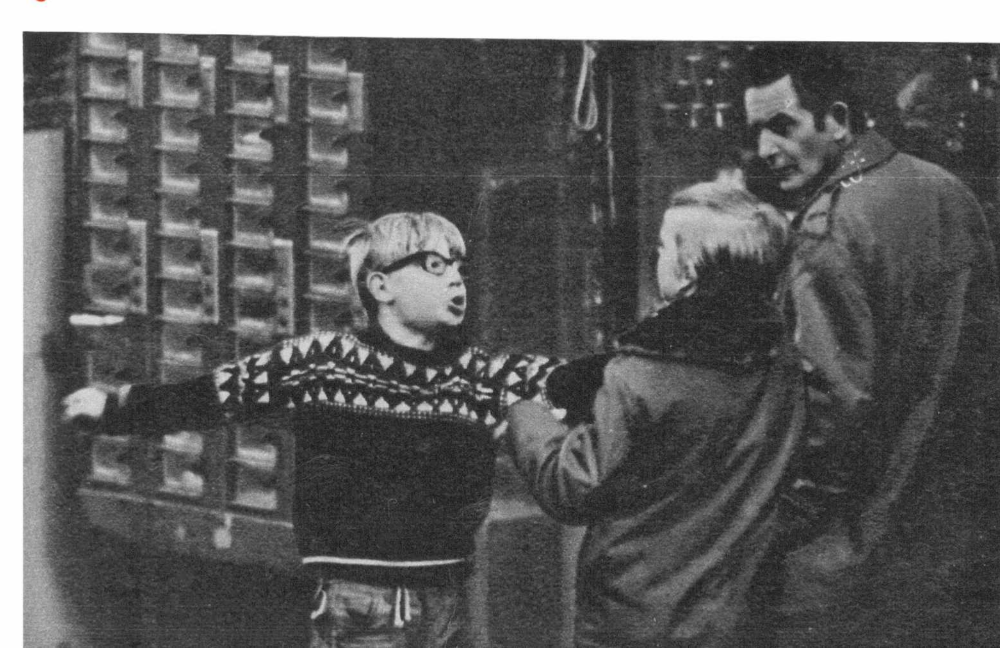

11

6

7

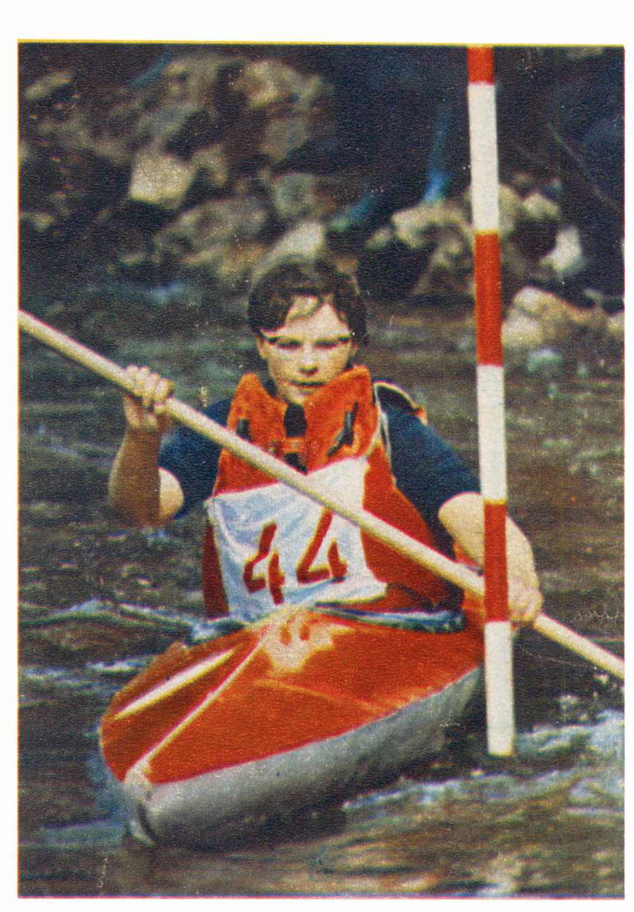

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.

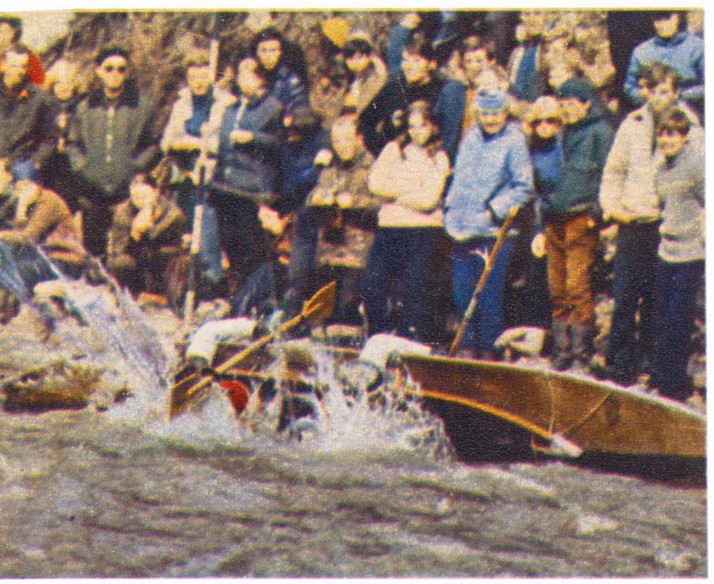

Против течения...

Бурная Амата. На трассе водного слалома.

Хирург из Риги Рудите Циперсоне — неоднократная победительница соревнований по водному слалому.

Сухим из воды никто не выходит.

На катамаране.

